

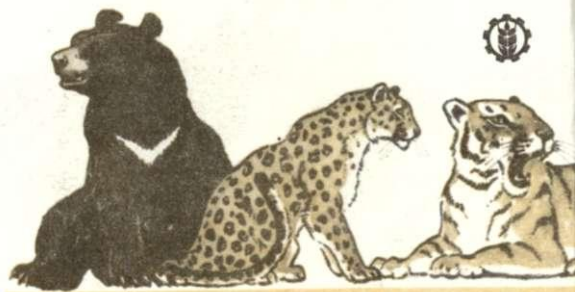
С.П. Кучеренко
**ХИЩНЫЕ ЗВЕРИ
ЛЕСА**

С.П. Кучеренко

МОСКВА ВО "АГРОПРОМИЗДАТ" 1988

ХИЩНЫЕ ЗВЕРИ ЛЕСА

12097433

59
~~ББК 28.685~~

591.6
28.68

K95

УДК 630*(02)

Кучеренко С. П.

К 95 Хищные звери леса.— М.: Агропромиздат, 1988.— 255 с.: ил.

ISBN 5—10—000243—3

Известный дальневосточный биолог-охотовед, один из лучших знатоков хищных зверей в увлекательной форме знакомит читателей с их образом жизни, повадками, оценивает роль хищников в природе и во взаимоотношениях с человеком, призывает бережно относиться к братьям нашим меньшим.

Для широкого круга читателей.

К $\frac{4001010000-088}{035(01)-88}$ КБ—32—12—87

ББК 28.685

ISBN 5—10—000243—3

© ВО «Агропромиздат», 1988

Отношение людей к хищным зверям издавна было сложным. В древности наши предки, вооруженные лишь камнями и дубинками, были желанной и легкой добычей для грозных и крупных хищников. Позднее, благодаря более совершенным орудиям охоты, силы уравнились, и война людей со зверями шла с переменным успехом. А потом появилось смертоносное оружие, и человек стал хозяином положения.

Руководствуясь порой своими эгоистическими или тщеславными устремлениями, одних животных он беспощадно уничтожал как вредных, на других активно охотился в погоне за дорогой шкурой, мясом и жиром, были и такие, что не удостоивались внимания властелина Земли. Но вместе с тем нам известны народы, поклонявшиеся хищным зверям и даже обожествлявшие их, думается, однако, не только из религиозных соображений, но еще и искренне преклоняясь пред красотой и могуществом четвероногих.

Взаимоотношения людей с хищниками складывались сложно: человек часто был безответствен и не всегда разумен в отношении к животным, что влекло за собой нежелательные, а порой трагические последствия для обеих сторон. Бывало, что некоторых хищников объявляли вредными и обрекали на уничтожение. В лучшем случае охота на них дозволялась в любое время года, без каких-либо правил и ограничений. Был период, когда так же безосновательно их объявили неприкосновенными, что не лучшим образом повлияло на лесную фауну.

Все это свидетельствует о том, что братьев наших меньших, а в первую очередь, пожалуй, хищных зверей мы до сих пор знаем недостаточно, гораздо хуже, чем нам представляется. А между тем охрана животного мира теперь стала одной из главных и трудных проблем нашего времени.

Хищные млекопитающие распространены по всему земному шару: в тропической сельве и ледяном безмолвии приполярной тундры, в жаркой африканской саванне и суровой сибирской тайге, в песчаных пустынях и горах... Вниманию читателя предлагается книга о хищных животных, населяющих леса нашей страны. Автор рассчитывает заинтересовать читателя и лучше познакомить с повадками зверей и образом их жизни, показать, каково место хищного лесного зверя в естественной среде обитания и в нашей жизни.

ПОЧЕМУ НА НИХ ОХОТЯТСЯ...

Охота — одна из форм взаимоотношения человека с природой. Во все времена под охотой подразумевалось постоянное получение продукции, а не истребление дичи.

А. Банников

В последние годы в печати нередко возникали споры о том, что является первопричиной наблюдающегося нынче обеднения животного мира, и по существу полемика сводилась к вопросу быть или не быть охоте; особое значение приобретала проблема охотничьей этики. Нет нужды оспаривать оскудение фауны, но и нет серьезных оснований связывать это только с охотой. Давайте попробуем в этих непростых вопросах разобраться обстоятельнее.

На состояние животного мира оказывало неблагоприятное влияние развитие промышленности, особенно пагубным оказалось сведение лесов, распашка земель, рост населения. В наше бурное время научно-технической революции появились дополнительные факторы, угнетающе воздействующие на фауну: интенсивное использование в сельском хозяйстве химических удобрений

ний, загрязнение природной среды, массовый, но недостаточно хорошо организованный туризм, стремительно развивающаяся транспортная сеть, практически не оставляющая недоступных для человека уголков Земли.

Конечно, и охота на зверей сыграла известную роль в уменьшении численности животных, а порой и в исчезновении некоторых видов, но эта роль не так велика, как многим кажется. Вряд ли будет справедливо утверждать, что мамонты, пещерные медведи, львы или шерстистые носороги, жившие и вымершие в одно время с мамонтами, были истреблены охотниками.

Нельзя не согласиться с тем, что охотники средневековья активно истребляли дикого быка тура. Но ведь тур был взят под строжайшую охрану польскими королями более чем за 200 лет до исчезновения этих животных; его не только охраняли, но и в трудные для зверя времена подкармливали — однако вид вымер.

Тур некогда обитал и в Африке, но исчез там еще за 2400 лет до нашей эры, а ведь на этом континенте водится множество других, менее опасных и более доступных для охотников копытных животных. Не дает ли это основание предполагать, что причиной исчезновения тура является его естественное вымирание, быть может, лишь совсем незначительно ускоренное охотой на них примитивно вооруженных людей?

Человека обвиняют и в молниеносном истреблении стеллеровой коровы — всего 27 лет ее видели люди. Но обстоятельства трагедии значительно более сложны, чем представляются поверхностному взгляду.

Ко времени открытия Командорских островов стеллерова корова обитала на ничтожно малой

территории, что дает основание предполагать крайнюю степень естественного угасания вида, в прошлом распространенного гораздо шире. Условия жизни этого морского зверя на Командорских островах были тяжелыми, потому что зимой, особенно при образовании берегового ледового припая, он жестоко голодал и погибал. Думается, есть основания предполагать, что этот глубоко состарившийся биологический вид умер естественной смертью. Разумеется, нельзя оправдать тех, кто умертвил последних особей морских коров, но оценка фактов все же должна быть объективной.

В наше время живут два вида ближайших родственников стеллеровой коровы — морские сирены дюгонь и ламантин. Они на нее похожи внешне, ведут сходный образ жизни; как виды они тоже состарились: неуклюжи, малоподвижны, слабо реагируют на внешние раздражители, с узкой специализацией в питании. Человек не трогает этих беззащитных морских зверей, в ряде стран охота на них вовсе запрещена. И тем не менее их с полным основанием считают вымирающими видами.

Мы знаем совершенно иные примеры: люди несколько тысячелетий ведут самую активную и беспощадную борьбу с крысами и мышами, а их не становится меньше. Шествуют они победно почти по всему земному шару, и не потому ли, что не в пример узкоспециализированным морским сиренам это эволюционно процветающие виды с широкой экологической пластичностью, прекрасно приспособленные к современным сложным и изменяющимся условиям существования.

Известно, что только в нашу эру на земном шаре исчезло 105 видов млекопитающих. Но было

бы не совсем правильно считать, что без воздействия человека мир зверей насчитывал бы сейчас на 105 видов больше. Исчезновение многих животных произошло естественным путем; любой вид проходит определенный цикл развития: рождение, расцвет, угасание, смерть.

За миллиарды лет существования жизни на нашей планете исчезли миллионы видов животных, и, разумеется, громадное большинство их без какого бы то ни было вмешательства человека. Сгинули древние гигантские рептилии, вымерла гиппарионовая фауна, не стало мамонтов, саблезубых тигров, шерстистых носорогов и многих, многих других животных. Чуть ли не на наших глазах, вероятно, заканчивают существование такие эволюционно старые виды, как носорог и орангутан, сумчатый и красный волки, выхухоль, дикий двугорбый верблюд, лошадь Пржевальского, кондор...

Тем не менее мы должны признать, что в прошлом охотники иногда были действительно очень жестоки и порой нещадно истребляли животных.

Американских бизонов, например, уничтожали поразительно много — по 2—3 миллиона голов в год! До 4 тысяч бизонов на одного охотника за сезон! И самое отвратительное заключалось в том, что часто убивали просто так, ради спортивного азарта. От окончательного истребления американский бизон спасся почти чудом.

В сокращении численности многих видов промысловых животных в определенной мере повинны и сложный комплекс антропогенных факторов, и охотники прежних поколений, и охотники нашего времени. Среди них встречались случайные и недобросовестные люди, охотившиеся по прин-

ципам «на мой век хватит» и «после нас хоть потоп». Но заслуживают ли из-за этого порицания все охотники вообще? Обоснованно ли ставить вопрос о запрещении охоты вообще? Нет, конечно! И вот почему.

Охота — одно из самых древнейших занятий человека, одно из условий его биологической и социальной эволюции, она помогала человеку осознать себя как хозяина на земле, осталось только стать разумным хозяином, думающим о будущем животного мира.

И в настоящее время охота необходима. При научно обоснованной, рациональной организации это, прежде всего, важная и нужная часть охраны природы. Охота позволяет регулировать численность популяций промысловых животных. И, наконец, общество просто не может обходиться без эксплуатации возобновляемых природных ресурсов, которая в разумных пределах и при верных методах не только безвредна, но нередко полезна и даже необходима.

Например, в 40—50-х годах вследствие запрета промысла изюбра в Амуро-Уссурийском крае* поголовье его резко увеличилось, а запрет продолжал действовать еще много лет. Этим воспользовались волки, численность которых непомерно увеличилась в связи с обильной добычей, хищники стали жестоким бичом популяций и изюбра, и других копытных. Истребляя тысячи животных, они уничтожали то, чем по праву мог бы воспользоваться человек. Ведь не для того охранялся изюбр, чтобы прокормить как можно больше

* Амуро-Уссурийский край — географический регион, включающий в себя Приморье и бассейн Амура с Уссури в пределах Хабаровского края и Амурской области.

волков! И таких примеров можно привести множество.

Профессор Р. Парсон в книге «Природа предъявляет счет» пишет: «Недалекие и сентиментальные любители природы часто обвиняли охотников, называя их палачами диких животных. Между тем убийство с помощью смертоносного оружия более достойно похвалы, чем убийство, являющееся результатом милосердия». Следовало бы добавить: ложного милосердия.

Вспомним также, что в ряде областей европейской части нашей страны лосей охраняли так долго и старательно, что они, непомерно размножившись, нанесли весьма ощутимый вред лесному хозяйству, затем стали болеть, вырождаться, гибнуть. В Прибалтийских республиках неоправданно длительный запрет охоты на косулю также привел к бесцельной гибели тысяч животных и серьезному ущербу лесному хозяйству.

В недавние годы именно из-за ограничений охоты на кабанов в европейской части СССР этих зверей развелось слишком много, и они в ряде областей стали грозой для сельского хозяйства. А ведь проблема была бы снята с помощью строгого контроля за численностью этой или какой-либо другой популяции, и одним из методов является разумно организованная охота. А пока вид страдает от большого количества больных и слабых животных, колхозы и совхозы от потрав посевов и замораживания картофеля в разрушенных кабанами буртах, охотники же недополучают свои трофеи.

А вот еще примеры. Взгляните на соболя: в ряде регионов на него интенсивно охотятся, но это не влечет за собой отрицательных последствий, потому что разумный охотничий промысел

способствует усиленному размножению этого ценного зверька, а жизнеспособность даже повышается.

Мне довелось вести стационарные исследования экологии соболя в верховьях бурейинской реки Тырмы, изучать его образ жизни, распространение, численность, влияние промысла на поголовье зверька. Потом мы с коллегами на вертолете забрались в глухие таежные дебри, где нога человека, в том числе и охотника, вряд ли когда ступала. Разве что топографы да геологи работали там недолго. Тайга оказалась самая что ни на есть соболиная: глухая, захламленная, с обильными голубичниками и брусничниками; там было множество рябчиков, пищух и полевок — излюбленного корма соболя. Врагов же и конкурентов почти не было. Казалось, должна была быть там тьма соболей, однако через месяц работы мы выяснили, что их численность ничуть не больше, чем в постоянно и активно — в меру, конечно, — облавливаемых капканами угодьях. И это ли не пример тому, что разумная охота на животных не только не вредит им, но и дает людям ценную продукцию.

Жан Дорст в своей известной книге «До того как умрет природа» утверждает: «...Некоторые «покровители» природы решительно протестуют против охоты, считая ее варварским пережитком... В наше время в индустриальных странах охота, конечно, утратила свою утилитарную роль как средство добычи пищи, но она сохранила спортивный характер и позволяет человеку удовлетворять свое влечение к дикой природе. Хотя это может показаться странным на первый взгляд, однако правильно понятые интересы охотников в целом совпадают с интересами «покровителей» природы,

особенно когда речь идет о сохранении естественных местообитаний». И в другом месте этой книги: «Охота в правильном понимании — не зло, с которым нужно бороться или мириться, а рациональное использование некоторых маргинальных зон, оберегаемых тем самым от неуместных преобразований, наносящих значительно больший вред делу сохранения природы в целом».

С дальнейшим развитием общества на базе социального, экономического и технического прогресса роль и значение охоты будут, очевидно, возрастать. А поскольку промысловые животные составляют основную базу охотничьего хозяйства, необходимо активно стремиться к непрерывному увеличению их поголовья. Многие даст искоренение браконьерства, строгое регулирование численности крупных хищников, прекращение использования ядохимикатов, упорядочение лесоразработок и т. д. Росту поголовья животных должна эффективно способствовать разумная биотехника.

Охота — это спорт, в основе которого лежит страсть, и, как все страсти, она не всегда объяснима, но глубока и прочна. Еще в далеком палеолите, когда древние люди жили в пещерах, они знали охоту: с примитивными орудиями ходили на всякого зверя, вплоть до пещерного медведя и мамонта, ели их мясо, одевались в их шкуры. Чем искуснее, сильнее и смелее был охотник, тем больше шансов выжить он имел.

В наше время охота у многих народностей Севера и некоторых других является жизненной необходимостью. Для охотников-промысловиков она тоже источник существования. Большинству же современных охотников-любителей их увлечение не приносит материальных благ, скорее наоборот. К одному из самых древних занятий

на свете их непреодолимо тянет возможность испытать себя, мужество, силу, ловкость; охотник испытывает наслаждение от соприкосновения с природой, с романтикой походной жизни. Все вместе дает возможность не только добыть зверя, но и зарядить свой «психический аккумулятор».

Но охота должна сопровождаться мероприятиями по непрерывному воспроизводству и преумножению ресурсов фауны.

Настоящий охотник должен стать всесторонне, в том числе и биологически, грамотным, сознательным, разумно активным и рачительным хозяином охотничьих угодий. Он должен быть крепко «подкован» экологически и компетентен в вопросах охраны природы, участие в ведении охотничьего хозяйства должно стать его обязанностью и потребностью. Он должен принимать самое деятельное участие в охране фауны, помощи животным в трудные для них времена, учете их численности, разведении. Охотник должен брать в руки ружье не только для того, чтобы убить животное, получить мясо или шкуру, но чтобы сделать мастерский и красивый выстрел, добыть трофей, фотоснимок, чтобы иметь возможность узнать сокровенные тайны природы — вот главные цели охотника.

В будущем, разумеется, сохранится и любительско-спортивная, и промысловая охота, особенно в Сибири, на Чукотке, Камчатке, в Охотских районах, Приамурье. К тому же не должны исключаться из хозяйственного использования обширные лесные просторы, где нет предприятий промышленности, нет сельскохозяйственных угодий, просторы, населенные многочисленными видами животных: медведем, соболем, волком, рысью, росомхой, колонком — о них наш рассказ.

КОСОЛАПЫЕ

Как-то ранней осенью, когда лес, украшенный разноцветными листьями, становится тихим и немного печальным, я с чистого пологого склона горы заметил вдали, а вернее, услышал бурого медведя; затаившись, я увидел одну из таких сцен, которые помнятся всю жизнь.

Медведь вел себя словно пьяный: шел «по синусоиде», то рывкал баритоном, то голосил альтом, падал и сломя голову носился вокруг какого-нибудь дерева. Когда зверь оказался возле меня и я было приготовился окликнуть его, чтобы не столкнуться с ним лбом, медведь ловко свернулся в почти правильный шар, пригнув голову к задним ногам, обхватив тело всеми четырьмя лапами, и...покатился вниз по склону.

Видимо, ударившись об что-то и рывкнув, «весельчак» снова пошел в мою сторону, но на этот раз я увидел его совсем «трезвым». Шел он тихо, спокойно, даже как-то степенно, тщательно обследуя на своем пути камни, валежины, куртинки кустарников. Когда нас разъединяло всего 15 метров, я тихонько свистнул. Медведь мгновенно привстал на задних лапах, шумно задвигал чутким носом, прислушался, всем своим видом выражая серьезность, повернул назад и неторопливо зашагал, изредка оглядываясь. А я еще долго вспоминал забавную сценку!

Как-то пришел ко мне стройный высокий мужчина с красивым лицом, словно перечеркнутым лиловым шрамом, и рассказал недавно происшедшую с ним историю.

...Лето было в разгаре, стояла жара, небо отливало голубизной, земля пестрела зеленью, цветами, день был тихий, теплый, ласковый. Рассказчик и его жена отошли от таежного поселка на несколько километров, по пути собирая жимолость, а около полудня присели отдохнуть на лужайке, чтобы полюбоваться красотой летнего разнотравья.

Вдруг впереди раздался треск, закачался кустарник, и на лужайку вышли два сопящих и пыхтящих бурых медведя. Шли они, тяжело переваливаясь на толстых лапах, потом остановились, повернули друг к другу морды и застыли нос к носу.

«Я медведей в лесу никогда не видел,— продолжал рассказчик,— но знал о них, как мне казалось, много. Еще в детстве мы привыкли играть смешными плюшевыми медвежатами, а из прочитанных сказок сложилось представление о добродушных наивных Топтыгиных, Потапах Потапычах, Михайлах Михайловичах, над которыми потешаются звери и люди и которых легко обвести вокруг пальца. Потом видел их в зоопарках и вместе с толпой взрослых и маленьких посетителей смеялся над тем, как большущие звери выпрашивали лакомства, просовывая лапы между железными прутьями решетки, а получив конфету, аппетитно чмокали ею, уморительно мотая головой. И в цирке они выглядели забавно, вызывая смех зрителей: то неуклюже пляшут на задних лапах, то что-то вкусное пьют из бутылки, то катаются на мотоцикле. А как-то даже видел, как в хоккей играли. Слезы на глазах от умиления!..

Мы с женой, сидя на валежине и затаившись, улыбались, глядя на медвежью пару. В десятке

метров от нас появился еще один медведь и начал гнуть и ломать кусты и деревья, затем, пыхтя и рывкая, подошел к березке, встал на задние лапы, обнял ее передними и затряс, мельком поглядывая на своих сородичей. Мы не выдержали и засмеялись, потом я крикнул и бросил палку в направлении зверя, чтобы не ломал березку...»

Я внимательно слушал рассказчика, смотрел на его шрам, и в голову пришла догадка, что именно на той поляне что-то произошло, и, конечно, оттого, что люди имели превратное представление о буром медведе, а оказались рядом во время медвежьей свадьбы, когда звери злы и всякое бывает.

Немного помолчав, рассказчик достал сигарету; было заметно, как задрожали его пальцы. А когда он глубоко и жадно вдохнул дым, я почувствовал, что ему трудно продолжать, и дорассказал сам:

— Когда вы засмеялись, закричали и обнаружили себя, пара убежала, а третий бросился на вас. И вы, конечно, раньше даже не догадывались, что медведь может так быстро бегать...

— Да. Именно так и было. Но что плохого мы им сделали?

— Дело в том, что у медведей была свадьба, а те, что получили «отставку», часто в этот период становятся не в меру агрессивными. Тот, который встретился вам, срывал зло, ломая деревья и кустарники, поэтому и березку он, наверное, сломать хотел, а тут вы смеетесь, да еще палку кинули зачем-то...

После этой беседы я решил, что просто необходимо рассказать о медведях всю правду, причем не о сказочных персонажах, забавных и добродушных, а о лесных хищниках.

Бурый медведь не только самый, наверное, известный зверь, если можно так выразиться, самый национальный из всех животных средних русских лесов. Кажется, что мы все о нем знаем — вот он, весь на виду! Но так ли это? Он, действительно, не просто силен, но могуч. При кажущейся нескладности и неповоротливости может быть стремительным и ловким. При необходимости способен быстро и долго бежать, прекрасно плавает, преодолевая даже бурлящие и ревущие горные реки и морские проливы, хорошо лазает по кручам. Неуклюжим он кажется, вероятно, из-за длинной шерсти и обильных жировых запасов.

Известно, как быстро скачет лошадь, а представьте, что в лесу медведь может ее догнать.

Особенно выносив медведь на «марафонских» дистанциях. На минутку представим себе у стартовой черты тигра и бурого медведя, которым предстоит соревноваться на двух-трехкилометровой дистанции. Дан старт — тигр молниеносно опережает своего соперника и оставляет его далеко позади, а медведь, не унывая, бежит вслед. Но вот проходит минут пять, и дыхание тигра становится заметно более тяжелым, а медведю — хоть бы что! Через минуту расстояние между ними стало сокращаться, а еще через одну медведь поравнялся с тигром и спокойно, уверенно обошел его. Можно с уверенностью сказать, что через 5 минут полосатый совсем выдохнется и замедлит свой бег, а медведь будет бежать в том же ровном и быстром темпе, что и начал свой путь.

В лесу можно увидеть: бросится медведь в погоню за кабаном, тот рванет — глядишь и след простыл. А косолапый неторопливо бежит, пригнувшись к следам. Знайте: через 5—6 километров он все же догонит кабана. Вот вам и увалень!

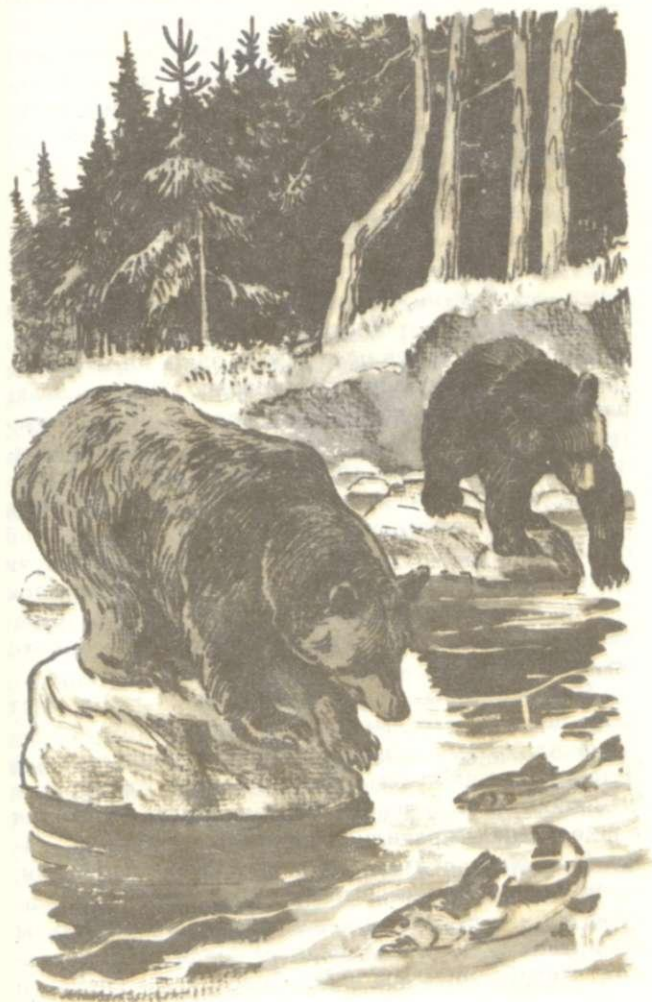
Невероятно силен этот зверь: лошадь, быка или лося, весящих по 4—5 центнеров, тащит по лесу, по крутым горам, сокрушая на своем пути кустарник и мелколесье. Как-то не верится, что этот же зверь к своей добыче может подкрасться совершенно неслышно, а затем огромными прыжками настигает и сваливает ее. Даже косуля или изюбр — очень чуткие и осторожные животные — и те попадают в лапы.

А теперь немного об органах чувств медведя. Слух и обоняние у него очень острые. Однажды я шел по петляющим медвежьим следам, линия которых вдруг резко повернула под углом 90°. Ветер дул в лицо. Через 2,5 километра я оказался у наполовину съеденного поросенка: медведь учуял его запах на таком расстоянии!

А вот зрение у зверя слабовато — он близорук. Его подслеповатые глаза прекрасно замечают мелкие предметы на близком расстоянии: медведь разглядит муравьев, гусениц, куколок — вдаль же он видит неважно, особенно тяжело ему рассмотреть неподвижные предметы.

Медведь очень сообразителен и среди зверей по праву считается умным. В цирке он способен освоить весьма сложные трюки. О сообразительности медведей хорошо знают охотники: очень хитро ведет себя зверь при преследовании, а на какие уловки пускаются мишки, чтобы утащить с пасеки улей, несмотря на охрану! Был такой случай: медведь увидел, как рыбаки осматривали сеть и вынимали из нее рыбу. В следующий раз, увидев или почуяв рядом сеть, он вытянул ее на берег, а рыбу съел. Согласитесь, здесь нельзя не восхититься его сообразительностью.

Бурые медведи довольно широко распространены на значительной части лесной зоны Север-

ного полушария, но наиболее крупные виды обитают на Дальнем Востоке и в северо-западной части Америки. Наиболее крупными бурыми медведями считаются гризли, обитающие в Скалистых горах Америки, и аляскинские медведи; однако уже собрано достаточно много материалов, свидетельствующих о том, что самые большие бурые медведи живут в СССР в Амуро-Уссурийском крае и на Камчатке. Неудивительно, если здесь будет добыт медведь массой в 700—800 килограммов. В сравнении с европейскими медведями, весящими обычно 100—150 килограммов, медведи Дальнего Востока настоящие гиганты.

Однажды я наблюдал, как один из этих гигантов медленно брел по горному высокотравью, переваливаясь на толстых косолапых ногах, опустив тяжелую голову и что-то высматривая на земле. Над верхушками трав виднелась лишь лохматая холка зверя. Я тихонько свистнул — зверь моментально встал на задние лапы во весь свой громадный рост — не менее 3 метров! — а почуяв меня, — сорвался и умчался прочь. Испугался зверь? Возможно. А может просто благоразумно удалился: ведь трусость и благоразумие — это не одно и то же.

Но иногда и медведь празднует труса. Вот заяц неожиданно выскочил у него из-под ног — и верзила бросился прочь, испуганно тараща глаза и натываясь на кусты. Однажды я был свидетелем забавного и печального случая. Когда я учился в школе, мы отправились собирать голубику. С нами был один дедушка — старенький, седенький; он немного прихрамывал еще со времен гражданской войны. Мы были с ведерками, а он с таким же древним, как и сам, медным солдатским котелком. Перебрались мы через болотце на обильную

ягодой релку*, а дедушка остался один — ягоды везде хватало. Мы собираем голубику, разговариваем, смеемся. Вдруг послышался истощный человеческий вопль, звериный рев — и все стихло. Почувствовав недоброе, мы бросились на крик.

Дедушка сидел у кочки цел и невредим и уже потягивал свою трубку. Правда, лицом бледен был и дышал тяжело. Рассказал о происшедшем — и смех и слезы!

— Кусты голубики рясные такие да густые! Обираю я потихоньку ягодку да поворачиваюсь на коленках вокруг кустиков. Глядь — ведьмедь передо мной как из земли вырос! И не видит ведь меня, ягоду чмокает! Да рядом совсем! Я не помня себя закричал, замахал руками от страха да и угодил нечаянно своим котелком зверине по башке. Котелок зазвенел, ведьмедь заревел и утек. Видно, тоже испугался. Ягоду из-за него просыпал....

— А куда он побежал, медведь?

— Да вон к тем кустам вроде бы.

Интересно нам стало, да и, честно говоря, не очень поверили старику. Пошли мы к тем самым кустам, озираясь по сторонам. И, действительно, нашли отпечатки тяжелых медвежьих лап, потом... фиолетовые «ленты» полупереваренной голубицы, а совсем недалеко лежал, горестно уткнувшись носом в землю и обняв передними лапами голову, большой бурый зверь. Мертвый. Погиб от разрыва сердца. Слова «испугался до смерти» обрели в этом случае буквальный смысл.

Можно припомнить и другие примеры, когда медведи проявляли трусость и даже гибли от испуга. Но в иной обстановке эти звери могут быть

* Релка — небольшое возвышение на низменности.

смелыми и даже очень храбрыми. Для того чтобы решиться отобрать добычу у тигра, нужна отчаянная смелость.

Однажды в ноябре, когда уже лег первый снег, но было еще тепло, мирно брел по кедрачу большой зажиревший на орехах косолапый. А из-под речного обрыва на него вышли сразу три тигра — мать и двое почти взрослых детенышей. Тигрица с грозным ревом кинулась на медведя, но тот не двинулся с места, приготовившись к встречному прыжку. Хищница замешкалась, оглянулась на своих великовозрастных красавцев — те зашли по обе стороны от медведя, рыча, как и мать. Но он и тогда не испугался — он приготовился к битве, хотя, вероятно, понимал, что с тремя тиграми наверняка не справится.

Тигры несколько раз бросались на смельчака, но тот не спасовал. И они сдались, ушли. Так своеобразно сочетаются в медведе противоположные качества: отчаянная храбрость и столь же отчаянная трусость.

Своеобразно питается медведь. Месяцами живет он на одной траве, точно лошадь или корова. Правда, иногда разроет муравейник или соберет куколок да личинок насекомых под камнями и валежинами. А когда созревают ягоды, желуди и орехи, он с таким аппетитом их поедает, да так быстро жиреет, что иногда задумываешься: почему это типично растительное животное вдруг числится в отряде хищных млекопитающих, как волк, рысь, тигр?

Но как бы не увлекался медведь «постной» пищей, в нем все время дремлет хищник. Он не преминет подмять кабана или другого зверя, если представится случай. В лесу топтыгин без труда учует труп животного и с превеликим удоволь-

ствием съест, если оно даже и разложилось до зловония.

Он неудержим в стремлении полакомиться душистым медом: идет на пасеку, рискуя жизнью, или упорно добирается до лесного улья, наперед зная, что пчелы облепят его и искусают и что после этого он долго-долго будет себя скверно чувствовать. Ох, уж эти любители вкусно поесть!

Но бывает время, когда в лесу ни ягод, ни орехов, ни желудей,— голодное время для медведей! В разных частях своего обширного ареала звери выходят из положения по-разному. Скажем, на Камчатке, когда нет ягод и орешков кедрового стланика, звери почти все время кормятся снулыми лососевыми рыбами на речных нерестилищах или собирают то, что выбросит море,— погибших тюленей, рыбу, ежей, голотурий и прочее. Редко голодают медведи на Кавказе и в лесах европейской части нашей страны, потому что там много всяких ягод и какая-нибудь да родится, а кроме того, в пищу идут дикие фрукты, желуди, орешки.

Другое дело в Сибири и на Дальнем Востоке: если неурожай желудей, ягод и орехов, для медведя это лютая беда, и тогда хищничество — единственный способ пережить трудное время. Он всецело переключается на охоту за животными: в Сибири — за лосями, маралами и северными оленями, а в уссурийских лесах — за кабаном. Поймает и съест одного — ищет другого. Если повезет — три-четыре, а то и 5—6 животных в месяц задерет. Бывает это обычно осенью, когда надо накопить жиру для долгого зимнего сна. Ест медведь много: 20—30 килограммов мяса может съесть за сутки, а если голоден — до 40—50 килограммов и даже больше — поест он любитель. Но далеко не всегда медведь найдет

лося, оленя или кабана, и тогда наступает для медвежьего племени настоящее бедствие — голод.

Тут мы подошли еще к одной особенности медведя. Обычно эти звери подолгу живут на своих индивидуальных участках, считая их неприкосновенной собственностью и самоотверженно охраняя от пришельцев. А в неурожайные годы покидают их и в поисках корма начинают кочевать на многие сотни километров по крутым горам и топким марям, через реки и поля. Эти массовые кочевья начинаются еще в конце лета, потому что звери хорошо чувствуют, что этой осенью им ждать нечего: она не принесет ни орехов, ни желудей, ни ягод. Медведи нервозно и отрешенно бродят где попало: их встречают даже на приусадебных огородах, в садах, на сельских околицах, даже в крупные населенные пункты забредают! С наступлением холодов они худеют, озлобляются и становятся дерзкими. Многие из них в берлоги так и не ложатся, становятся шатунами и рано или поздно погибают от голода, холода или пули охотника. Шатуны очень опасны. Они охотятся не только на диких зверей, но задирают и домашних животных. Случается, и люди становятся их жертвами. Однажды шатун напал... на мчавшийся по дороге грузовик — это ли не свидетельство безвыходности положения зверя?

Измученные животные мерзнут и надеются хоть где-нибудь немного подремать. Некоторые засыпают навсегда, а тем, кому посчастливится накопить хоть немного жирку, ложатся в берлоги. Но даже и этим счастливицам не всегда удается дотянуть до весны.

В 1973 году в зарослях таежной Тырмы я случайно повстречался с шатуном. Увидел его лежащим всего в 20 метрах от редкого ольховника

на берегу «закипевшего» наледью ключа, по которому я шел. Поняв, что он обнаружен, медведь вскочил и побежал по льду ко мне. Оружия у меня не было — одна только увесистая палка, и я порядком перепугался. Но в то же время отметил, что зверь очень худой и бежит совсем не так, как это делают нападающие хищники.

Когда расстояние между нами сократилось до 8—10 метров, я громко крикнул и сильно ударил палкой по росшему поблизости дереву. От неожиданности, а может, от испуга медведь охнул, поскользнулся и... растянулся на льду. Потом, поскуливая, с трудом поднялся на ноги и после моего повторного крика повернул обратно. Он был настолько тощ, что все его тело выглядело плоским как доска. Я не сомневался, что шатун находится на грани голодной смерти. И еще я понял, что этот зверь несколькими годами раньше был крупным и упитанным.

И в нормальные по кормности годы бывает у медведей трудное время — весна. Покинув берлогу, они шатаются, неуклюже переваливаются на дрожащих от долгого бездействия ногах, быстро устают, как человек после длительной болезни. Недолго побродив около берлоги, идут досыпать — то на ласковом, веселом по-весеннему солнце, то забираясь в берлогу в морозную ночь. С каждым днем солнце поднимается выше, медведь ходит дольше, а спит меньше. Вскоре он обретает безудержную резвость и носится по горам и лесам, буйно радуясь свету, теплу и вернувшейся силе.

На склонах с проталинами рано появляются всходы трав, эфемеров, которые медведь поедает с жадностью. Обсасывает набухшие почки осин, берез, тальников и других деревьев и кустарников,

ворошит муравейники, ищет брусничники и клюквенники с перезимовавшей ягодой, прошлогодние желуди или орехи. Когда же всего этого нет, медведь отыскивает трупы павших зимой животных. И снова, собравшись с силами, охотится на кабанов, лосей, оленей. В случае образования на снегу крепкого весеннего наста, выдерживающего тяжесть медвежьего тела, косяластые убивают глубоко проваливающихся в снег тонконогих копытных столько, сколько находят. Когда же снег становится, эти хищники переключаются на поиски поросят, лосят, оленят и их матерей.

В начале мая появляется сочная трава, и медведи жадно на нее набрасываются, словно превращаясь из опасного и сильного хищника в мирного вегетарианца. В это время они часами кормятся на открытых местах, где трава гуще, и издали похожи на пасущихся лошадей. Очень любят сочный белокопытник, борщевик, дудник и другие растения.

Мне приходилось наблюдать, как медведи подолгу и с заметным наслаждением паслись в густых зарослях борщевика — высокого широколистного растения с сочным трубчатым стеблем (его еще медвежьей дудкой называют). Я сначала недоумевал: неужели этой травы медведю хватает? А потом, узнав, что она содержит в себе до 30% сахаров и 15% протеина, понял, что медведь не ест что попало.

В обычные по количеству кормов годы осенью медведи сильно жиреют, толщина подкожного жира у крупных особей достигает к началу ноября 8—10 сантиметров. Такого медведя издали узнаешь: округлая лоснящаяся, широкая спина, тяжелые ноги, «шуба» на нем так и колышется, движения неторопливы, сам он спокоен, доброду-

шен. Еще бы! С таким запасом жира — до 100 — 150 килограммов — и зима нипочем, да и на весну останется немало.

Иногда на нерестилищах лососей или особенно хорошо уродившихся ягодниках, в кедрачах или дубняках на небольших участках собирается до 10—15 медведей, больших и малых, самцов и самок. Наблюдать за этими сборищами необычайно интересно, узнаешь много нового об образе жизни животных.

Когда запасы корма ограничены, в образовавшихся временных сообществах медведей устанавливаются строго иерархические отношения, основанные главным образом на праве сильного. Самому могучему все позволено, все ему безоговорочно подчиняются, его боятся. Менее сильный подвластен более крепкому. Малыши — вне рангов, им многое прощается, однако взрослых самцов они остерегаются, потому что те к ним не очень ласковы.

Но, когда пищи изобилие, медведи необычно миролюбивы: ни вражды, ни утверждения с помощью силы. Даже не прочь поиграть! Правда, внимательно присмотревшись, замечаешь, что веселятся малыши и молодые медведи; взрослые звери проявляют спокойствие и терпимость.

Но все же медвежьи драки — явление вовсе не редкое. Особенно свирепы они в брачную пору. Медведь — одно из немногих животных, у которых «личные» интересы превыше борьбы за сохранение вида, поэтому бывают между ними и драки до смерти. А самцы даже к матерям и детенышам не испытывают привязанности — природа не одарила их такими добродетелями, как супружеская верность и отцовская заботливость.

В берлоги бурные медведи залегают перед тем,

как войдет в силу снежная и морозная зима. Медведь вообще «нелюдим», любит уединение, покой, для своего жилья избирает глухомань и хмурые угрюмые дебри, закоряженные и для людей трудно доступные. При случайных встречах с себе подобными они не только не проявляют радости, но недовольны, порой настроены угрожающе, а иногда и драчливо. Особую глушь медведи выбирают для своих берлог. К берлогам звери идут по одиночке и группами, идут быстро, редко останавливаясь, почти по прямой линии, пролегающей по горам и лесам, через бурелом и еще не замерзшие реки, покрывая по 20—30 километров в сутки.

В горах медведи устраивают берлоги и в земле, и в расщелинах скал, и в пещерах. На марях и болотах изредка приходилось встречать берлоги в виде нагромождения веток, травы и дерна прямо на земле. Но такие «зимовья» делают только нерадивые или ослабленные звери.

Нередко медведь устраивает берлогу в очень густом пихтовом и еловом подросте. Сначала наломает большой ворох веток и вершинок, потом сооружает из них гнездо, совсем как курица, и устилает его мхом. Залегая, прикрывает себя ветками и сверху. Однажды нашли очень крупного медведя в большой куче сухих листьев. А недавно была найдена медвежья берлога, выстланная оленьим мхом; для нее понадобился мох с доброго гектара земли.

Неподалеку от берлоги бурый медведь долго петляет, выбирая подходящее место и мудрено запутывая следы. Первые 5—10 дней не спит, а чутко дремлет. Устраивается обычно тщательно. Мне много раз приходилось видеть берлоги, вырытые в косогорах и под шатрами крупных деревьев,

с длинным лазом и обширным гнездом, устлан-
ным всякой растительной ветошью. В них тепло,
сухо, удобно. Интересно, что иногда наиболее
опытные медведи, покидая берлогу, маскируют
вход сломанными деревьями, валежинами или
корягами.

Уже в конце ноября и декабре хмурые лесис-
тые горы укутываются снегом, мороз лютует и да-
же солнце бессильно против него. Кажется, все
вокруг оцепенело и конца не будет зиме. А медве-
ди спокойно спят в своих берлогах в тепле
и сытости, заслужив покой неустанным трудом
в период бодрствования. Но это не спячка, а просто
сон, крепкий и продолжительный. Впадающие
в спячку животные (например, суслики, ежи,
летучие мыши и др.) оцепенеют, температура их
тела резко падает, и, хотя жизнедеятельность
продолжается, ее признаки почти незаметны.
У медведя же сохраняется нормальная темпера-
тура тела. О том, что жизнедеятельность живот-
ного достаточно выражена, говорит тот факт,
что активно расходуется запас жира (от 60 до
100 килограммов), более того, организм зверя
продолжает вырабатывать воду. Сердце зверя
бьется ритмично, хотя и медленнее, чем обычно,
несколько реже становится дыхание. В берлоге
медведь проводит 5 месяцев и покидает ее во вто-
рой половине марта или в апреле.

Медвежата появляются на свет в лютые январ-
ские или февральские морозы. Их бывает от
одного до четырех, но чаще всего два. Они до
удивления малы и беспомощны. Странно видеть
у медведицы массой 1,5—2 центнера 600-граммо-
вых детей! Однако природа мудра: крошечным
детенышам молока нужно совсем немного. Будь
они покрупнее, вряд ли и они и мать дотянули бы

до весны. Медвежат самка кормит молоком до августа. Первой своей осенью они весят 30—40, второй — 50—60 килограммов. В возрасте двух лет молодые медведи начинают самостоятельную жизнь. Часто рассказывают и пишут о «пестунах» — крепких подростках, дважды перезимовавших с матерью и ухаживающих за новорожденными малышами. Такое действительно бывает, но очень редко. Мне не приходилось встречать медведицу с «пестунами», и о них знаю понаслышке.

Медведица ревностно охраняет свое потомство; она способна даже броситься на человека, чтобы отогнать его или напугать. В исключительных случаях — скажем, если человек приблизится неожиданно к спящим медвежатам, самка может серьезно покалечить его; если чувствует, что

малышам грозит опасность, встает на дыбы, ревет, делает резкие выпады, но убегающего, как правило, не трогает.

Осенью, когда детеныши становятся взрослее и шустрее, медведица, испуганная выстрелами охотника, обычно убегает, медвежата же залезают на дерево. Выстрелов медведи панически боятся, этот страх берет верх даже над могучим материнским инстинктом.

Отношение этого хищника к человеку сложно. Нельзя предугадать, как зверь поведет себя при встрече. Мимика у него небогатая, эмоции (не в пример зверям из семейства кошачьих и собачьих, не говоря уже об обезьянах) внешнего выражения почти не получают. Чаще всего он в страхе или следуя благоразумию убегает, но нередко бывает и иначе. Очень трудно распознать, когда медведь рассержен. Нападение — хотя вероятность его мала — может быть совершенно неожиданным, и причины агрессивности трудно объяснить. К тому же от добродушного с виду толстяка и увальня ее обычно и не ожидают. Именно поэтому о медведе надо знать всем, особенно любителям лесных прогулок.

В большинстве случаев на человека нападают шатуны, раненые звери и медведи, застигнутые у своей добычи. Идти вслед за раненым хищником одному, без собаки, а особенно по чернотропу, крайне опасно. Нападает медведь с ревом, приближаясь большими прыжками. Особенно свирепы бурые медведи в неурожайные годы, когда многие из них становятся шатунами. Известны случаи неспровоцированного нападения на людей в Сибири и на Дальнем Востоке, иногда с трагическими последствиями. Наиболее агрессивны медведи Сибири и Приамурья, отличающиеся от своих

европейских собратьев большей силой и злобой. На Камчатке и в Приморье эти звери более мирные по характеру, а европейские виды наименее агрессивны и печальные происшествия с ними скорее исключения.

Отношение людей к медведям тоже сложное и не всегда отличается разумностью. Во многих европейских странах этих животных давным-давно нет: в Дании «хозяев лесов» не стало еще до нашей эры, в Англии они истреблены около тысячи лет назад. Редки сейчас медведи в Скандинавских странах, лишь немного больше их в Румынии, Югославии, Чехословакии, Польше. В ряде азиатских государств (Иране, Ираке, Афганистане и др.) они стали также крайне малочисленны. Но в Канаде и на Аляске бурых медведей пока много. Всего же на земном шаре их теперь не более 150 тысяч, а две трети общего числа живут в Советском Союзе. Из них около 70—75 тысяч обитает в лесах Восточной Сибири и Дальнего Востока, но наиболее часто встречаются они в Амурсо-Уссурийском крае.

В тех странах, где медведя истребили полностью, его начали разводить вновь; где он редок,— взяли под строгую охрану. Ну а в Сибири и на Дальнем Востоке охота на медведей ведется практически неограниченно, хотя и по лицензиям. И для этого есть основания: превышение численности медведей приводит к уничтожению кабанов, лосей и белогрудых медведей.

На японском острове Хоккайдо бурых медведей тоже много, они наносят порой серьезный вред животноводству, нередко нападают на людей. Поэтому там на зверя активно охотятся, ежегодно отстреливают в среднем по 550 штук, даже травят его ядом, но численность его не уменьшает-

ся. Следовательно, мы должны регулировать численность этих животных конкретно в каждом районе, области, крае.

Вы наверняка поняли, что бурый медведь — зверь чрезвычайно интересный и как зоологический вид, и как природный «объект», и как охотничий трофей. Кстати, медвежати́на высоко ценилась еще в Древней Руси, а о красоте медвежьей шкуры многие знают. Да и испытать свои силы в единоборстве с серьезным противником очень заманчиво.

Прискорбно, однако, что человек с каждым годом все более теснит бурого медведя и общая численность его сокращается, более или менее стабильна она лишь в необжитых районах Сибири и Дальнего Востока, в европейской же части Советского Союза неуклонно падает. Закавказский и тьяншанский подвиды медведя занесены в Красную книгу СССР, на остальные виды введена лицензионная система охоты.

СЕРЫЙ РАЗБОЙНИК

Процессы, происходящие в природе, естественные и искусственные, в последние десятилетия активно обсуждаются всеми. Это и понятно. Одной из острых тем является проблема взаимоотношения людей с крупными хищниками. Особенно много говорилось об отношении к волку.

Мы помним, что человек ведет ожесточенную борьбу с этим хищником с незапамятных времен. В Древней Греции еще за 600 лет до нашей эры уничтожение этих хищников всячески поощря-

лось, как, впрочем, и в Римской империи, и позже борьба против волков велась почти везде, где водились эти звери: ведь они нещадно истребляли домашних животных. В результате в Англии эти хищники были уничтожены в начале XVI века, в Ирландии — в конце XVII. Несколько веков назад совершенно исчезли волки в Бельгии, Италии. Во Франции в недавнее время изредка появлялись 1—2 выводка, но против них немедленно снаряжали бригады полицейских в сопровождении огромного числа охотников, разыскивали волков даже с помощью вертолетов.

В нашей стране волков было всегда много. В 1935 году их насчитывали около 100 тысяч, а к концу Великой Отечественной число их удвоилось. Потребовалось много лет, чтобы животных стало в 4 раза меньше. Легче бороться с ними в степях и тундре, где можно было использовать самолеты и вертолеты, а также в густонаселенных областях европейской части Советского Союза. В таежных просторах огромной Сибири и Дальнего Востока сократить число волков оказалось очень трудно.

Волки продолжают обитать на большей части своего обширного ареала, охватывающего почти все Северное полушарие. На Северо-Американском континенте численность этих зверей теперь составляет 20—30 тысяч голов, в европейских странах — в основном в Югославии, Румынии и Греции — несколько тысяч, в Советском Союзе — около 85 тысяч. Кроме того, волк обычен в Иране, Монголии, Китае, Корее, есть в Японии и других странах Азии. Всего же на земном шаре их ориентировочно 150—160 тысяч. Это далеко не малая численность.

Во многих странах и областях волк истреблен,

но в некоторых этот зверь живет совсем рядом с человеком. Бывает, волки выращивают своих детенышей у оживленных дорог, на полях, вблизи сел.

Внешне волк напоминает крупную сильную овчарку, только с еще более мощным телосложением, но при этом он даже стройнее и красивее. Длина тела от носа до корня хвоста от 1 до 1,5 метров, высота в холке до 1 метра. Масса от 30 до 45 килограммов, редко до 60, в исключительных случаях до 80 килограммов. Самки легче самцов.

У волка большая лобастая голова, толстая шея, объемистая грудная клетка, подтянутый живот, высокие сильные ноги — словом, это выносливый бегун на короткие и длинные дистанции. Волк в психическом отношении достаточно высокоорганизованное животное — поведение его отличается особой сложностью. Морда очень выразительна: ученые насчитывают у него около двадцати мимических выражений, соответствующих определенному эмоционально-психологическому состоянию.

Волки, глядя друг на друга, обмениваются информацией. Вспомните, как внимательно смотрит в лицо своему хозяину собака — ближайший родственник волка, она понимает его и без слов, потому что лицо человека часто бессознательно отражает его эмоции. Многие животные воспринимают тончайшие оттенки чувств, ускользающие порой от внимания человека.

Хвост — орудие характерной жестовой речи; его положение свидетельствует о спокойствии или тревоге, уверенности или страхе, агрессивности или миролюбии. Выразительны у волка положение головы и ушей, осанка, а особенно голос. Многие считают, что волк может либо молчать,

либо выть, а в самом деле характер звуков разнообразен: он умеет ворчать, взвизгивать, рычать, звать и даже лаять — в зависимости от конкретной ситуации. У него отлично развиты зрение, слух, обоняние. Последнее в несколько тысяч раз тоньше, чем у человека; это и понятно: информацию об окружающем мире волк получает в первую очередь с помощью обоняния. Затаившуюся куропатку зверь учует за несколько десятков, а кошулю — за сотню метров; легко разнюхает волк, кому принадлежит след, оставленный много часов тому назад. О многообразии же запахов, которые способен различать хищник, мы даже и не подозреваем.

Есть у нас основание предполагать, что волк обладает «шестым» чувством. Во всяком случае охотника он распознает, даже если тот хорошо замаскирован, переодет, — особая интуиция, вероятно?

Физически волк развит, как отмечалось, великолепно. Недаром существует поговорка: «волка ноги кормят». На короткой дистанции он может развить скорость 60, а в броске — до 80 километров в час; можно выразить это иначе — 22 метра в секунду! Стометровка меньше чем за 5 секунд! Такой стремительный темп волк, конечно, долго выдержать не может, хотя и сердце у него могучее, и легкие как кузнечные меха, но со скоростью 40—50 километров в час он может мчаться 10—15 минут, а одолеть 30—35 километров в час для него вовсе не утомительно.

Не занимать волку и силу. Я видел, как один из них легко трусил, держа в зубах, словно кот мышку, крупного жирного барсука, весившего не менее 12 килограммов. Так же легко он способен бежать с овцой, которую для удобства пере-

движения забрасывает на спину. Волк не только силен, но и вынослив. Об этом свидетельствует случай, рассказанный егерем В. Давыдовым. В медвежий капкан, весивший около 6 килограммов, угодила лапой волчица. Превратив деревья и кустарник, росшие здесь, в щепку и труху, волчица сумела разорвать цепь и ушла, прочертив тяжелым капканом глубокий след. За два дня погони егерь прошел по волчьему следу более 40 километров, но зверя не догнал. Волчица «с кандалами» прошла по тайге, преодолевая даже крутые горы. Но самое удивительное, что она с медвежьим капканом на ноге умудрилась даже добыть себе пищу — поймать козла, которого и съела в один присест.

Два-три волка способны загрызть изюбра или молодого лося, весящих 150—180 килограммов, а стая из 6—8 животных может справиться со взрослым сохатым, который не только огромен в сравнении с волками, но и умеет постоять за себя: удар передними копытами лося обладает могучей силой.

В теплое время года волки живут парами, выращивая волчат и строго придерживаясь своих кормовых участков, которые маркируют и ревностно охраняют. К зиме взрослые и молодняк группируются и ведут бродячую жизнь. В стае обычно от 3 до 10, чаще 6—8 волков. Отец, мать, 3—4 прибылых и пара переярков, которым уже по 16—22 месяцев. Стая, как правило, состоит из близких родственников. Но случается, что 2—3 стаи объединяются в одну большую — временно, конечно, и при крайней необходимости: в глубокоснежье или если встретилась крупная добыча.

В волчьей стае сложная социальная и строгая

иерархия. Авторитет и власть вожака непрерываемы, ему подчиняются все. Вожаком является непременно самый сильный и опытный зверь. Для волчьего объединения характерна не только беззаветная преданность вожаку, но и взаимовыручка, поддержка, слаженность действий. Только благодаря этому звери обеспечивают себя достаточным количеством пищи, а следовательно, получают шансы выжить в тяжелейших условиях, которые усложняются преследованием со стороны людей.

В отношении к своим слабым и больным сородичам волки жестоки: уничтожают, а в голодное время и съедают их. Вероятно, поэтому старые звери живут в одиночку; они держатся на почтительном расстоянии от сильных и молодых особей, питаются скудными остатками трапез. С нашей, человеческой, точки зрения поведение волков отличается противоречивостью: сильные и здоровые звери между собой так дружны, взрослые за молодняком ухаживают с такой трогательной заботой, а вот к больным и старым беспощадны. Но биологи находят эту жестокость закономерной в сложной и беспощадной борьбе за существование.

Брачная пора у волков наступает во второй половине февраля — в начале марта. Супружеские пары волков часто сохраняются на всю жизнь, и гон у них проходит тихо и мирно. А шумные волчьи «свадьбы» с жестокими побоищами, о которых много пишут и рассказывают, бывают довольно редко, в основном когда молодая или овдовевшая волчица выбирает себе спутника жизни.

После 62—65-дневной беременности в заботливо устроенном укромном логове волчица рождает от 2 до 14, чаще всего 4—6 волчат. Первые пол-

месяца она никуда от них не уходит, а пищу приносит ей волк. Он очень заботлив, таскает к логову добычу, отрывает полупереваренные куски мяса и кормит волчицу с волчатами.

К полуторамесячному возрасту детеныши перестают питаться молоком матери и переходят на мясо. С этого времени взрослые уходят на охоту по очереди, а добычу приносят к логову. Волки очень добросовестные воспитатели. Они заботливо ухаживают за своим потомством, обучают его всем премудростям нелегкой жизни, с удовольствием играют с волчатами — совсем как собаки.

В воспитании волчат взрослые проявляют удивительную терпеливость. В минуты отдыха неутомные щенки то и дело покусывают взрослых волков — бывает в ухо и в нос! — а родители терпят, зная только увертываются. Лишь когда совсем иссякает родительская выдержка, они покорно уходят вздремнуть — ведь предстоит очередная трудная охота.

Конечно, когда малыши уже слишком расшались или обижают своих братьев и сестер, старшие их наказывают и довольно строго, а провинившийся отлично понимает, что наказан за дело.

В июле взрослые и молодые волки начинают выть. Как только густые сумерки окутывают землю, раздаются волчьи «песни», приводящие в трепет: «У-ооо-у», «уу-оо-ууу» — в этом вое есть что-то жутковатое и тревожащее.

По тембру можно судить о возрасте волка: у матерых — протяжное завывание на низких тонах, причем самец тянет особенно густым басом, с ударением на «ооо», а самка воет с переливами, баритоном, с особой силой «пропевая» звук «ууу». Переярки голоса как-то неумело: берут высоко, но голоса срываются, и они, словно от оби-

ды и стыда, начинают перебрехиваться. Ну а волчата — те еще даже и не воют, а так — скулят на высоких нотах и будто сами над собой хохочут.

Вой — способ общения волков между собой. Различными по высоте, силе и характеру «мелодиями» звери выражают призыв и угрозу, радость общения и тоску одиночества. Фарли Моуэт, прекрасно изучивший волков, пишет, что своим воем они быстро передают информацию от стаи к стае на большие расстояния, скажем, если требуется сообщить друг другу о передвижении табунов северных оленей и т. д.

Когда серые воют всей семьей или стаей, это, конечно, хоровым пением не назовешь, но своеобразная гармония есть. Канадский провинциальный парк Алгонкин посещают тысячи туристов только ради того, чтобы послушать «волчий концерт». Непонятно, однако, почему эти очень осторожные звери не думают об опасности, устраивая свои «спевки»?

Много еще непонятного в поведении волка: охотник нашел логово и унес волчат; следующей весной волчица щенится... опять в этом же месте. Охотник снова забирает волчат. Проходит еще год — и опять волчица щенится здесь же. Загадка да и только!

А в иных случаях волки удивительно осторожны. Один из неписанных волчьих законов запрещает резать скот вблизи логова. Как правило, волки-родители охотятся не ближе чем в радиусе 3 километров от гнезда с волчатами. Закон этот теряет силу, если молодняк по каким-либо причинам погибнет или их унесет охотник. Кстати, в этом случае лишившиеся детей звери начинают «мстить» людям, ожесточенно охотясь за домашними животными, и в первую очередь истребляют их в той деревне, куда унесли волчат.

В августе волчата уже весят около 10 килограммов, а с сентября начинают промышлять вместе с родителями, которые добросовестно и терпеливо передают щенкам свой опыт. В начале зимы, в шестимесячном возрасте, прибылые весят около двух пудов, по величине они близки к взрослым и уже приобретают некоторый опыт, но впереди еще долгие и трудные дни учения.

Как же питается волк? Основу его рациона, разумеется, составляет мясо, хотя при случае серый не прочь отведать вегетарианского.

Охотится зверь на всех животных, которых способен осилить, но если достаточно дичи, то населенных пунктов старается избегать — риск велик.

В лесах хищник охотится за многими животными — от полевки и бурундука до лося или марала. Но у него есть излюбленная добыча: в тундре — северный олень, в тайге — лось, марал или изюбр, в лесостепье — косуля, в степях — сайгаки и джейраны, в горах — бараны и козлы. Не упустит и других животных: барсука, лисицу, енотовидную собаку, поросенка, зайца, тетерева, рябчика или утку. Не побрезгует колонком или харзой, крысой, сеноставкой, полевкой.

Охотничьи приемы хищников весьма разнообразны: в равной степени успешно настигают свои жертвы из засады несколькими прыжками или гонятся за ними много километров. Коллективная волчья охота поражает согласованностью действий, четкостью и быстротой в принятии решений. Чем-то приемы их напоминают человеческую, например охоту загоном: стая разбивается на загонщиков и затаившихся в засаде. Так же организовано эти звери устраивают и облавы, загоняя свои жертвы на лед, в воду, к обрывам или каменистым россыпям. Расчетливо промышляют. Вот один из эпизодов, который частично мне довелось наблюдать, а остальное «прочитать» по следам.

Стая волков, выйдя на опушку леса, заметила на поле табун косуль. Поле постепенно сужалось вверх по широкому распадку, за которым начинался дубовый лес и виднелась сопочка с седловиной невысокого перевала. Опытный охотник сразу понял бы, что вспугнутые косули непременно побегут вверх по распадку к перевалу. Волки ре-

шили так же. Двое из них залегли, а остальные кромкой леса, скрываясь от косуль, потрусили в обход поля и затаились в том месте, где оно клином врезалось в лесной массив. Те двое, успев отдохнуть, побежали легкой трусцой, всячески демонстрируя полное безразличие к косулям, заметившим их и застывшим в тревоге. Отличные актеры, волки то переходили на шаг, то останавливались, глядя совсем не туда, куда их неудержимо тянуло, то снова переходили на трусцу.

В какое-то мгновение косули как по команде взметнулись и, словно большие желто-серые птицы, устремились к перевалу, где их подстерегала смерть. Волки тотчас же перешли на бешеный карьер, причем один обходил косуль справа, другой — слева, как бы направляя их туда, где была засада.

Две косули выбежали прямо к поджидавшим их волкам. Но обратите внимание: оставшиеся в живых косули резко повернули вправо, и те волки, что гнались за ними, помчались им наперерез, точно определив кратчайшее расстояние между собой и жертвами. Здесь, пожалуй, уже не инстинкт, не рефлекс! Во всяком случае, трудно поверить тем физиологам, которые все проявления жизнедеятельности животных, в том числе и психические, относят к рефлекторным.

В холодное время года волки часто бродят возле рек, особенно со второй половины зимы, когда образуются наледи. По наледям заходят в глубь лесов и волки из сельскохозяйственных районов. Обнаружив жертву, они гонят ее к реке, где легко настигают. Чаще обычного косули, олени и лоси становятся жертвами после обильных снегопадов, когда вынуждены спускаться с гор к берегам рек. Мне неоднократно приходилось

видеть излюбров, вмерзших с осени в лед или затертых льдом во время весеннего ледохода — это результаты волчьих облав.

На морском побережье волки нередко загоняют свои жертвы в море или на прибрежные скалы. Море чаще губит, чем спасает, ибо волки терпеливо ждут в засаде, пока объекты их алчного внимания выйдут из воды.

В теплое время года они охотятся у отстоев и солонцов, где всегда бродят изюбры и маралы. Загнав быка на скалу, волки, по существу, либо вынуждают его броситься вниз, либо берут измором. А около солонцов они подкарауливают добычу у троп.

Косули чаще всего становятся жертвами волков зимой, когда, сбившись в табуны, они откочевывают в малоснежные районы. На кабанов-секачей эти хищники не нападают, однако поросята и подсвинки — их излюбленная добыча. Лосей задирают любых, но предпочитают не иметь дела с крупными особями. Известны случаи, когда волки разрывали некрупных бурых медведей. Белогрудые медведи подвергаются их нападению чаще, но почти всегда спасаются на деревьях.

Характерная деталь: далеко не всякую потенциальную жертву эти хищники преследуют. Волкам достаточно пробежать за лосем или оленем несколько десятков метров, чтобы решить, по зубам ли они, хватит ли сил догнать. Понапрасну сил расходовать эти животные не станут.

Волки — типичные крупные хищники, но умеют ловить рыбу, лягушек, мышей, разоряют птичьи гнезда. Они не прочь при случае полакомиться дыней, арбузом, помидорами, ягодами рябины, голубицы, брусники. Бывает, что и падаль

идет у них в пищу, нередко подходят за нею к сельским околицам.

Но далеко не везде и не всегда волк может существовать только за счет питания дикими животными. В густонаселенных сельскохозяйственных районах дичи явно не хватает, а в суровые многоснежные зимы, когда жить становится очень трудно, серые жмутся к селам и беззастенчиво разбойничают: режут овец, свиней, собак, коров, лошадей, гусей — все, до чего могут добраться. Причем иногда режут во много раз больше, чем могут съесть или унести. Известно немало случаев, когда волчья семья за несколько ночных часов убивала 60—80, а то и до ста овец в отарах, домашних северных оленей в коралях, телят. Особенно стервенеют серые разбойники осенью, когда взрослые передают опыт подросткам: матерые демонстрируют свое мастерство, подростки же доказывают, что тоже не лыком шиты. А ловкость волков поистине необыкновенна: за один час зверь способен убить полсотни овец. Прием всегда один — мертвой хваткой за горло! Оттого-то деревенские жители издавна ненавидят этих хищников и постоянно их преследуют.

О поведении таежного (лесного) волка много спорят зоологи и охотоведы. Одни утверждают, что хищники как бы выбраковывают больных и слабых животных — объектов своей охоты, тем самым принося пользу популяции в целом, оздоравливая ее.

Другие придерживаются иного взгляда, рассуждая так: волк в день съедает в среднем около 4 килограммов мяса, а в год — до полутора тонн; один зверь за год уничтожает 35—45 косуль, сайгаков, джейранов, в тайге — 12—15 изюбров

или маралов, в тундре — не менее 20 северных оленей, среди которых больных не более 15%.

Хищники нередко режут гораздо больше дичи, чем добывают охотники. В неопромышляемых угодьях волки уничтожают весь годовой прирост поголовья. Однако не волк, а человек должен иметь возможность эксплуатировать охотничьих животных, в первую очередь отстреливая, конечно, слабых и больных зверей. И те и другие по-своему правы: но все зависит от конкретных условий, времени и места. В сельскохозяйственных районах, особенно с развитым животноводством, волки наносят существенный вред, и их надо уничтожать, в охотничьих угодьях численность этих хищников должна строжайшим образом контролироваться — тогда их жертвами будут преимущественно неполноценные животные, и, стало быть, сохранится основная функция волков — выбраковка нежизнеспособных особей. Следовательно, охоту на волков в этих угодьях в необходимой мере нужно поощрять.

Ну а заповедники — дело другое: там волки, как и все животные и растения, должны быть неприкосновенны. Правда, и в заповедниках необходимо следить за численностью видов — иначе бесконтрольно размножившиеся хищники будут наносить вред, проникая в соседние районы.

Важно отметить, что никто не ставит вопрос о полном уничтожении волка, все понимают, что этот вид, как и другие, целиком уничтожать нельзя. Но необходимо, повторяем еще раз, строго контролировать численность этих интереснейших животных.

РЫСЬ

Было тихо и пасмурно. Вершины Буреинского хребта сначала надвинули белые шапки, а потом и вовсе растворились в снежном море. Ноябрьское серое небо опустилось так низко, что, казалось, его вот-вот проткнут островерхие ели и лиственницы. Крупные снежные хлопья устало опускались на хвою деревьев, цеплялись за голые ветки кустарников, мягко ложились на плотно закованную в лед таежную речку, по ней я уже пятый час шел на лыжах.

Звериные следы недельной давности, совершенно запорошенные снегом; почти все они были мне знакомы, и я не особенно присматривался к ним, думая о предстоящей мучительно длинной зимней ночи, которую придется провести в палатке.

...Свежий след крупного зверя я увидел издалека, потому что на речной глади был особенно замечен. Он принадлежал рыси, которая оставила его совсем недавно, обнаружив мое присутствие непростительно поздно. Рысь огромными прыжками умчалась вниз по реке, не сообразив спросонья, что гораздо надежнее было бы тихо и незаметно ретироваться в близлежащий густой ельник. Тогда бы я мог не заметить отпечатки ее мощных лап и прошел бы мимо, а теперь был одержим стремлением увидеть этого зверя.

В том месте речка, огибая длинную пологую сопку с седловиной, делала пятикилометровую петлю; этот путь мне удалось сократить, перейдя через седловину. А спустя четверть часа, промок-

ший, усталый, я сбежал к реке, нашел укромное место и затаился, вооружившись биноклем.

Рысь я заметил издали. Она шла в мою сторону легко, спокойно и неторопливо, изредка останавливаясь, прислушиваясь к шорохам и принюхиваясь к запахам леса. Движения этой крупной лесной кошки были совершенно бесшумны, удивительно грациозны и одновременно сильны. Она подходила то к одному берегу реки, то к другому, иногда вспрыгивала на него и исчезала в густом кустарнике или под кронами елей на несколько минут. А когда между нами оставалось не более полусотни метров, она застыла надолго, уставившись в одну точку на скалистом яре, повернувшись ко мне боком и всем своим видом говоря: смотрите на меня и восхищайтесь.

В бинокль я отчетливо разглядел мускулистое поджарое тело рыси на длинных ногах, короткий, словно обрубленный хвост, легкую голову с красивой мордой: большие желтые глаза с черными зрачками, подведенные белой полосой, треугольные уши с темной кисточкой на вершине, длинные «бакенбарды», серебристо-белесая шерсть на щеках, пятнистый узор на лбу и темени, жесткий разлет светлых длинных усов, черная прорезь рта. Удивительно красивого рисунка меховой покров: переливающиеся серо-буроватые пятна на спине, белое брюхо, ноги с темным крапом. При легких движениях воздуха плотный мягкий волос шевелится, переливаясь и искрсясь. От всей ее фигуры веяло невозмутимым спокойствием, уверенностью, чувством собственного достоинства.

В какое-то мгновение рысьи глаза уставились в объективы моего бинокля, и я замер, даже дышать перестал. Но через несколько секунд рысь

прикрыла глаза и отвернулась в другую сторону.

Тогда она, учуяв что-то, пружиня и приседая, медленно зашагала к яру; глядя на ее движения, я в который раз подумал, что она очень ловкий и опытный охотник.

Рысь исчезла в лесу, а я еще долго вспоминал ее.

Я ожидал ее нового появления здесь, не шевелясь и чуть дыша, и вскоре услышал звуки стремительных прыжков, отчаянной борьбы двух зверей и предсмертного крика одного из них. Судя по всему, кричала кабарга.

К месту разыгравшейся чуть ли не на моих глазах драмы я подходил совсем тихо, но рысь все же разглядеть как следует не удалось — она услышала мои шаги и скрылась. Ее силуэт мелькнул несколько раз между деревьями и словно растворился в сумраке леса.

Масса взрослых зверей колеблется от 10 до 30, но обычно 16—20 килограммов. Лапы крупные, зимой густо опушенные. Глубокий снег страшен рыси меньше, чем всякому иному представителю обширного семейства кошачьих.

След рыси тоже типично кошачий, без отпечатков когтей. При движении шагом заднюю ногу она ставит в след передней. Если идут несколько рысей, то те, что позади, ступают точно в следы передних; так же ходят волки и тигры. По снегу рысь шагает, широко раздвигая пальцы, словно на снегоступах.

У рыси плотное и сильное тело, и, как уже говорилось, это очень ловкий зверь. Она не только прекрасно лазает по деревьям и скалам, но и быстро бегают, делает большие — до 3,5—4 метров — прыжки; зверь вынослив: совершает длительные переходы, хорошо плавает.

Живет рысь в лесах. Предпочитает глухие, спокойные, захламленные непролазным буреломом крепи, однако и редколесья не избегает. Изредка встречается в низкорослых лесочках с зарослями кустарников, в лесостепи, лесотундре, горных скалах, но все же чаще в зоне южной низкогорной тайги, где не так снежно и холодно, как в угрюмых северных хвойных лесах, зато достаточно много различных животных, за которыми охотится. Очень любит горные леса со скалистыми местами.

Вообще рысь, как и всякий хищник, обитает там, где для него достаточно корма и убежищ. Основу ее питания составляют заяц, косуля, кабарга, олениа, поросята, различные птицы (в первую очередь рябчик и тетерев), грызуны. Охотится также на молодых оленей, кабана, лося, а на глубокоом снегу и насте одолевает даже крупных взрослых зверей. При случае ловит белок, куниц, соболей, колонков, енотовидных собак, а лисицу злобно и решительно уничтожает даже тогда, когда не чувствует голода. Участков, освоенных волками, старается избегать: волк для рыси такой же опасный и непримиримый враг, как рысь для лисицы.

Эта кошка ведет преимущественно оседлый образ жизни, но во время крепких морозов и глубокомоснежья, когда становится не только холодно, но и голодно, она пускается в далекие путешествия, проходит до 30 километров в сутки, и нередко забредает в совершенно не свойственные ей местообитания, например в степь и тундру.

При всей своей осторожности рысь не очень боится людей. Она живет во вторичных лесах, в молодняках, на старых лесосеках и гарях. В голодные для нее годы заходит в села и даже в такие большие города, как Томск, Красноярск,

Иркутск, Чита и другие, видели ее на окраинах Москвы и Ленинграда. А недавно убили рысь в центре полумиллионного Хабаровска.

Рысь — великолепный охотник. Днем обычно отлеживается в своем логове, а активной становится с наступлением сумерек. Охотится двумя способами: из засады и скрадом. Легко лазая по деревьям и скалам, выбирает удобное место, с которого хорошо видна вся местность, и терпеливо поджидает свою жертву. Выдержка рыси достойна удивления: часами, иногда сутками она может без движения лежать в засаде. Благодаря маскировочной окраске и полной неподвижности ее очень трудно заметить, она же сверху видит все. Обладая чрезвычайно тонким слухом и удивительно острым зрением, рысь обнаруживает жертву издали. Броски ее молниеносны и почти всегда точны, а борьба даже с крупным животным длится недолго: зубы и когти у этого хищника огромны и очень острые.

Но будущая жертва далеко не всегда подходит к месту засады, поэтому рыси гораздо чаще приходится использовать более активный способ охоты — скрадом. Идет по лесу совершенно неслышно, буквально сливаясь с красками местности, прислушивается к малейшему шороху, принохивается ко всем запахам. Использует всякую возможность скрыть свои следы: залезает на валежину, проходит по ней, осматривается с высоты. Обнаружив свежий след или увидев добычу, не торопясь, подкрадывается к ней. Если первые броски неудачны, она преследует убегающую жертву большими прыжками и почти всегда настигает ее. Однако чаще всего решающими в борьбе оказываются первые 10—15 атакующих прыжков.

С осени, когда молодняк уже крепок, рыси охотятся семьями, родители обучают своих детей. Эти хищники вместе, группой, прочесывают лес, устраивают загонные охоты и маленькие облавы.

За ночь рысь обычно перемещается на 6—8, иногда 10—15 километров. Свой охотничий участок, который великолепно знает, обходит определенным маршрутом за 5—10 дней. Поймав очередную жертву, наедается, припрятывает остатки трапезы про запас и где-нибудь поблизости устраивается поспать, нередко прямо на снегу.

Рысь охота часто увенчивается победой: в среднем она ловит одного из 3—4 увиденных ею зайцев и каждую вторую косулю или кабаргу.

Среди охотников и ученых широко распространено мнение, что рысь ест мало. И я думал так до тех пор, пока сам как следует не изучил образ жизни этого зверя. Оказалось, что самец средних размеров, весящий 18—20 килограммов, зимой съедает в сутки около 2,5—3 килограмма мяса, а будучи очень голоден — в 2 раза больше. Однажды осенью я увидел, что крупная рысь за день съела енотовидную собаку — 8 килограммов мяса и жира! Семья из трех рысей съела косулю за 2 дня, а старая рысь разделалась с кабаргой за 3 суток. Таким образом, оказывается, что рысь с учетом своей массы ест мяса ничуть не меньше, чем, скажем, россомаха или леопард.

Существует также легенда, что рысь — лакомка, она ест лишь свежее мясо, никогда не возвращаясь к брошенному. Но это не так: возвращается и очень часто! Ест даже промерзшее или закислое мясо. Разумеется, это когда мало добычи.

Как и большинство хищников, при удобном случае она убивает животных больше, чем ей

нужно. Пытается охотиться почти всякий раз, когда видит добычу. Вид животного возбуждает азарт и у сытых хищников, хотя насыщение обычно подавляет желание активно охотиться.

Охотовед В. И. Макаревич рассказал, что однажды всего за 3 часа неторопливого тропления свежего рысьего следа он обнаружил пойманных хищницей двух рябчиков и двух тетеревов, и лишь у одного рябчика она откусила и съела голову. Птицы ею были задавлены просто так, потому что имели несчастье оказаться на пути. Она даже не удосужилась припрятать добычу про запас, а просто бросила на снег.

Потом рысь набрела на лисью нору, выкопанную под крупными камнями. Трудная это была работа — рыть мерзлую землю, раскапывая нору, но таежная кошка все-таки добралась до кумушки, вытащила ее, задавила и... съела, несмотря на ее неприятный запах. А ведь «деликатесных» птиц есть не стала. Видимо, проявляется исконная вражда между кошачьими и собачьими.

В среднем рысь за год добывает около двухсот зайцев беляков в «заячьих» районах, 30—40 кабарог, косуль, серн или туров там, где длинноухих нет или мало. Эти копытные животные по массе составляют немного больше половины годовой добычи рыси, остальное приходится на зайцев, птиц и других животных. А всего за год этот зверь съедает от 800 до 1000 килограммов мяса и примерно еще половину этого количества бросает недоеденной.

В неблагоприятных для копытных условиях, скажем в период многоснежья или появления наста, рысь может каждый день убивать косулю или кабаргу, съедая лишь самые лакомые куски и бросая остальное. Иной раз 2—3 косули в день

убьет, а за зиму до 20—30! Разумеется, это не система, но все же хищник всегда остается хищником, численность которого надо строго контролировать.

На домашних животных рысь нападает редко. На охотника способна броситься, лишь если ее ранят и преследуют. Ее отношение к человеку довольно сложно: в лесу она его старательно избегает, хотя и не боится; в то же время совершенно безрассудно забредает в населенные пункты, прорывается в овчарни, на скотные дворы, нападает на собак; бывает, приходит к таежному зимовью, зная, что здесь живет охотник, и пытается раздобыть мясо. Что заставляет этого осторожнейшего зверя идти к людям за смертью — не известно.

Гон у рысей начинается в конце февраля и длится около месяца. Вообще этот зверь любит одиночество, не склонен к общению с сородичами, но в период гона его характер резко меняется. За самкой обычно ходит несколько постоянно дерущихся между собой самцов. Будучи вообще молчаливыми животными, они во время гона громко и резко мурлыкают и мяукают, а при сильном возбуждении неистово кричат; самки басовито мяукают, самцы глухо урчат. В ночной тишине эти звуки производят на человека жутковатое впечатление.

После 9—10-недельной беременности, обычно в мае, у рыси появляются 2—3 рысенка (очень редко 1 или 4). Они рождаются беспомощными, слепыми и глухими, а весят всего $1/4$ или $1/3$ килограмма. Для своего потомства мать устраивает логово на глухом участке леса, где-нибудь под вывороченными корнями деревьев, в дуплах и пещерках, тщательно устилает его перьями,

шерстью, травой. В логове тепло и сухо. Первые два месяца жизни рысята питаются материнским молоком, быстро растут и становятся похожи на очаровательных котят. Потом начинают привыкать к мясу. С матерью гуляют возле гнезда, знакомятся со сложной и загадочной жизнью леса. Родители приносят им живых мышей, полевок, зайцев. И учат разным способам добычи, учат очень терпеливо, а от всех невзгод оберегают трогательно и самоотверженно.

Самец помогает матери кормить и воспитывать потомство. Детеныши растут быстро, уже в октябре их трудно отличить от родителей, и рыси начинают охотиться семьями. Всю зиму выводок держится вместе, распадаясь к началу нового гона, когда взрослые, как бы не желая делать детей свидетелями своих тайн, гонят молодняк прочь. В возрасте года малыши начинают самостоятельную жизнь.

Рысь издавна обитала почти во всей лесной зоне Северного полушария, и ее история драматична. Веками человек нещадно преследовал ее, за уничтожение зверя даже выплачивались премии. А в результате мы сейчас читаем горькие строки из научных статей «Об исчезновении рыси в Италии», «Об истреблении рыси во Франции». В других материалах кричат болью строки «...последняя рысь в Болгарии была добыта в 1936 году», «Последнее сообщение о добыче рыси в Венгрии относится к 1915 году...»

Слишком поздно люди осознали, что рысь заслуживает внимания и заботы. Ее начисто уничтожили на большей части Европы, ей посчастливилось уцелеть лишь в горных лесах Карпат, Балкан, на Скандинавском полуострове, в Польше да кое-где в Испании. А теперь везде, где рыси

удалось спастись, она взята под строгую охрану. Ее даже стали акклиматизировать в тех местах, где она обитала когда-то.

Правда, в последние годы над рысью нависла новая беда: цены на ее мех поднялись очень высоко. За хорошую рысью шкуру стали платить больше, чем за ворох знаменитых соболей. И уже в который раз мода мешает охране животных!

В нашей стране рысь не редкий зверь. Она широко заселяет леса от Прибалтики до Тихого океана и почти от Полярного круга — к югу до Кавказа, Алтая, Саян и Сихотэ-Алиня. В последние годы ее численность в областях и краях, где поголовье волка значительно сокращено, даже возрастает. Теперь рысь у нас не уничтожают, а охотятся на нее в строго установленные сроки. В Красную книгу Советского Союза занесена лишь туркестанская рысь.

Пойманные молодыми, рысята хорошо приручаются, легко поддаются обучению, крепко привязываются к своему хозяину. Интересно, что охотиться они могут без предварительного обучения, чего нельзя сказать о других хищниках, скажем, о льве, тигре, волке: выращенные человеком, они не могут жить на свободе, не умеют добывать себе корм. Будучи прирожденными охотниками, рыси прекрасно понимают, что от них требуется, и становятся не хуже хорошо воспитанной опытной охотничьей собаки; к тому же они очень ласковы, охотно играют с детьми, собаками, кошками. Думается, человек с этим великолепным зверем давно должен был жить в мире и дружбе.

РЫЖАЯ ПЛУТОВКА

Лисица — одна из самых популярных героинь детских сказок. Но как сказочный образ наделена чертами, присущими этим животным в реальности. Лиса красива: пышный хвост, составляющий немного меньше половины длины тела, рыжая шуба и плутоватая узконосая мордочка с красивыми карими глазами. К тому же она стройна, изящна, у нее удлиненное туловище и стройные ноги, а размером она с небольшую собаку: весит 6—10 килограммов.

Лису называют еще рыжей, и это в самом деле так, только живот у нее белый, серый или чуть буроватый, а грудь светлая. Спина и бока в разных частях окрашены по-разному: от ярко-рыжей до серой. В северных лесах лисицы огненно-красные и крупные, в лесостепи — желтовато-серые и мелкие. Сиводушки, крестовки, черно-бурые — это обыкновенные лисицы с отклонениями от нормальной окраски. Наиболее красив черно-бурый мех: остевые волоски с белыми верхними частями придают меху серебристый оттенок. Таких лис уже много лет назад начали разводить на зверофермах; черно-бурые животные в природе встречаются очень редко.

Летний мех лисицы жесткий и короткий, в нем она выглядит поджарой, большеголовой и даже длинноногой, он ей идет меньше, чем зимний. А к осени отрастает новая шерсть — красивая, густая. Линяет лиса раз в год — весной.

Лисица обитает почти на всей территории Европы, Азии, Северной Америки, даже на севере

Африки, акклиматизирована в Австралии; двадцать видов лисиц населяют множество зон. Этих хищников можно увидеть в тундре, лесах, горах, степях, на болотах; и там, где не ступала нога человека, и у сельских околиц. Удивительно хорошо приспосабливается этот зверь к самым разным условиям, однако предпочитает открытые ландшафты: колки леса, овраги, холмы, поля, лесостепи; не любит жить в глухой тайге, в многоснежных районах и пустынях.

Движения лисицы быстры и ловки. Несмотря на слабоватые ноги, она бежит так резво, что не всякая собака способна ее догнать. Что касается ловкости, достаточно сказать, что лисица способна поймать пролетающих над ней жуков. Обычный способ ее передвижения — неторопливая рысца, нередко она переходит и на шаг, останавливается, осматривается вокруг. При скрадывании добычи будто ползет на брюхе, совершенно сливаясь с местностью. А от преследователя уходит большими прыжками, стремительно, запутывая следы.

Иногда можно заметить в лисьем поведении поступки, напоминающие эпизоды из сказок. Например, к тетеревам, собравшимся на току на открытой поляне, подходит удивительно хитро: делает вид, будто они ее несколько не интересуют, даже не смотрит в их сторону; иногда приляжет, «подремлет», а птицы теряют бдительность, занимаются своими делами — уж очень хорошая актриса наша лисичка. А тем временем патрикеевна на метр-другой к ним продвинется. Времени на «игру» лиса не жалеет: порой час-другой такое представление длится. Потом несколько молниеносных прыжков — и охота победоносно закончена.

Почему же зовут лису патрикеевной? Правил когда-то Новгородским княжеством Патрикей, и был он удивительно хитрым и изворотливым, чем и прославился. С тех пор хитрецам и стали давать такое отчество. Но никому так не идет это имя, как лисе.

Однажды в начале июня я сидел у лесного озера, крутые берега которого густо заросли, и наблюдал за видневшимся вдали гнездом белых аистов, большой шапкой темневшим на лиственнице с обломанной верхушкой. Было жарко, тихо. Отцветали ландыши, распускались лимонно-желтые лилии и красно-бордовые саранки.

Вдруг невдалеке что-то зашуршало, потом все стихло и вновь зашуршало, зашевелилось.

...Лисица осторожно выползла из травы к берегу и сосредоточенно посматривала то в одну сторону, то в другую. Я перехватил ее взгляды: лиса поглядывала то на хатку ондатры, то на крякву, сидевшую на гнезде, устроенном на крохотном островке. Приладив к фотоаппарату телеобъектив, я сумел разглядеть, что утка хорошо видела и меня и лисицу, но замерла неподвижно, надеясь на благополучный исход.

Лисица явно торопилась, ее, очевидно, ждали в норе лисята. Она проворно сбежала с берега, решительно вошла в воду и быстро поплыла к крякве. Та пребывала в оцепенении до последнего мгновения и сорвалась с гнезда, лишь когда хищница, взметнув брызги, ринулась к ней.

Быстро уничтожив яйца, рыжая поплыла к хатке ондатры, разворошила стенки и обнаружила, что грызуны ускользнули через подводные ходы.

Посидев немного в раздумье, патрикеевна потрусила вдоль берега озера, и я потерял ее из

виду. А через несколько минут раздалось резкое «кряк!» — утка (другая, правда), притворно-отчаянно хлопая крыльями, устремилась к воде, явно пытаясь увести хищника от гнезда. Птица не знала, с каким ловким врагом она встретилась, и поплатилась за это жизнью.

Задавив птицу, лисица оставила ее на кочке и ушла искать гнездо. Нашла она его быстро, но яйца есть не стала: во-первых, была уже сыта и потому оставила их про запас, а во-вторых, спешила к своему выводку.

Переплыв со своей добычей озеро, лисица исчезла в вейнике, а я по движению травы проследил ее путь и понял, что нора устроена на лесистом взгорке в полукилометре от меня.

Лисица — великолепный охотник. Помимо наблюдательности и сообразительности, у нее отличная зрительная память, хорошее обоняние и замечательно острый слух. Пискнет чуть слышно мышь, а рыжая слышит ее за сотню метров; прошелестит полевка по сухой траве под полуметровым слоем снега — и ее услышит. Хорошо лазают по кручам, плавают, а на берегу исключительно маневренна. Ее смекалка на охоте или при бегстве от преследователей вызывает восхищение.

Лисица сможет залезть на дерево, если оно немного наклонено или ветвится невысоко от земли. Однажды мне привелось наблюдать такой случай. В лесистом овражистом распадке собака подняла и с лаем погнала какого-то зверя и вскоре его остановила. Каково же было мое удивление, когда, подбежав к лайке, я увидел высоко на липе, метрах в десяти от земли, лисицу! Я выстрелил, но неудачно. Кумушка винтом съехала по стволу, спрыгнула на снег и бросилась бежать. Собака — за ней. Видя, что дело плохо, лиса

круто повернула назад, едва сумев разминуться с преследователем, и на моих глазах быстро-быстро залезла на ту же липу. Это была молодая самка.

Лисица очень активна. Она до мельчайших подробностей знает свой охотничий участок, систематически его обследует. Зимой узорчатые цепочки ее следов причудливо пересекают поля, перелески, овраги, теряясь на дорогах и тропах и переплетаясь вокруг скирд соломы, копен сухих соевых стеблей, куч валежника и в других местах, где обитают мыши и полевки. На следу охотящейся лисицы попадают то раскиданный ворох сена, то ямка в снегу с капельками крови вокруг, то задавленная и брошенная землеройка — у нее неприятный мускусный запах, — а то перья, видимо, зазевавшейся птицы.

Главная пища лисицы — мыши и полевки, составляющие около $\frac{3}{4}$ ее рациона. Мышкует она старательно — ей ведь в сутки требуется для прокорма 15—20 зверюшек, — и, надо сказать, красиво мышкует. Представьте себе ослепительно белое поле, а на нем ярко-рыжий зверь. Пробежав немного легкой рысью, лисица останавливается, прислушивается, осматривается и обдумывает дальнейшие действия. Вдруг она насторожилась, немного прошла крадучись, потом взметнулось огненно-рыжее пламя и зверь нырнул в снег, оставив на поверхности лишь мельтешащий от азарта хвост. А через несколько секунд можно наблюдать трапезу: лиса с аппетитом лакомится мышью или полевкой. А затем снова в путь.

Если вам доведется растить дома лисенка, вы легко убедитесь, что поведение этого зверя определяют не только инстинкты и рефлексы, но и ум.

Лисы легко приручаются, очень забавны и милы. А едят все, что ест обыкновенный щенок,— молоко, супы, каши, особенно любят мясо, которое им необходимо.

К ухаживающему за ним человеку лисенок привязывается, как собака, дружит с кошками, псами, свиньями и даже приглашает их поиграть. Одно плохо: не может он равнодушно смотреть на кур, уток и гусей, и неудержимая сила охотничьего инстинкта непременно сработает.

Однако без крайней необходимости не уносите лисенка из его дома. Во-первых, он тоже имеет право на свободу, а во-вторых, рано или поздно вам придется с ним расстаться: он вырастет и начнет надолго отлучаться, его могут застрелить или задерут собаки. А вот если лисенок по какой-либо причине остается без родителей, тут ваша помощь необходима.

Набор кормов лисицы разнообразен. Кроме мышевидных грызунов, она ест ондатр, кроликов, зайцев, сусликов, птиц, земноводных, пресмыкающихся, падаль. У взморья поедает всевозможные дары моря от моллюсков до крупных млекопитающих. После дождей во множестве собирает дождевых червей. На мелководье успешно ловит рыбу, раков, достает ракушки. Но особенно неравнодушна патрикеевна к зайцам, фазанам, куропаткам, уткам. Страсть к птице иногда приводит ее в курятники, хотя она заведомо знает, что там ей крепко непоздоровится.

Случается, остается недоеденная добыча, и тогда лисица ее прячет, растаскивая по разным местам. Потом она эти запасы непременно найдет и использует.

Характерно, что, будучи типичным хищником, лисица с удовольствием ест ягоды, яблоки, неко-

торые овощи. Найдет соевое неубранное поле — на нем «пасется», разнообразя эту чисто вегетарианскую пищу мышами и полевками. Мне самому приходилось наблюдать, как летом лиса с аппетитом ела землянику и голубику, а зимой клюкву, находя ее под снегом.

Лисица достаточно сильна, чтобы задушить теленка пятнистого оленя; с косулятами она справляется легко, а при насте и со взрослыми животными. В Германии ее не без оснований считают основным врагом косули. Нередко этот проворный хищник ловит колонков, енотовидных собак и других зверей. Агрессивность ее усиливается, если мышевидных грызунов мало, но сытая лисица довольно терпима к своим конкурентам.

У каждой пары лисиц есть свой индивидуальный кормовой участок. Его размеры зависят от обеспеченности кормами — обычно в пределах двух—шести квадратных километров. На своем индивидуальном участке лисица живет оседло и ревностно его охраняет. Охотится, как правило, в сумерках и ночью, днем ее можно увидеть лишь в малокормный период, чаще всего зимой, да еще летом, когда растут лисята. Норами лисица пользуется преимущественно во время выращивания потомства, а в остальное время предпочитает отдыхать на открытом месте: под корнями вывороченного дерева, в овраге, на копне сена.

Брачный период у нее начинается с конца января — в феврале, а на севере и в марте, хотя и до этого часто можно видеть самца и самку в паре. В свадебное время, в марте, за одной самкой ухаживает несколько самцов, и драки между ними — явление обыкновенное. Во время гона лисицы сильно возбуждены, часто тявкают и завывают, особенно одиночки, еще не нашедшие себе пару.

По голосам можно различить самца и самку. Она делает тройной взлай и заканчивает его коротким воем, а лисовин лает чаще и больше, как собака. Уединившись, пары много играют, даже своеобразные танцы устраивают: кружат один около другого на задних лапах.

Самцы лисиц — прекрасные семьянины. Они не только принимают деятельное участие в выращивании молодняка, но и трогательно заботятся о своих подругах еще задолго до того, как те подарят им прелестных лисят: носят пищу, благоустраивают норы и, говорят, даже выискивают у них блох.

Бывает, овдовеет самка перед самым оценением или после него, тогда холостые самцы непременно берут на себя роль отчима, а ухаживают за приемными детенышами и их матью ничуть не хуже родного отца. И более того: лисовины до того заботятся о малышах, что иногда дерутся между собой за право быть отцом или отчимом. А самка наблюдает за дракой и озабочена в основном тем, чтобы ее детям достался более сильный зверь, а отец или отчим — это безразлично.

Молодых в помете бывает от 4 до 12, но чаще всего 5—6. Появляются они после 51—53-дневной беременности, обычно в конце апреля или в первой половине мая. Щенки рождаются слабые и беспомощные, глухие и слепые, массой всего 100—150 граммов, но растут довольно быстро. Меньше чем через месяц они уже видят, слышат, весят около 1 килограмма, выходят из норы, а вскоре начинают играть и резвиться. Родители с этого времени носят им полуживую дичь, чтобы дети приобретали охотничьи навыки.

Лисята в младенчестве бурого цвета и очень

похожи на волчат или щенков енотовидной собаки, но у них есть отличительный признак: у лисят, как и у взрослых лис, кончик хвоста белый.

Летом отцу и матери приходится охотиться день и ночь, чтобы накормить своих поджарых, длинноногих и прожорливых малышей. В радиусе 2—3 километров от гнезда они уничтожают всех или почти всех зайцев, много птиц, даже мышей здесь становится заметно меньше.

В это время родители предельно осторожны. Стоит человеку даже случайно наткнуться на выводковую нору, как в ближайшую же ночь лисята будут переведены в другое место, в запасную нору; их у лисиц на участке обычно несколько. Если щенкам грозит опасность, взрослые обнаруживают удивительное присутствие духа. Даже когда человек лопатой разрывает нору, они до последнего пытаются спасти своих детей — вывести через один из отнорков.

В полуторамесячном возрасте молодняк начинает ходить вместе с родителями на охоту и быстро осваивает все премудрости. В это время энергия и неумемное веселье переполняют лисят. Они беспрестанно в движении, играют между собой, пристают к старшим. Часто свои щенячьи восторги выражают визгом и лаем, иногда подвергая опасности себя и всю семью, — вдруг услышат их люди или волки.

К ноябрю сеголетки становятся взрослыми и начинают самостоятельную жизнь. Обычно они разбредаются кто куда. Самцы уходят подальше, за 20—40 и более километров, самки в среднем на 5—10 километров, редко дальше. Каждый ищет себе участок и брачного партнера. Мать изредка живет на одном участке со своими детьми до следующей «свадьбы».

Осенью в лисьем поголовье 40—70% сеголетков. Это свидетельствует о высокой плодовитости лисицы и хорошей выживаемости молодняка.

Надо заметить, что у лисиц «чувство дома» развито плохо. Если их отловить и увезти подальше, они не будут стремиться во что бы то ни стало вернуться в отчий дом, а обоснуются на свободном участке. Разумеется, это не относится к родителям, выкармливающим потомство.

В неволе лисица живет 10—12 лет, на свободе же ее век гораздо короче. В популяции обычно половина численности приходится на молодняк, четверть — на второгодков, 12—15% — на тех, кому идет третий год. За 3 года удается «перевалить» немногим — примерно десяти из сотни. А старше четырех лет лисы в природе совсем редки.

Хозяйственная деятельность человека лисице не только не вредит, но даже улучшает условия ее существования. Этот зверь охотно селится там, где вырублены леса, на осушаемых и распахаемых болотах. Расширение посевных площадей также благоприятно для лисицы. По приспособляемости к самым различным условиям с нею рядом можно поставить разве что колонка.

Человека лисица не боится, если он ее, конечно, не преследует. Эти очень осторожные и недоверчивые звери, случается, живут не только около сел, но и в черте больших городов. Как-то мне пришлось видеть лисицу на окраине Хабаровска: она спокойно сидела у обочины шоссе и невозмутимо смотрела на автобус. А когда машина остановилась и люди с шумом стали выходить из нее, патрикеевна потихоньку, оглядываясь и словно улыбаясь, потрусилась прочь. Однажды в Амурско-Уссурийском крае мне довелось наблюдать, как

лисица спокойно смотрела на только что оторвавшийся от взлетной полосы с ревом надвигающийся на нее Ту-104.

В одном из оживленных районов Одессы долго жила и даже успешно размножалась лисица. Ее нора с пятью выходами помещалась в густом кустарнике около пешеходной дороги. Судя по тому, что в ее выводке было девять лисят, жилось ей в Одессе неплохо.

А в Новороссийске лисы облюбовали карьер цементного завода. Они так привыкли к людям, что не только не скрывались от них, но выходили им навстречу и брали угощение прямо из рук.

В некоторых районах Англии лисицы полностью освоили обширные сельскохозяйственные земли, начали заселять города: живут в парках, питаются у свалок, устраивают норы под складами. Обитают и успешно размножаются даже в центре огромного Лондона. В большом городе Бирмингеме лисы развели изрядную грязь — ведь эти звери не очень чистоплотны. Ветеринарная служба города с помощью охотников отлавливает лисиц и отвозит их в лес, а через некоторое время звери опять возвращаются в город.

Можно сделать вывод: если люди не преследуют животных и дружелюбны к ним, то четвероногие легко привыкают к человеку, не боятся его, живут с ним бок о бок. И не только лисы, но недоверчивые каменные куницы, и те поселяются в городах; их стало много в Воронеже, увеличилась их численность в Берлине, Берне. В Магдебурге их насчитывают более тысячи, на них стали охотиться прямо в городе.

Лисица всегда была и остается интересным и ценным промысловым зверем. Одно плохо: она является распространителем бешенства и других

заразных болезней, вредит спортивному охотничьему хозяйству. В ряде стран ее за это уничтожают, считая, что русаки, фазаны и куропатки даже за прекрасный лисий мех — слишком дорогая цена. Совершенно очевидно, что необходим строгий контроль за ее численностью. И еще: нельзя забывать, что уничтожением множества грызунов она приносит сельскому хозяйству большую пользу.

ВЕЧНЫЙ БРОДЯГА

В мире есть животные от природы многочисленные: например мыши, крысы лемминги, воробьи. Некоторые становятся редкими по вине человека: тигры, бизоны, джейраны, моржи и другие. А бывают животные естественно редкие, их никогда много не бывало и быть не может: росомаха, например, о которой наш очередной рассказ.

У этого зверя ареал раскинулся на огромной территории умеренной и приполярной географических зон Евразии и Северной Америки, а общая его численность измеряется двумя-тремя десятками тысяч голов. Росомахи живут друг от друга в нескольких десятках километров. Их индивидуальные участки простираются на тысячу, полторы тысячи и даже на две тысячи квадратных километров.

Как-то мне с коллегами удалось найти на Сихотэ-Алине скопление росомех, и это нас удивило: в среднем на одного зверя приходилось 100 квадратных километров — это для росомехи очень высокая плотность. Явление это было

временным, вызвано же временным скоплением лосей. Для сравнения: на этом 100-километровом участке обитало 60—80 лосей, 80—100 соболей, около тысячи рябчиков, и плотность их нет оснований считать высокой.

На бескрайних просторах Амуро-Уссурийского края обитает не более четырехсот росомых, на огромной территории Якутии — около двух тысяч этих хищников.

Росомаха — небольшое по размерам животное, величиной с собаку, внешне похожа на небольшого медведя: приземистое, крепкое, плотное туловище, сравнительно большая голова, толстые ноги с широкими пятипалыми ступнями и с большими загнутыми и острыми когтями, короткий хвост. Под лохматой шерстью угадывается мощный костяк. И, как у медведя, при внешней неповоротливости у росомахи тоже сильное гибкое туловище, реакцией она обладает мгновенной.

Взрослые самки обычно весят 10—14 килограммов, самцы тяжелее на 2—3 килограмма, редкие особи достигают 20 килограммов.

Росомаха — полноправный представитель семейства куньих, и, как у всех куньих, у нее есть прианальные железы, выделения из которых обладают особенно крепким и неприятным запахом. Волк может попытаться зарезать росомаху только раз в жизни, по неопытности. Потом он к ней близко не подойдет. Рысь — тоже. Это сильное «оружие» защищает росомаху от других хищников и даже настолько придает ей смелости, что она нагло отбирает добычу у рыси, и та, будучи очень чистоплотной и, очевидно, брезгливой, более минуты не выдерживает соседства с росомахой. Правда, у росомахи и зубы крепкие и силы ей не

занимать, но в драке с сильным неприятелем главное ее оружие — неприятный запах.

В зимнем наряде — а он у нее пушистый, коричневого цвета со светлым широким «воротником» по бокам — росомаха кажется массивной, короткой и широкой, длинные задние ноги делают фигуру словно бы сторбленной. В короткой летней шерсти она выглядит нескладной и несуразной, с непропорционально большой головой и ногами.

Росомаха — вечная бродяга. Она не быстра на ноги: ее легко догоняет собака и даже лыжник, но поразительно вынослива. В сутки отмахать обычным своим аллюром — неторопливыми скачками слегка боком — километров 20—30 ей ничего не стоит. Наблюдения зоологов показали, что одна росомаха без остановки пробежала 70 ки-

лометров, другая за две недели переместилась на 250 километров, третья за сутки преодолела 85 километров. С такими широкими лапами ей и рыхлого глубокого снега нечего бояться: она проваливается всего на вершок — другой.

Росомаха отлично плавает, легко лазают по деревьям. Обладает прекрасным зрением, хорошим слухом, менее острое у нее обоняние; она осторожна, хитра, сообразительна.

Основные места обитания росомахи — северная тайга, преимущественно глухая и девственная, лесотундра, тундра, даже на арктические острова забредает; многоснежья и лютых холодов не боится. Придерживается тех мест, где больше диких животных.

Широко перемещаясь по своему громадному индивидуальному участку, росомаха постоянно ищет трупы павших копытных и съедает их, а потому ее не без основания зовут хищником-трупоедом. Охотник она не слишком ловкий: для того чтобы поймать юркого зверюшку, ей не хватает расторопности и ловкости, а крупного зверя — резвости. Но больного, ослабленного по каким-либо причинам, раненого, покалеченного лося, северного оленя, марала или какое-либо другое животное росомаха непременно разыщет и задавит. Если какой-то хищник вроде волка или рыси умертвил, но не доел свою добычу, росомаха ее найдет и съест. Отыскать падаль росомахе помогает крик ворон и воронов.

В глубокоснежье и при насте росомаха способна загонять и задавить вполне здоровое копытное животное, но такое случается редко. В среднем из десятка съеденных этим хищником оленей семерых она подбирает кем-то убитых или павших, а те три, которых убивает сама, как правило,

слабые или больные. И в этом отношении росомаха — настоящий санитар, оздоравливающий популяции копытных животных, освобождающий их от больных особей.

И еще о повадках росомахи: крупную добычу разгрызает на большие куски, растаскивает и прячет, но потом все их непременно находит и доедает. Иногда на обильную трапезу собирается 3—4 росомахи, и происходит редкое событие в жизни этих одиноких скитальцев — общение с себе подобными.

В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, где водится кабарга, росомахи иногда собираются по две-три для коллективной охоты. Кабарга от преследования «тихоходных» врагов обычно уходит на кругах. Росомахи это используют: одна потихоньку гонит будущую жертву, другие же затаиваются и ждут, когда кабарга замкнет круг. Едят добычу вместе.

Когда речь заходит о питании росомахи, возникают споры: одни доказывают, что она обжора, ссылаясь на то, что в немецком и французском названиях росомахи содержится именно это значение, другие утверждают обратное. Мое представление об этом животном такое: оно может не есть 7—10 дней, но уж коль повезло — отъедается, как говорится, про запас; кабаргу, например, за 3—4 дня съест без труда. Жиреет быстро, голод переносит сравнительно легко.

Поиски копытных и падали характерны в основном для холодного периода года. В теплые же весну и лето у росомахи ассортимент кормов гораздо разнообразнее, и продолжительные странствия становятся редкими и в большей степени свойственны самцам.

Надо заметить, что в питании наша героиня

совершенно неразборчива и ест почти все, причем никогда не страдает отсутствием аппетита. С весны усиленно ищет птичьи гнезда и разоряет их, рыщет в поисках новорожденных телят, ягнят, щенят, позже, летом, ест ягоду, орехи. Любит мышей и полевок, при случае ловит змей, ящериц, лягушек, рыбу.

Интересно, что почти все добытые охотниками росوماхи оказываются жирными.

Активность росوماхи к определенному времени суток не приурочена: когда надо — бежит, когда хочет — отдыхает. Лежки устраивает, где придется — под корнем вывернутого из земли дерева, на бугре или камне, в дупле, а то и просто на снегу. По пути тщательно обследует все места, где можно найти пищу: коряги, дупла, норы, валежины, даже гнезда на деревьях. Любит ходить по следам крупных хищников и человека, надеясь найти что-нибудь оставшееся от них и нужное для себя, причем идет и по следу, и в пяту, и по лыжне ходит, и по колее вездехода. Риск? Нет. Просто она при всей своей смелости еще и осторожна и знает, когда, где и как ходить.

Жизнь росумах до сих пор изучена слабо, особенно биология ее размножения. Известно, что гон у них проходит в промежутке с апреля по июль и надолго растянут. Может быть, потому, что очень непросто этим редким скитальцам встретиться. Беременность — с продолжительной латентной стадией. Перед родами самка устраивает логово где-нибудь в пещере, под корнями деревьев, в россыпях камней, а то и просто в толще снежных наносов. Дети рождаются в феврале или марте. В логово ведет одна или две норы, причем их длина в снегу иной раз достигает 3—4 десятков метров. Гнездо устроено кое-как —

будущий бродяга должен привыкать к тяготам с первых дней своего существования.

В помете обычно 2 или 3 щенка, очень редко 4. Они слепые, беспомощные, неказистые, а весят всего от 70 до 100 граммов. В месяц прозревают и «тянут» уже на полкилограмма, а в 3 месяца хорошо развиты, подвижны, внешне напоминают мать, только весят еще пока около 3 килограммов. С середины лета выводок покидает логово и семья начинает кочевую жизнь, мать старательно учит своих детей жить строго по-росомашьи. К осени молодняк становится самостоятельным, но полная зрелость наступает лишь в 2 года.

Распространены рассказы о том, что росوماха систематически грабит охотников в тайге. Есть, конечно, за ней такой грех: что плохо лежит — утащит; мясо, например, с лабаза, попавшегося зверька из капкана, продукты с таежного склада. Верх вредности росوماхи — «обследование» самоловов на охотничьих тропах: ловушки разоряет, приманку съедает. Промысловый люд за такие проделки росوماху ненавидит, за этим зверем издавна укоренилось определение «пакостный хищник», и его уничтожали в течение круглого года без всяких ограничений, а в ряде мест за это даже премии выплачивали.

Однако проделки росوماхи, о которых мы рассказали, чрезвычайно редки. Я, например, бываю в тайге подолгу и росомашьи следы встречаю часто, а грабежа со стороны зверя не наблюдал. Бывало подходил он и к избушке, и к складам, и на охотничью тропу вставал, но мародерством не занимался. Вообще старался подальше от человека держаться. Бурый медведь гораздо чаще совершает подобные поступки, но ведь не уничтожают же его за это.

В последние годы гонения на росوماху прекратились — люди оценили приносимую ею пользу, да и лучше узнали хищника. Оценили силу, неутомимость, бесстрашие зверя — ни перед тигром, ни перед медведем не спасует, но и кровь зря не льет, по выражению Ю. П. Язана.

Кроме того, за живую росوماху на международном рынке зоопарки платят 250 долларов — очень редка она в неволе, потому что редка вообще. Шкуру ее тоже высоко оценивают: 70—100 долларов — дороже собольей. У росомашьего меха есть свои достоинства: он груб и лохмат, но очень прочен, а главное — это единственный мех, который зимой не индевеет и не смерзается, за что особенно ценится у народов Севера.

Пойманные в раннем возрасте, росوماхи легко приручаются, привязываются к человеку, вырастают милыми, чистоплотными, неприхотливыми и послушными. Очень потешными.

...Старый охотник рассказывал мне: «Иду по путику, и вдруг впереди потянулись свежие росомашьи следы. Собака тут же умчалась по ним. Подошла гостья к кулемке, потопталась, полезла за крылом рябчика, но когда бревнышком стукнуло по лапе, выдернула ее и попрыгала по моей тропе дальше. И тут слышу — собака залаяла. Зло так, настырно, как по крупному зверю. Ну,— соображаю,— дай бог ноги на помощь другу.

Загнала собака росوماху на дерево. Хищница увидела меня издали и вроде бы заволновалась: не знает, что ей делать — то на меня зыркнет, то на пса. Решила, что человек гораздо опаснее, и скок с дерева в снег. Собака к ней, но тут же отчаянно завизжала и закрутилась, заелозила в снегу. А росوماха этак спокойно потрусилась вперед, оглядываясь и как бы посмеиваясь. Я под-

нажал, заторопился, закричал, и ободренная собака ринулась за росмахой. А та не только не прибавила ходу, но даже остановилась. Собака подбежала к ней вплотную да как фыркнет, взвизгнет, головой замотает. Я понял, что слегка придушила ее зверюга... А та неторопливо побежала дальше и время от времени оглядывалась на нас, словно с насмешкой. Ну,— думаю,— погоди! А потом подумал: пусть живет. Уж больно она редка да независима. Ни на кого не похожа».

СОБОЛЬ

Соболь — зверек удивительно красивый, а в зимнем меховом наряде он просто великолепен. Размером с кошку, но мало на нее похож: иное телосложение и совсем другие темперамент и повадки.

Вот портрет зверька: тело вытянутое и чрезвычайно гибкое, спина изящно выгнута, на длинной шее гордо посажена относительно крупная широколобая голова с подвижными треугольными ушами и симпатичнейшей черноглазой выразительной мордочкой с блестящим носиком. Ноги недлинные, но лапы широкие и густо опушенные с очень острыми круто загнутыми когтями, хвост пушистый.

Зимний мех соболя по красоте, пышности и шелковистости не знает себе равных, к тому же он при всей своей невесомости очень теплый и прочный — прежде этот мех называли царским.

Окрас соболя в различных частях обширного ареала варьируется от песочно-желтого до смолисто-черного, однако чаще всего он темно-бурый,

несколько светлее на боках и брюшке. На горле и шее резко выделяется яркое оранжевое, охристое или желтое пятно неопределенных очертаний и разных размеров — его нет лишь у очень темных соболей. Мордочка обычно светлее тела.

Под прочным длинным блестящим остевым волосом — густая и нежная подпушь, голубовато-серая у основания и светло-бурая на концах.

Соболь невероятно подвижен и не по размерам силен. Кошка в сравнении с ним — просто черепаха. Он весь в непрерывном едва уловимом глазом движении, он легок и грациозен, несуетлив, но быстр в движении. Мне приходилось видеть соболя в природе, и я всегда поражался, как мгновенно меняет он позы: то на коготке повиснет на ветке, сжавшись в комок в готовности постоять за себя, то туго напружинится на всех четырех лапах, грозно оскалив мордочку, то притаится за пучком травы или деревом, то нырнет в снег, высунув оттуда лишь голову. Мимика у зверушки богатая: мордочка то злая, то любопытная, то спокойная. Только глаза постоянно сверкают любопытством и — не будет преувеличением сказать — умом. И действительно, по своим психическим особенностям соболь стоит довольно высоко.

Этот зверек удивительно смел, ловок и находчив. Он одинаково свободно чувствует себя на земле и на деревьях, в каменистых россыпях и под толщей снега, хорошо плавает и лазает по скалам, а по снегу на своих широких лапах бежит как на лыжах, почти не проваливаясь. Прыжки его отличаются силой и легкостью, бег — стремительностью и грацией. В погоне за крупной добычей соболь выглядит изящным и ловким.

Но при всей своей отваге соболь очень осторожен, ведет скрытный одиночный образ жизни.

Отличные слух и обоняние позволяют ему заметить опасность своевременно, а ловкость и стремительность — вовремя уйти от нее. У него отличная зрительная память — да не только зрительная, — и он тонко замечает малейшие изменения, происшедшие на его индивидуальном таежном участке. Увидеть его очень трудно, разве что собака вспугнет зверька, он молнией мелькнет перед глазами — и нет его.

Скрытен, молчалив, недоверчив соболь, но и любопытство ему не чуждо. Сложный у него характер.

Соболь — типичный представитель горно-таежной фауны. Леса — обычные места его обитания. В далеком прошлом он заселял их от Тихоокеанского побережья до Скандинавского полуострова, но из-за неограниченного промысла на европейском севере он исчез еще несколько веков назад. Теперь его ареал простирается лишь восточнее Печоры и Уральских гор, от Алтая и юго-восточной Государственной границы Советского Союза до приполярной лесотундры, Сахалина и Камчатки.

Территория, занимаемая соболем, огромна — 5 миллионов квадратных километров, а промысловая численность достигает 600—800 тысяч голов. Этот ценнейший пушной зверек — одна из интереснейших достопримечательностей нашей страны. За ее пределами он в небольшом количестве встречается лишь на севере Монголии да в Северо-Восточном Китае.

Характерна и драматична судьба соболя. Он издавна заселял обширные таежные просторы России, и особенно много его было за Уралом. В давние времена соболиные шкурки у коренного населения Сибири и Дальнего Востока стоили

недорого, дешевле шкур выдры, рыси, росомахи и даже собаки. Из соболей шили шапки, рукавицы, шубы, их мехом иногда подбивали лыжи. За ножик без сожаления отдавали 6—8 собольих шкурок, а за топор или котел — 12—16.

Но с проникновением в эти регионы купцов и промышленников цены на соболий мех резко возросли, к тому же местное население стало платить русским властям ясак собольими шкурками, а поэтому промысел соболя усилился. Обилие этого зверька позволяло опытному охотнику добывать за сезон 100—150 шкурок. Каких-либо ограничений не существовало, за соболем гонялись с наступления холодов до таяния снега.

Понятно, что численность соболя стала неуклонно сокращаться, затем поголовье оказалось под угрозой; в Зауралье и Западной Сибири это случилось уже в XVII веке, в Восточной Сибири — в XVIII, в Якутии и на Охотском побережье — в XIX, в Амуро-Уссурийском крае — к началу XX века.

С истреблением соболя пытались бороться издавна, еще со времен Екатерины II, но запреты тех лет были формальными, и зверьков становилось все меньше и меньше. Соболю удавалось спастись лишь в самых отдаленных и недоступных для охотников местах горной тайги. Некоторые ученые предсказывали скорое исчезновение соболя как вида.

Решительно и энергично встали на спасение соболя от окончательного истребления лишь при Советской власти. Промысел его в 1935 году полностью запретили, установили строгую охрану, стали разводить в тех местах, где он сохранился, и расселять там, где он был истреблен.

И случилось чудо: численность соболя начала

быстро возрастать, разрозненные очаги обитания — расширяться. Зверек постепенно вновь заселял те леса, где обитал когда-то. И к шестидесятым годам соболя уже стало столько, сколько было когда-то.

Соболь — представитель таежной фауны. Основным фактором, ограничивающим его распространение к югу, являются температурный режим и влажность лета. Он свободно выдерживает жестокие зимы, но с трудом переносит летнюю жару.

Раньше я, бывая в лесах Южного Приморья, часто думал: такая великолепная и дремучая горная тайга, а соболя нет. На севере же материка в жиденьких редкостойных лиственничниках, березняках и даже на марях его очень много. Почему? Я обратил внимание на климатическую карту, на которую были нанесены изолинии сумм летних температур. Одна из изолиний в общих чертах совпадала с южной границей ареала соболя.

А в остальном зверек проявляет большую экологическую гибкость. Но лучшими для него местами обитания являются кедровые, кедрово-еловые и пихтово-еловые леса в долинах, на сухих речных террасах и в предгорьях. Таких лесов в Сибири и на Дальнем Востоке много. В них соболь в изобилии находит свой излюбленный корм: мышевидных грызунов, кедровые орехи, различные ягоды. Плотность заселения зверька в этих лесах от 4 до 12 особей на 10 квадратных километров. На отдельных участках с особо благоприятными кормовыми и защитными условиями встречается до 12—16 и даже 20—30 соболей. Охотники в таких местах иногда добывают за зиму по 80—100, до 140—160 зверьков.

В горных таежных захламленных лесах соболь также встречается часто: в среднем 5—6, а то и 8—10 особей на 10 квадратных километров. А вот в лиственничниках и сосняках его всегда меньше, чем в темнохвойных лесах, особенно мало его в багульниковых и ерниковых лиственничниках. В типичных кедрово-широколиственных лесах Амуро-Уссурийского края, где мало ели, а лето жаркое, соболя примерно в 2 раза меньше, чем в темнохвойных, и летом зверьков в них заметно меньше, чем зимой: от влажной духоты они спасаются в высокогорье.

И еще: соболь определенно предпочитает темные захламленные участки тайги, наиболее глухие и недоступные.

Он обычно ведет оседлый образ жизни. Однако разница в толщине снежного покрова и урожае кормов на горах и в долинах вызывает сезонные перекочевки зверька: зимой с гор вниз в долины, весной — обратно в горы. Особенно заметны эти перемещения, когда в горах выпадает много снега, становится мало грызунов, нет брусники и кедрового ореха.

Индивидуальные участки соболей налагаются друг на друга, но особой вражды между зверьками не наблюдается. Постоянных гнезд на участке у соболя несколько, но пользуется ими он редко, укрываясь в первом попавшемся дупле, норе или какой-нибудь нише. Врагов и конкурентов у него довольно много, но опасных среди них нет. Жертвой он становится весьма редко, гораздо чаще является добычей человека или гибнет из-за неблагоприятных погодных условий.

Широко распространено мнение, что дальневосточная харза — злейший враг соболя. Однако мои наблюдения, а также охотоведов и опытных

охотников этого не подтверждают, да и харза в настоящее время довольно редка. Конкуренция между соболем и харзой может возникнуть лишь в неурожайные годы, когда мало грызунов и соболь покушается на более крупную добычу (зайца, кабаргу), на которую охотится и харза.

По-видимому, врагом соболей являются рыси: в желудках убитых хищниц не раз приходилось обнаруживать останки зверька. Но эта кошка малочисленна, и вряд ли соболь сильно страдает от нее. Пожалуй, опаснее для него крупные хищные птицы: ястреб-тетеревятник, белая сова, уссурийский филин, длиннохвостая неясыть и другие. Иногда идешь по свежему следу соболя — и вдруг на чистой поляне он обрывается. В чем же дело? И только широкий росчерк на снегу концами маховых перьев крупной птицы рассказывает печальную историю о гибели соболя «от руки» хищной птицы.

Интересны взаимоотношения соболя и акклиматизированной американской норки. Конкурируют они главным образом в пойменных лесах зимой, когда чужеземец усиленно ловит мышей и полевок, а хозяин спускается с гор к рекам. Неоднократно наблюдались драки между этими зверьками, причем в большинстве случаев соболь убивал и съедал норку. Силен соболь, смел и очень не любит непрощенных конкурентов.

В последние годы многие специалисты охотничьего хозяйства высказывают мнение, что соболь уничтожает белок и что это едва ли не главная причина упадка беличьего промысла. Вообще говоря, соболь — хищник, а белка — грузын, не так уж и редко оказывающийся жертвой. Но вряд ли это серьезно влияет на ее поголовье — численность белки гораздо больше зависит от урожая кедровых

орехов. В годы их изобилия белки много повсюду, в том числе в местах обитания соболя. В бескормицу же ее численность падает тоже повсюду, даже там, где соболя нет. Разве что в лиственничниках, где кормовые условия плохи и для соболя и для белки, хищник становится серьезным врагом грызуна. Здесь соболю догнать белку намного проще, чем в густом лесу, где она легко убежит по сомкнутым вершинам деревьев.

Соболь — разносторонний, умелый и ловкий охотник. Он может очень терпеливо, как бы окаменев, часами караулить полевку или пищуху возле их гнезд. Умеет он и разыскивать добычу по следам, запаху, звукам и другим признакам, добывать хлеб свой насущный в длительной бешеной погоне. Наконец, он может рыбачить, разыскивать мед диких пчел, ловить летающих жуков и других насекомых. Смышленный, наблюдательный, сообразительный и предприимчивый, он редко сидит голодным. Иногда способен и на явный грабеж: найдя нору бурундука, он присваивает его отменные запасы, а при случае съедает и хозяина.

Но, хотя соболь — типичный хищник, в его рационе и растительная пища занимает значительное место. Иногда он длительное время живет только на ягодах или орехах и, между прочим, чувствует себя великолепно. Преследовать кабаргу, зайцев, белку и других крупных для него животных начинает при недостатке растительного корма, пищух, мышей и полевок. За один присест съедает 100—150 граммов пищи: половину белки, бурундука или пищуху, 4—5 полевок. Ест чаще всего 2 раза в сутки.

У соболя прекрасно развиты органы чувств. Под метровым слоем снега он безошибочно находит кедровую шишку, а к запашистой приманке

сворачивает за 20 метров; писк и шорох мышей или полевков слышит не хуже кошки.

Излюбленная пища соболя — рябчик, и он не упускает возможности полакомиться им. А вот на свежие следы кабарги, зайца или белки обычно не обращает внимания, если сыт и, как говорится, уверен в завтрашнем дне.

Кабаргу по глубокому снегу соболь может догнать и задавить даже в одиночку, хотя это животное для него крупновато. Правда, бороться с ней ему приходится довольно долго. Настигнув жертву, он прыгает ей на спину и впивается в шею. В малоснежье она легко уходит от соболя, и хищник, понимая, что поживиться нельзя, делает вид, что кабарга его совсем не интересует.

Ест соболь и павших животных: и рыбу, и насекомых; ловит пищух, бурундуков, летяг, разных птиц, разоряет их гнезда. Он многояден и голодает лишь при одновременном сокращении всех этих разнообразных кормов, особенно когда выпадают глубокие снега. Но такое случается достаточно редко.

Он редко бывает жирным: для спортсмена легкого веса это вовсе ни к чему, — имеет лишь очень небольшой жировой слой в пахах да подмышками.

Впрочем, надо уточнить. В жестокие холода, свирепые вьюги соболь вынужден отлеживаться в своем гнезде 2—4, иногда 6—8 дней. Пишут также, что он может обходиться без пищи до 10—15 дней, но я сомневаюсь в этом. Не имел случая убедиться. А вот недельный пост может выдержать — это проверенный факт. Но уж если голод станет невыносим, он и в непогоду отправится на охоту. Кстати, на крайний случай у него всегда есть припрятанный запас: недоеденная пищуха, «складик» полевков, кедровые шишки...

В плодovitости соболь уступает колонку, норке, а тем более белке или ондатре. Соболь впервые обзаводится детенышами обычно в 3, очень редко в 2 года. В помете бывает в среднем 3—4, реже 2 или 5, и совсем редко 7 или 6—7 соболят. Но соболь живет значительно дольше колонка, норки, а тем более белки или ондатры, и выживаемость молодняка у него выше. Все это обеспечивает ежегодный осенний прирост соболиного поголовья на 40—60, иногда до 80%. Осенью оно наполовину состоит из молодняка, но за зиму по разным причинам много сеголетков убывает: неопытные зверьки часто гибнут.

Раньше промысловики считали, что соболь их боится, не выносит соседства. Говорили, что он не терпит даже запаха дыма из лесных избушек. Это неверно! Все зависит от отношения человека к этому чуткому понятливому зверьку. Я точно знаю, что на таежной реке Бурее соболюшка однажды устроила себе гнездо и вскоре вывела потомство в норе под сараем возле дома лесника, на окраине села. У этого лесника даже охотничьи собаки были. И этот случай не единичный.

...Был в верховьях бураинской Тырмы поселок лесозаготовителей. Когда вокруг лес повыврубили, то жители поселок оставили. В нем обосновались несколько научных сотрудников-охотоведов, чтобы изучить, как сказались и скажутся на численности соболя прошедшие интенсивные лесозаготовки; так вот, соболя забега́ли в поселок даже днем, а уж ночью сплошь да рядом.

А в отношении к вырубанию лесов можно сказать следующее: когда леса сводят начисто, полностью исчезает и соболь, но умеренная вырубка леса полосами и лентами не только не вредна для этого зверька, но и полезна, ибо на оголенных

местах и в осветленном лесу становится больше трав, различных ягод, пицух, полевков. Мне неоднократно приходилось убеждаться в том, что в умеренно разреженных рубками и небольшими пожарами местах соболя иногда даже больше, чем в коренной нетронутой тайге.

Это говорит о том, что соболь вполне может уживаться с человеком и мириться с его хозяйственной деятельностью, если она будет разумной.

...Иной раз подходишь к капкану, а в нем сидит пойманный соболек, смотрит испуганно, смиренно, умоляюще. Возьмешь его в руки — дрожит, посадишь за пазуху — пригреется, успокоится. В зимовье через несколько часов ест предложенное ему мясо, быстро привыкает к человеку, перестает его бояться. Только в окно часто поглядывает на заснеженную тайгу: все-таки на воле лучше.

Соболь — национальное богатство России. Его мех ценится на вес золота, причем в буквальном смысле этого слова, т. к. используется в валютных операциях. Изделия из чудесного собольего меха всегда считались предметами роскоши. И в настоящее время на международных пушных аукционах Советский Союз является монополистом собольей пушнины, устанавливает ее стоимость. Заготовки достигают 180—200 тысяч шкурок в сезон, из которых значительная часть идет на внешний рынок.

Очень редки женские шубки или манто из собольего меха. И не только оттого, что этот мех редок, — трудно подобрать одинаковые по цвету шкурки. Не только в разных краях и регионах соболя рознятся по качеству и цвету волосяного покрова, но даже в одном и том же районе соболий мех сильно различается. Просмотрите 40—60 шкурок соболей, и вряд ли найдете больше трех-

четырех одинаковых. Вот почему самое распространенное изделие из собольего меха — женские шапки и воротники, на которые достаточно двух шкурок.

В зависимости от размеров, структуры и качества волосяного покрова соболиные шкурки меховщиками делятся на семнадцать кряжей, причем в каждом из них еще действуют 7 групп окраски меха. При оценке шкурок учитываются их размеры, пышность, мягкость, нежность, искристость, наличие седины; однако главным критерием стоимости является цвет меха. Крупные, но светлые, например, тобольские, кузнецкие, алтайские и енисейские соболя ценятся гораздо ниже мелких, но очень темных баргузинских и якутских. Дорого стоят большие и довольно темные камчатские шкурки соболя. Наоборот, маленькие и светлые сахалинские сравнительно дешевы.

Но вообще соболья пушнина ценится высоко. На международном рынке средняя стоимость одного соболя в 3 раза выше стоимости норки, выращенной в неволе, которая значительно больше и качественнее дикой. А стоимость хорошей собольей шкурки — 300—400 долларов.

В нашей стране успешно развивается и клеточное соболеводство. Это было сложное дело — научиться разводить в неволе столь требовательных к уходу, нервных зверьков, а еще труднее вывести породу крупных, совершенно черных, без горлового пятна, чрезвычайно пушистых соболей — тех самых, которые в природе встречаются не чаще чем 1 на 1000 экземпляров. Почти сорок лет решали эту задачу советские звероводы и, наконец, решили.

И хочется еще раз сказать: соболь — наше национальное богатство.

АМЕРИКАНСКАЯ НОРКА

Однажды мне удалось из-дали заметить темного зверька, шустро передвигавшегося вдоль берега реки по направлению ко мне. Я удобно уселся, замаскировался и замер, наблюдая за ним. Ветерок дул в мою сторону, поэтому зверек не мог почуять близость человека, и я на него вдоволь насмотрелся.

Это была американская норка. Она находилась в беспрестанном движении: то под корягу заглянет, то исчезнет в куче плаватика с одной стороны, а вылезет с другой, то нырнет в воду и быстро вынырнет. Все осмотрит, обнюхает, обследует.

Напротив бурливого и шумного переката зверек, как бы играя и наслаждаясь ловкостью, прыгнул в стремительный пенящийся поток, а через несколько секунд взметнулся над водой и очутился на скользком камне посреди реки, встряхнулся, заискрился тысячами крошечных радуг на солнце и принялся за еду: видимо, что-то поймал в воде. Съел, вытер мордочку лапками, постоял столбиком, вытянув передние лапки вдоль живота, и снова нырнул в воду. А выпрыгнул на берег в каких-нибудь пяти метрах от меня. Опять встав столбиком, норка пристально уставилась мне в лицо, сверкая черными бусинками глаз и усиленно втягивая в себя воздух. Когда я моргнул, она молнией метнулась в воду — и была такова. И хотя вода в реке текла кристально чистая, я не смог разглядеть, куда исчез этот зверек.

Существует два вида норок: европейская, или русская, и американская. Первая обитает в Европе

и в Зауралье до среднего течения Оби и Иртыша, вторая — на Северо-Американском континенте от Аляски до Флориды. Обе они родственно схожи — сильно вытянутое плотное тело, длинный хвост, короткие лапки с плавательными перепонками до середины пальцев, изумительный темно-коричневый мех. Обе очень подвижны и сильны, обе ведут земноводный образ жизни, прекрасно чувствуя себя и на суше, и в воде.

Но американская норка почти в 2 раза крупнее, значительно жизнеспособнее и лучше приспособлена к различным местообитаниям, как биологический вид она более перспективна. Ее с конца прошлого века начали разводить на зверофермах сначала в Канаде и США, позже завезли в Европу, а в 1938 году и в Советский Союз.

С 1933 года началась широкая кампания по акклиматизации американского зверька в природных условиях нашей страны — практически по всей ее территории, исключая зоны степей, пустынь и тундры. Сначала расселяли клеточных зверьков, а когда они освоились на воле и размножились, стали отлавливать и разводить «вольных» норок. С 1933 по 1971 год в водоемы Советского Союза их было выпущено более 20 тысяч.

Итоги акклиматизации американской норки в регионах страны были разные. В ряде мест она освоилась плохо или даже вовсе не прижилась, в других же стала успешно жить и размножаться, как, например, в Амуро-Уссурийском крае и на Алтае, несколько худшими для нее были условия в Волжско-Камском регионе. Возникло много больших устойчивых популяций акклиматизанта, однако единого ареала по стране еще не образовалось. Вполне естественно, многие водоемы, особенно в безлесных равнинных и заболоченных областях,

Норки: американская (вверху) и европейская

для норки оказались не пригодны. Не смогла она жить на реках и озерах, зимой перемерзающих до дна. В нашей стране акклиматизацию американской норки есть основания считать успешной лишь на просторах Сибири и Дальнего Востока.

Американская норка теперь стремительно осваивает почти всю Европу. Убегая со звероферм Швеции, Норвегии, Финляндии, Англии, ФРГ, Исландии и других стран, она быстро осваивалась на воле, дичала и стихийно образовывала «вольные» популяции. С 60-х годов в Швеции охотники ежегодно добывают по 16—18 тысяч американских норок, в Норвегии — до 8 тысяч. Немало ловят их охотники и других стран.

А в Финляндии неуклонно растущее поголовье убегающих со звероферм, дичающих и быстро

Различная форма белых пятен у норок европейской (вверху) и американской

размножающих норок серьезно озаботило охотничью общественность. Впятеро за 10 лет увеличилась добыча норок, но это не приостановило рост его численности. «Иноземец» стал уничтожать водоплавающую дичь, ондатру и даже своего более слабого родича — европейскую норку. Кстати, американская норка уже почти вытеснила европейскую со значительной ча-

сти естественного ареала, и это одно из серьезных отрицательных последствий интродукции американской норки в Европе.

Так что же из себя представляет пришелец из Нового Света? Это хищный зверек из семейства куньих, размерами примерно с соболя. Окраска меха темно-коричневая, ровная, лишь на нижней губе да по брюшку и шее разбросаны небольшие редкие белоснежные пятна. Самцы крупнее самок, они весят от 600 до 1600 граммов при длине тела 34—45 сантиметров. Самки примерно на одну треть меньше.

Норка в нормальном состоянии очень жирна, особенно осенью и в начале зимы. Полуторакилограммовых самцов охотникам в это время приходится ловить не так уж редко.

Американская норка очень расторопна и стремительна в движениях. Правда, по суше она бега-

ет не так уж быстро — до 5—6 метров в секунду, прыгает в длину чуть больше чем на 1 метр и в высоту на 50 сантиметров. Но она очень ловка в лазании в щелях и норах, в завалах хвороста и под валежинами, в толще снега и подледных пустотах. Особенно проворна в воде — прекрасно плавает и ныряет, находясь под водой 30—45 секунд, но может продержаться 2—3 минуты.

Это неутомимая и неистовая охотница. В поисках добычи она поразительно ловка, упорна и злобна. Сетон-Томпсон о ней пишет: «Норка — маленькое кровожадное воплощение ярости, но она не переполнена духом убийства, хотя часто давит больше, чем нужно». У нее сильное тело, острые зубы, хорошо развиты органы чувств. И еще она имеет «химическое оружие» — неблагоприятные выделения прианальных желез, которыми при защите мастерски пользуется.

Ее редко удастся видеть отдыхающей или хотя бы просто спокойной — вся она в энергичном движении, в постоянном поиске, который редко бывает безрезультатным. Наблюдать, как замечательно ловко плавает норка в глубоких омутах и стремительных потоках, захватывающе интересно. В воде она ловка, как выдра, но в отличие от выдры и на суше как дома. Зимой ведет скрытный образ жизни, пользуясь обширными «пустоледыми» вдоль берегов. Она легко передвигается и под снегом. Толщи его по берегам водоемов обычно пронизаны проторенными «тоннелями», по которым зверьки шныряют, не выдавая своего присутствия. Зимой только опытный зверолов может обнаружить места обитания норки.

Основная пища американской норки — рыба, мышевидные грызуны, речные раки и лягушки. Изредка ловит мелких птиц, ест насекомых. При

случае может задавить белку, пищуху или молодую ондатру. Из рыб чаще всего охотится на голянов, пескарей, вьюнов, бычков, хариусов, чебаков, ротанов. Рыба эта в основном сорная и непромысловая, и вреда рыбному хозяйству норка не причиняет. Наоборот, уничтожая пожирателей икры и мальков, она, как и выдра, приносит человеку большую пользу. Особенно на тех горно-лесных реках, где нерестятся лососевые рыбы.

Речные раки — любимое лакомство норки. Там, где «клешнястых» много, она предпочитает их рыбе. Лягушек охотно ест в течение всего года, но особенно с октября по март, когда они зимуют скопищами, пребывая в оцепенении, и становятся легко доступными. Мышей и полевок зимой ловит чаще, чем летом, потому что в холода многие водоемы промерзают, и она вынуждена охотиться только на суше.

Для норки характерна кормовая специализация. Раки, рыба, лягушки, грызуны — вот, пожалуй, и вся пища, другую она употребляет редко. В этом отношении условия лесных рек Амуро-Уссурийского края и южной Сибири близки к идеальным во все сезоны года, и норка здесь хорошо упитана. Зимой многие зверьки, особенно самки, живут на маленьких индивидуальных участках, иной раз не выходя за пределы небольшого омута или ямы, и полностью обеспечивают себя кормом.

От такой «сладкой» жизни норка начинает привередничать. Часто приходится видеть мертвых рыбок с глубокими отверстиями на боках — это следы клыков хищницы. Добыча чем-то ей не понравилась, и она ее бросила. Нередко не съедает пойманных лягушек и даже раков. Впрочем, бросить рака может лишь очень сытая норка,

она скорее его припрятает про запас (иногда она устраивает небольшие «склады» из рыбы и лягушек).

У себя на родине, в Америке, норка нередко нападает на диких водоплавающих и болотных птиц, приходит к селам и опустошает курятники. И не только Сетон-Томпсон характеризует норку как «воплощение ярости». Но я видел и наблюдал много акклиматизировавшихся в Амуро-Уссурийском крае норок и не нашел их «воплощением ярости». По крайней мере, они не более жестоки к своим жертвам, чем колонок, горностаи или ласка. Вероятно, это обусловлено обильными кормовыми ресурсами и особенно водными животными.

Иногда пишут, что норка — злейший враг ондатры. Это действительно так и на родине зверька, и в Европе, и у нас в ряде регионов, особенно в Средней Сибири, где кормовые ресурсы бедны. Но в Приморье и Приамурье норка и ондатра сплошь и рядом живут в одном заливе или протоке. На многих реках я видел их жилые норы буквально рядом, при этом хищник и грызун словно не замечали друг друга.

Норка активна преимущественно ночью. В пасмурную погоду, при тихом снегопаде она с видимым удовольствием бодрствует и днем.

Размеры индивидуальных участков неодинаковы. Крупные самцы регулярно обходят участок реки длиной до 10—15 километров, самки или старые особи живут на небольших участках, которые иногда налагаются друг на друга, но особой вражды между зверьками нет: всем хватает жизненного пространства и корма.

В сутки норка кормится от четырех до девяти раз, наиболее активна утром и вечером. За 24 ча-

са съедает пищу массой до четверти своего веса.

На собственном участке она имеет несколько гнезд, чаще всего вырытых в крутых лесистых берегах. Несколько входов в гнездо находятся ниже уровня воды, один лаз ведет на поверхность — он служит как запасной и для вентиляции.

Гон у норки бывает в марте—апреле, хотя активность зверьков резко возрастает уже во второй половине февраля. В брачную пору они особенно активны, бодрствуют днем и ночью, вытаптывают много троп вдоль крутых берегов. Самцы между собой отчаянно дерутся, то и дело выясняя отношения.

Щенки появляются обычно в мае. Количество их в выводках достигает 9—12 (на зверофермах даже 18), но чаще 4—6. Рождаются норчата 8—10-граммовыми крошками, глухими и слепыми, но растут очень быстро и в месячном возрасте вылезают из норы, ползают, пробуют есть рыбу, раков и другую приносимую матерью пищу. В два месяца начинают приучаться к самостоятельности, в августе не хуже родителей бегают и плавают, а к началу октября окончательно становятся взрослыми. До осени доживает около двух третей сеголетков, но в октябре норочье поголовье на 50—70% состоит из них.

Интересен такой факт. До 5—6-недельного возраста норчата не обладают свойством терморегуляции, поэтому имеют температуру, равную температуре гнезда или внешней среды. При охлаждении они пищат, а при 10—12°С умолкают, перестают шевелиться — у них наступает летаргическое ооченение. Сердце и легкие перестают нормально работать, реакция на окружающее отсутствует. Создается полное впечатление кли-

нической смерти. Но даже после охлаждения тела до 0°C и пребывания при такой температуре в течение нескольких часов, затем согревшиеся до $10\text{--}12^{\circ}\text{C}$, они вновь начинают подавать признаки жизни: шевелиться, попискивать, а при $30\text{--}36^{\circ}\text{C}$ полностью оживают. Просто поразительно! Такая феноменальная устойчивость к переохлаждению детенышей способствует их выживаемости даже в том случае, когда мать вынуждена оставлять гнездо на долгое время.

У норки сильно развито чувство дома, кочует она редко, и почти всегда ее к этому вынуждают особые обстоятельства. Молодняк до следующей весны обычно держится на родительском участке, сообща пользуясь норами, тропами, лазами, а весной разбредается в поисках свободных угодий.

Основными врагами норки являются соболь, харза, колонок и крупные хищные птицы. Очень редко ее ловят лисица и волк. Нападений со стороны выдры мне наблюдать не приходилось: оба этих хищника в Амуро-Уссурийском крае уживаются на одних и тех же водоемах, причем где много выдры, как правило, много и норки. Вероятно, это обусловлено тем, что норка слишком мала для нападения на выдру, а та отличается известным благородством поведения.

Но как же все-таки американская норка, испокон веков обитавшая в другом полушарии, осваивала совсем иные земли? Проследим это на примере привыкания зверька к условиям Амуро-Уссурийского края, в котором мне удалось изучить процесс его акклиматизации.

Здесьние реки оказались на редкость удобными для обитания норки. В мае—июне — как раз в период деторождения — низкий уровень

воды; паводки бывают осенью, когда они уже не страшны подростшему молодняку. Обилие пустоледий и незамерзающих полыней помогает норке благополучно зимовать. Высокие берега с подступающим к самой воде лесом — прекрасное место для гнезд, которые зверек устраивает под корнями и в дуплах крупных деревьев. Множество речных завалов, проток, островов, заливов и стариц — идеальные условия. Реки богаты рыбой, раками, моллюсками, а прибрежные леса — мышевидными грызунами. Даже суровые зимы не страшны хорошо упитанным зверькам с теплым и густым мехом. В случае полного промерзания водоемов они могут перезимовать в лесах, питаясь грызунами. Врагов и серьезных конкурентов у них здесь немного.

В силу изложенных выше условий или по другим причинам, о которых мы пока мало знаем, адаптация американской норки в Приморье и Приамурье оказалась весьма удачной. Особенно успешно она прижилась в горных реках таежного Сихотэ-Алиня. Расселение ее по левобережному Приамурью было менее удачным, однако и в нем она освоилась неплохо.

На реках Анюй и Большая Уссурка выпустили всего по одной партии норок, однако они за 5—6 лет обжили не только бассейны этих рек, но и распространились дальше, на соседние. Скорость расселения достигала в год 75—100 километров и более. На Анюе заготовки шкурок норки начались через 5 лет после выпусков, а через 10 лет добыча перевалила за 1000 голов в сезон. Также стремительно заселила американская норка бассейн Большой Уссурки. На Хор и Бикин ее начали выпускать в 1949 году, а уже к 1964-му здесь добывали более 4000 шкурок за сезон.

Лучшие места для обитания норка находит в среднем течении крупных лесных рек и в низовьях более мелких. Особенно благоприятны для нее так называемые «разбои», где главное русло разбивается на многочисленные протоки и рукава с заломами и завалами, тянущимися иногда несколько километров. Здесь обычны изрезанные проточками и сплошь заваленные корчами и плавником острова. Вся пойма и долина покрыта сильно захламленными широколиственными и кедрово-широколиственными лесами с густым подлеском и травяным покровом. Зимой в этих «разбоях» всегда есть пустолежья, много полыней и «таличков». И норки здесь больше, чем где бы то ни было в другом месте.

Она любит и типичные горно-таежные реки — неширокие, с быстрым течением, неглубокими плесами, мелкими перекатами и слабо разработанной поймой. Летом норке в них очень хорошо, но зимой значительно хуже: рыба «скачивается» вниз и в ямах часто гибнет; обычны наледи, в малоснежные и холодные зимы они тянутся непрерывно на многие километры. Зимой зверек, как правило, покидает эти места, оставаясь лишь у омутов и в незамерзающих ключах.

Малопригодны для его жизни и реки, покрывающиеся сплошным льдом без полыней, а также водоемы со скальными или заболоченными берегами. Хозяйственная деятельность человека: сплав леса, выпас скота, распашка земель или просто частое появление людей с собаками — тоже не нравится норке. В таких местах ее мало.

В верховьях ключей и истоках рек она живет лишь в теплый период года, да и то редко. Зимой здесь все перемерзает и «закипает» в сплошных наледях.

На реках, облюбованных норкой, плотность ее непрерывно увеличивалась, достигнув максимума к середине 60-х годов: во многих местах они составляли 5—6 особей на 1 километр, а на лучших участках, например в «разбоях», до 10—15 норок на 1 километр. Зверек расплодился даже и в несвойственных ему местообитаниях: его ловили на заболоченных ручьях вдоль дорог, на старых осушительных каналах, на лугах и марях. Многие охотники добывали по 20—30 норок в месяц, опытные же — в 2 раза больше.

Осенью 1965 и 1966 годов я занимался учетом поголовья норки на Хоре и Бикине и сейчас уверен, что в те годы мы наблюдали «взрыв» — лавинообразное нарастание численности акклиматизанта. На некоторых участках рек добывали по 7—8 зверьков с 1 километра поймы, а за сезон охотник на небольшом отрезке реки ловил их до сотни. В большинстве районов края норка вышла на первое, второе и третье места в пушных заготовках, общая стоимость норочьих шкурок достигала 10—14% стоимости всей добываемой пушнины. Все это породило большие надежды, однако за «взрывом» последовало неожиданное и резкое сокращение численности.

Перенаселение для любого вида часто чревато губительными последствиями: распространяются болезни, падают темпы размножения, повышается смертность. Но это особенно характерно для вновь формирующихся популяций «иноземного» происхождения: сначала численность стремительно возрастает, плотность становится чрезмерно большой, а потом наступает резкий спад. И дело тут не только и не столько в нехватке кормов или заразных болезнях. В жизни вида постоянно действуют механизмы регу-

лирования численности. Мы знаем только, что активность размножения обратно пропорциональна численности вида: с увеличением поголовья она снижается, и на каком-то предельно допустимом его уровне размножение может вообще прекратиться. Механизм же регулирования численности нам пока неизвестен.

В последующие годы поголовье норки начало восстанавливаться, но такого высокого уровня, как в 1962—1965 годах, она уже вряд ли достигнет.

И тем не менее американская норка заняла прочное место в биоценозах Амура-Уссурийского края, Алтая и других регионов нашей страны. Этот зверек определенно обогатил нашу фауну, а кроме того, стал одним из важных источников добычи пушнины.

Сейчас, через 50 лет после начала акклиматизации, норку научились добывать многие охотники. С каждым годом интерес к ней возрастает, ловят ее все больше, в некоторых районах даже чрезмерно много.

Исключительно велико значение американской норки в клеточном звероводстве. Норководство стало очень доходной отраслью во многих странах, в том числе и в Советском Союзе. На крупных зверофермах число зверьков летом достигает ста тысяч. Если заготовки шкурок дикой норки во всех странах составляют 400—420 тысяч в год, то во всем мире производство клеточной норки за 1 год превысило 25 миллионов особей, из которых более 10 миллионов приходится на нашу страну.

В одном лишь Приморском крае получают свыше миллиона норочьих шкурок клеточного производства.

В международной пушной торговле норка по праву считается основным товаром, на ее долю приходится около двух третей мирового пушного оборота. В Советском Союзе, славящемся обилием соболя, песца, лисицы, белки, ондатры и других ценных пушных зверей, норочий мех занимает ведущее место, а в пушном экспорте составляет около 50%.

В сложном процессе одомашнивания и селекционной работы клеточные норки стали значительно крупнее диких, они достигают 70 сантиметров в длину и 4 килограммов массы. Они более плодовиты и менее агрессивны. Выведено более сотни цветовых форм клеточной норки, каких только среди них нет: черные, белые, пастельных тонов, голубые, бежевые и т. д. и т. п. А названия-то какие — топаз, поламино, голубой ирис, жемчужная!

И не только в разнообразии цветов прелесть меха — он прочен, красив, пушист и нежен.

КОЛОНОК

Колонок — типичный «сибиряк», обитает он в основном на Азиатском материке, незначительно проникая за Урал лишь до Волжско-Камского края и юга Кировской области. В нашей стране этот зверек особенно многочислен в Амуро-Уссурийском крае, в Барабинской лесостепи и на Алтае. Обычен он на всей южной лесной полосе Сибири, севернее же, в горно-таежной зоне, его становится заметно меньше, а западнее Урала, в Зауралье и Якутии совсем мало.

За пределами Советского Союза колонка много в Северной Монголии, на большей части Китая, в Корее, Японии, в Тибете, Гималаях, на островах Тайвань и Ява.

Это небольшой зверек с ровным ярко-охристым или палево-рыжим мехом, круто изогнутой спиной, гибким телом, короткими ногами, пушистым хвостом и злобной хищной мордочкой в черной «маске». У самцов крупного амурского подвида длина туловища достигает 40 сантиметров, а масса 850 граммов. Самки значительно мельче.

Несмотря на свои небольшие размеры (он меньше домашней кошки), колонок кровожаден и злобен и обычно уничтожает все, что может одолеть. Он не по размерам силен и проворен и без особых затруднений душит животных гораздо крупнее себя: зайцев, ондатру, тетеревов, уток и других. Иной раз думаешь, глядя на этого злого прониру: будь он размерами с медведя, от него не спастись бы никому, в том числе и людям.

В теплую погоду, особенно при недостатке кормов, за ночь колонок проходит 10—12, а то и 18—20 километров. В декабрьские и январские морозы, да еще если пища припасена, ограничивается короткими маршрутами — 200—400 метров и даже меньше. Иной раз вылезет из норы, сделает несколько глотков колючего морозного воздуха — и назад: морозов колонок не любит! А когда очень холодно и ветрено, по несколько дней вовсе не вылезает из норы. Все-таки этот зверек умеренной климатической зоны.

Впрочем, колонок довольно хорошо передвигается под снегом, и по числу следов на поверхности, если покров глубже полуметра, никогда

нельзя судить о численности зверьков: под снегом, где у них проторены длинные «тоннели», следов не видно. Самки более склонны к такой скрытной жизни, чем самцы. Впрочем, дело не только в этом, а еще и в том, что под снегом теплее, полевок с мышами больше и легче их поймать. На протяжении километра колонок раз двадцать нырнет под снег, иной раз выныривая метров через пятьдесят.

Это типичный хищник, питающийся мясом. Как говорят ученые, — миофаг. Ловит и ест мышей и лесных полевок, бурундуков, пищух, водяных полевок и молодых ондатр, землероек, лягушек, ящериц, при случае расправляется с белкой и зайцем. И рыбу добывает, раков, моллюсков. Даже крупных насекомых ловит и ест. Растительную пищу не признает и в голодные времена. В сутки съедает 100—120 граммов корма.

Колонок живет не только сегодняшним днем, но и заботится о своем будущем: обязательно делает запасы. В его продовольственных кладовых аккуратно сложены тушки мышей, полевок, пищух и других животных, иной раз рыбка, птички, ящерицы.

Мой друг охотовед Юрий Зубков рассказал: «Поймал я осенью колонка живым и здоровым, за палец. Принес домой, сделал ему клетку с отделением для утепленного гнезда, поставил ее в сарае, стал зверька кормить. Назвал Федей. Сначала он отлеживался в гнезде, но с каждым днем все чаще появлялся в «прихожей» клетки. Однажды ночью неожиданно ударил крепкий мороз. Пошел я утром проведать и покормить Федю, а он топчется в «прихожей», дрожит от холода, а в гнездо не лезет. «В чем дело? — думаю. — Этак и замерзнет зверь». Стал выяснять

причину, и оказалось, что Федя остатками пищи забил свое гнездо под самый «потолок». Да так плотно уложил ее...»

В марте, с прекращением морозов, колонки становятся непоседливо активными. Во второй половине этого месяца, когда самки заневестятся, у них начинается гон, во время которого самцы носятся как угорелые. Даже кормиться перестают.

В помете бывает от двух до двенадцати, чаще всего 4—7 детенышей. Рождаются они совсем беспомощными крошками 6—7 граммов массой, в густом светлом пушке. Но растут быстро. В месяц прозревают и слышат, а в полтора становятся настолько подвижны, что начинают с матерью тесным табунком ходить вокруг гнезда, набираясь опыта. В 2 месяца переходят на самостоятельную добычу пищи, а в конце августа — начале сентября выводки распадаются. В октябре сеголетка по размерам уже трудно отличить от взрослого.

Жизненный путь колонка недолог: 2—3, редко 4 года.

Убежище зверек устраивает под корнями, в дуплистых деревьях и колоднике, под кучами хвороста, валежником. Гнездовая камера обихожена старательно, она удобна, тепла, выстлана ветошью, шерстью, перьями. Кроме основного гнезда у колонка на охотничьем участке есть несколько временных убежищ, которыми он периодически пользуется. Часто делает гнезда в норах бурундуков, пищух, водяных полевок, расширяя и углубляя их по своему вкусу.

Колонок — отличный рыболов и хороший пловец. Неоднократно приходилось наблюдать, как он переправляется через довольно крупные

и быстрые реки. Он даже нырять в воду может, правда, неглубоко. Зимой вдоль тихих проток и озер нередко можно наблюдать грязные колоночьи тропы: в это время он охотно держится в пустоледьях, добывая там рыбу и раков. За это приятное занятие иногда жестоко расплачивается, забыв о том, что находится во владениях американской норки.

Осенью, когда начинаются интенсивные кочевки белки, колонок движется за нею. Эти зверьки скапливаются в районах систематического отстрела пушного грызуна. В бассейне Большой Уссурки, например, было отмечено, что колонки собирались на звуки ружейной стрельбы. Возможно, его привлекают свежееобдранные беличьи тушки, бросаемые охотниками? Сам он ловит белку лишь изредка, скрадывая ее во время кормежки на земле.

Иногда удается из укрытия наблюдать за охотящимся колонком. Движения его то спокойны и неторопливы, то резки и стремительны. Он тщательно обследует все места, где может оказаться мышь, лягушка, птичье гнездо и другая пища. То он исчезнет в ворохе хвороста, то залезет в какую-то нору, то вскарабкается на дерево и оттуда осматривает свои владения. Задавив полевку или лягушку, он их тут же съедает, а потом тщательно чистит себя и приводит в порядок. Если остановится возле быстрого ручья, то вовсе не потому, что не знает, как перебраться. Он смотрит, нет ли где-нибудь у камня или под берегом рыбки, рака, лягушки.

Колонок может питаться далеко не изысканной снедью: кормится всевозможной падалью с видимым удовольствием. Найдя погибшее животное, он держится около него, пока не съест.

Впрочем, ему редко удается пировать в одиночку: счастливчика моментально обнаруживают его собратья. Однажды я видел, как стайка уже ожиревших колонков пожирала убитого браконьерами тигра — даже он не страшен, когда мертв.

Нередко охотник, возвратившись к убитому всего 6—7 дней назад кабану, косуле или изюбру, находит лишь обглоданные кости да смерзшуюся шкуру и, конечно, многочисленные колончьи тропки вокруг. Установив здесь 5—6 капканов, он за несколько дней наловит до двух десятков колонков. И грабители наказаны, и ущерб возмещен.

Колонки успешно обитает в самых разнообразных местах, однако более всего милы ему полуоткрытые пространства — разреженные леса, опушки, заросли кустарников, тростника в соседстве с речками, озерами, болотами. Любит речные долины, заросшие разнообразной растительностью захламленные гари и лесосеки, перелески вокруг сельскохозяйственных полей и лугов, лесные болота.

Численность колонка в природных ландшафтах можно проследить на примере Амуро-Уссурийского края.

Осенью и зимой чаще зверек держится в долинных лесах с разнообразной растительностью, в разреженных выборочными рубками кедрово-широколиственных лесах, в островных колках на сельскохозяйственных землях, по старым гарям. Здесь нередко обитает до 40—60 зверьков на 10 квадратных километров, а то и больше. Осенью, когда численность колонка максимальна, на отдельных участках насчитывается 7—8 особей на 1 квадратном километре.

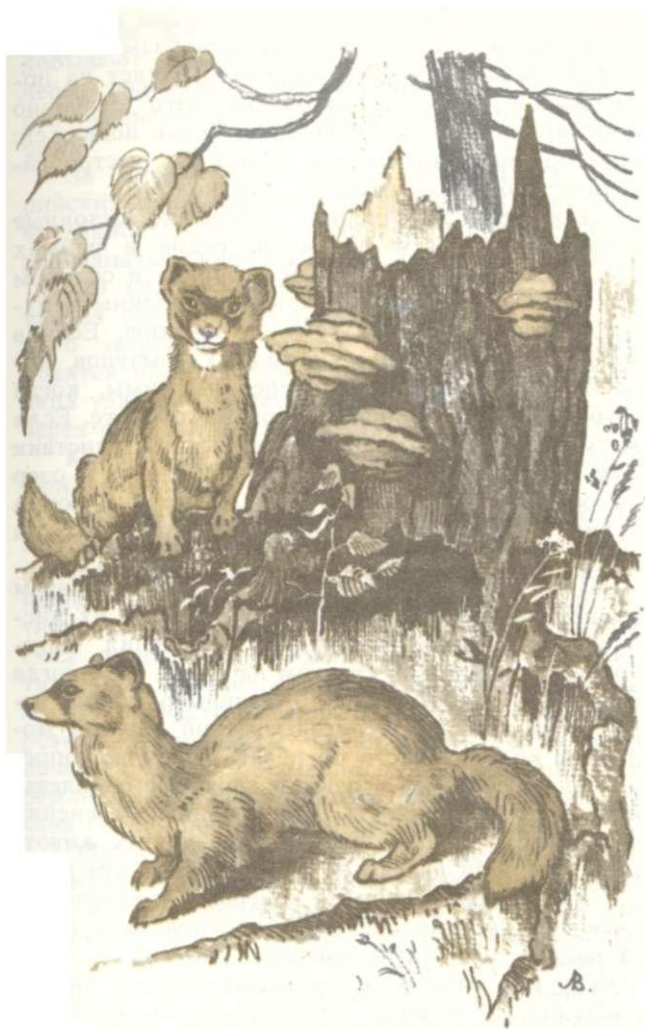
Довольно много его бывает в ненарушенных кедрово-широколиственных и кедровых лесах горных склонов. Плотно населяет он и старые дубняки с густым кустарниковым пологом, перелески вокруг сельскохозяйственных полей.

А вот в кедрово-еловых и тем более лиственничных и пихтово-еловых лесах колонка намного меньше. Нельзя сказать, чтобы эти уголья были совсем для него непригодны, но отсюда колонка вытесняет соболь — сильный и постоянный его враг. В зоне пихтово-еловой зеленомошной тайги и лиственничников колонка было мало и в 30-е годы, когда соболь был очень редок. Объясняется это суровыми условиями обитания и сравнительно бедной кормовой базой этих лесов. Да и вообще сплошных лесов таежного типа, как равно и обширных открытых пространств, колонок избегает, не любит.

На юге Приморского края, южных и западных склонах Сихотэ-Алиня, в низкогорье Малого Хингана с десятка квадратных километров добывают за сезон до 12—18 колонков. При пересчете заготовок только на промышляемую площадь этот показатель увеличивается в 2 раза. Хорошие охотники в удачные годы в Амуро-Уссурийском крае добывают до 240—280 колонков за охотничий сезон.

По мере движения от этого края к северу и западу численность колонка заметно падает. Его существенно меньше даже в славящихся этим зверьком Барабинском лесостепье и на Алтае, на большей же части Сибирского ареала плотность населения не превышает 10—15 особей на 10 квадратных километрах.

Численность колонка в разные годы испытывает резкие колебания, которые обусловлены в

первую очередь внутривидовыми механизмами, затем состоянием кормовой базы и погодой. Интенсивный промысел мало влияет на поголовье и там, где охота на него особенно популярна. К тому же колонок очень подвижен: опустошенные промыслом угодья он быстро заселяет, набегая с соседних участков.

Для него характерны небольшие сезонные кочевки. Весной и летом он редок в поймах рек, зато обычен по речным террасам и склонам гор. Осенью зверьки спускаются в долины и путешествуют вдоль рек вниз по течению. Если в горных лесах много мышевидных грызунов, колонок держится там до середины зимы, когда глубокие снега начинают мешать его охоте. Если же мышей мало, колонок пускается в странствия уже в октябре. В поймах рек, у протоков и озер он обычно находит для себя достаточно корма в виде рыбьей мелочи, лягушек, раков, дохлой рыбы.

Поскольку колонок питается главным образом мышевидными грызунами, то колебания их численности обычно вызывают изменения поголовья и хищника со сдвигом на 1 год. Но иногда бывают и несоответствия. Например, из-за холодной и дождливой погоды весной и летом молодняк колонка часто погибает. Вероятно, определенную роль тут играют и заразные заболевания. Но надо признать, что причины изменений численности колонка (как и ряда других животных) учеными далеко не полностью раскрыты.

О характере и размахе колебаний колоночьего населения можно составить определенное представление по статистическим данным о заготовках его шкурок: в последние 30 лет «пики» численности зверька отмечаются обычно через

3—4 года. В годы «пиков» в Приморье, например, добывают 40—60 тысяч колонков, а буквально через год—два, когда их поголовье во много раз уменьшится, их ловят не более 10—15 тысяч штук.

За многие годы работы и охоты в уссурийских лесах мне удалось наблюдать и высокую численность колонка, и низкую. Случалось всего двенадцатью капканами за 10 дней ловить до 15—20 колонков. Мой проводник как-то у останков отстрелянного кабана за ночь ловил по 4—6 зверьков. А через год—другой они становятся настолько редкими, что и за 1,5—2 месяца удается поймать всего 8—10 штук. Но еще через пару лет их опять станет много...

Каковы же биоценотические связи колонка? Они достаточно сложны, а удивительны тем, что нет у него друзей и доброжелателей. На Алтае, в Сибири, Амуро-Уссурийском крае и во многих других местах отмечены враждебные отношения соболя и колонка, причем соболь активно его преследует и уничтожает. В уссурийских лесах, пока соболя было мало, систематического преследования колонка не наблюдалось, хотя часто бывали драки между ними. Но с резким увеличением численности соболя отношение к зверьку изменилось — соболь целеустремленно стал его выживать. В большинстве случаев соболь побеждает и душит колонка.

Оба эти хищника находят хорошие условия в хвойно-широколиственных лесах. Но соболь, как правило, вытесняет колонка из заселенных им угодий. В глухих дебрях Сихотэ-Алиня и других горных системах колонка было особенно много в 30—40-х годах, когда соболь почти отсутствовал. По мере восстановления численности

соболя колонку пришлось потесниться. В настоящее время в тех лесах, где соболя стало много, колонок редок. Зато он быстро появляется там, откуда уходит соболя: например, в лесах, сильно разреженных выборочными рубками.

Вообще распространение колонка и соболя имеет характер обратной пропорциональности: чем больше соболя — тем меньше колонка, и наоборот. Такая зависимость проявляется и во времени, и в пространстве.

В последние 35 лет колонку часто приходилось встречаться с американской норкой. Оба хищника не терпят друг друга и часто дерутся насмерть.

Убитую норку колонок съедает, норка же задавленного врага чаще бросает.

Кроме того, врагами и конкурентами колонка являются лисица, хорьки, енотовидная собака, рысь, лесной кот, харза. Нередко он становится жертвой крупных пернатых хищников, в первую очередь каменной и бородатой неясытей, филина, полярной совы.

Но и от колонка кое-кому достается: он не упустит возможности поймать и задавить солонгоя, ласку или горностая, съесть их или припрятать в свои кладовые. Вот и выходит, нет мирного времени в жизни зверька: то его караулят, то он.

Колонки — ценный пушной зверек, промысловое значение его немалое. В Сибири и на Дальнем Востоке за охотничий сезон ловят более 100—200 тысяч колонок, из которых от 32 до 62% добычи приходится на Амуро-Уссурийский край. Опромыщляется поголовье зверьков далеко не полностью, и увеличить заготовки шкурок в 1,5—2 раза вполне возможно и нужно.

Хозяйственная деятельность человека не вредит колонку. Распашка земель и вырубки леса скорее даже улучшают условия его обитания. Он водится вблизи сел, по мелколесью и кустарникам вокруг полей. Зимой, случается, живет прямо в селах. Мне удалось наблюдать выводок колонка в Хабаровске в 100 метрах от оживленной улицы.

Видимо, в связи с освоением земель и рубкой коренных лесов значение колонка в будущем возрастет, и он, возможно, займет еще более важное место в пушных заготовках по всей Сибири и Дальнему Востоку.

Колонки, как мы уже отмечали, плодovit. Если выводок по какой-либо причине погибает, самка до холодов успевает вырастить второй помет. К осени на одну самку приходится в среднем около пяти сеголетков. И еще: колончики гораздо осторожнее самцов и в охотничьи самолеты попадают в 2—3 раза реже. Это тоже способствует высокому воспроизводству популяций, при котором вылавливать 60% осеннего поголовья вполне допустимо.

Добывать колонки несложно, но интересно. Он очень неосторожен, в любые ловушки и почти на всякую приманку идет без раздумий. Многие охотники капканы на колонков вовсе не маскируют, а иные не очищают даже от заводской смазки. В самолеты за приманкой зверек лезет, я бы сказал, нахально.

Капканы ставят по берегам рек и озер, вдоль лесных троп, на старых лесосеках, по закрайкам болот, на лесных опушках, по обочинам полей и в других местах, часто посещаемых колонками. Железный самолет важно поставить так, чтобы зверек по пути к приманке

не мог его миновать. Для этого из разных подручных материалов (кора, толстые палки, старые дупла и т. д.) делают «домики», пристраивая их к стволам деревьев, валежинам или обрывам.

Для приманки идет рыба, мясо, внутренности животных и прочие отбросы. Чем сильнее запах у приманки, пусть даже и гнилостный, тем быстрее найдет и охотнее «клюнет» на нее этот непривередливый зверек.

Чем больше поставишь капканов на колонка, тем лучше. Некоторые охотники настораживают их по 2—3 сотни, да к этому имеют столько же кулемок. В благоприятные годы им удается вынимать из этих самоловов до 15—20 колонок в день.

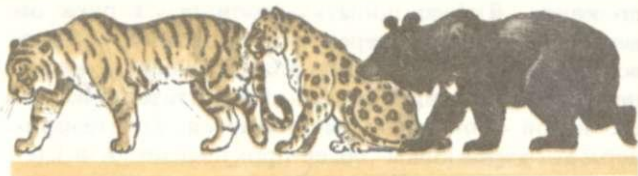
Лучшее время для ловли этих зверьков — поздняя осень до наступления 20-градусных морозов. Но в декабре колонок все чаще и чаще отсиживается в норе, иногда неделю не выходит оттуда.

Особенно хорошо ловить его по чернотропу. В это время колонок наиболее активен, да и охота не утомительна: еще тепло, снега нет, ходить легко, золотая осень располагает к созерцанию и размышлениям. По морозцу в ожидании удачи идешь от одного капкана к другому. Здесь кто-то ухитрился захлопнуть капкан и утащить приманку (значит, плохо поставил!), тут попавшийся колонок отгрыз лапу и ушел (чаще проверять надо!), а в этом капкане — зверек. Сидит. Ждет. Попался!

Колонок видит вас издали, застывает в неподвижности: еще надеется, что не заметят его, пройдут мимо. А когда поймет, что надежды нет, весь соберется в комок, готовый защищаться

до конца. Любую попытку взять его в руки он встречает резким стрекотом, пытается обдать вонючей струей из прианальной железы и решительно оскаливает зубы. Вы хотите прижать его ногой — он ловко увертывается, хотите придержать варежкой — он ее прокусывает. А в глазах столько злости и решимости драться, что невольно испытываешь уважение. Наконец он в руках, успокоился, и его можно положить в рюкзак.

А впереди еще почти целый день. Солнце только поднялось и обещает отличную погоду. А картины осеннего леса рождают бодрость и острое ощущение полноты жизни... Что ни говори, а есть свои прелести в охоте на колонка!

ЗАЧЕМ ИХ ОХРАНЯЮТ...

... Если было время, когда дикая природа внушала безотчетный страх человеку, то теперь ее нужно защищать.

С. Шварц

Фауна Советского Союза насчитывает 287 видов зверей, из которых в Красную книгу СССР, учрежденную в 1974 году, было внесено 62 вида и подвида. Во втором издании этого государственного документа (1984 г.) значится уже 94 формы млекопитающих — ровно в 1,5 раза больше. А среди них такие замечательные, как белый медведь, тигр, леопард, гепард, снежный баран, горал, винторогий козел, джейран, горный баран, зубр, пятнистый олень, кулан, морж, синий кит, финвал и другие. Каждый пятый вид млекопитающих стал или редким или исчезающим, что не может не вызвать острую тревогу.

По каким причинам тот или иной вид становится редким? Их много. В историческое время сказывались и неумеренный, неорганизованный промысел, и загрязнение биосферы, и слабая эффективность охраны природы, и коренное изменение мест обитания, и естественное старение видов.

Особенно резко влияют эти факторы на тех животных, которые обитают в окраинных частях своих ареалов, нередко разобщенными очагами, находятся на пределе своих естественных возможностей. В таких условиях они очень болезненно реагируют на любые неблагоприятные воздействия, и в первую очередь антропогенные факторы. Но прежде мы коротко остановимся на причинах естественного вымирания животных.

Большой интерес представляет эволюция жизни на Земле. Первые наземные позвоночные появились около 400 миллионов лет назад. Древнейшие млекопитающие — насекомоядные, затем грызуны — возникли 100—150 миллионов лет до нашей эры. Но быстрое эволюционное развитие зверей началось 70—60 миллионов лет назад, после загадочного исчезновения древних рептилий — ящеров-исполинов.

Эволюция — это нескончаемая смена одних видов, родов, семейств другими, непрерывное совершенствование живых организмов. Одни исчезают, на смену им приходят другие, более развитые, лучше приспособленные к сложившимся условиям существования. За сотни миллионов лет вымерло чрезвычайно много животных, причем до сих пор до конца не выяснены причины исчезновения многих из них.

Для разных типов и классов животного мира темпы эволюционного развития неодинаковы, но четко прослеживается закономерность: чем более высоко развиты существа, тем быстрее эти темпы. Для эволюции млекопитающих, как ни для какого иного класса животных, характерны высокие скорости вымирания старых и появления новых форм, а в итоге — быстрое обновление фаун.

Существует довольно много теорий о естественном вымирании животных. Важнейшими причинами называются изменения экологических условий, периодические земные и космические катастрофы, геологические процессы и другие. Ряд современных видных ученых утверждают, что появление и исчезновение родов и видов зверей, птиц и вообще всех живых существ, включая растения, в естественной истории как бы запрограммированы. Мы еще очень мало знаем, как и почему это происходит, пока мы только констатируем факты.

Вполне возможно, что динозавры, ихтиозавры, птеродактили, археоптериксы и другие гиганты мезозоя погибли не вследствие каких-то глобальных земных катастроф, а исчезли, отжив свое, уступив место более совершенным организмам. Может быть, катастрофы лишь ускорили их гибель.

Ученые подсчитали, что средняя продолжительность жизни вида млекопитающего равна примерно 600 тысячам лет, это относительно недолгий срок. Есть, конечно, отклонения от нормы, но они редки. Американский опоссум, например, в современном виде существует несколько миллионов лет. Но это — исключение.

Различные неблагоприятные факторы сокращают время существования видов. Немало их погибло из-за резких изменений климата, а значит, и растительности, вследствие великих оледенений и т. п. Но в последнее тысячелетие самое сильное влияние на природу стал оказывать человек. Разумеется, в этом виноваты не только охотники. Больше половины из 105 исчезнувших за последние 1980 лет видов зверей лежит на его совести.

По мере роста населения и развития цивилизации отрицательное воздействие на фауну непрерывно возрастало и усиливалось: за первые 1700 лет нашей эры исчезло 33 вида зверей, за два следующих столетия — 36, а всего за 80 последних лет тоже 36 видов.

В Красную книгу, составленную Международным союзом охраны природы, внесено 248 видов и 48 подвидов зверей, находящихся под угрозой. Среди них есть и эволюционно далеко не старые, которые оказались на грани исчезновения только по вине человека, по причине коренного изменения их местообитаний.

В настоящее время катастрофически быстро и резко изменяется экологическая обстановка в большинстве поясов Земли — от тундры до пустынь, что крайне отрицательно сказывается на состоянии популяций большинства видов животных. Но комплекс антропогенных факторов наиболее пагубно отражается на крупных хищниках (как, впрочем, и некоторых копытных). И именно этих животных с каждым годом становится все труднее охранять. Туранский тигр числится в Красной книге, но он, очевидно, уже исчез, по всей видимости, не стало и яванского тигра, тревожно положение с красным волком, гепардом, рядом подвидов леопарда, со снежным барсом. В Красной книге СССР наиболее многочисленны хищники — 24 вида и подвида из 94 включенных в нее, но более всего страдают кошачьи: их в фауне СССР 12 видов, и 9 из них в списках редких и исчезающих.

Они требуют к себе особого внимания, потому что на них пагубно сказывалось и, к сожалению, до сих пор сказывается не только браконьерство, но также и лесозаготовки, лесные

пожары, многоснежные зимы, гололед и т. п. Все эти факторы в конечном итоге приводят к уменьшению численности и к пульсации ареалов (попеременному отступлению и наступлению границ распространения) и без прямого воздействия человека. Если же включается и этот грозный фактор, то отступление границ ареалов принимает необратимый характер.

Разумная деятельность человека может не только не допустить преждевременного вымирания животных, но и продлить их существование. Вспомним, что дикие лошади в естественной среде практически уже вымерли и как вид исчезли, но рядом с человеком они живут. Одомашненный индийский слон, вероятно, переживает трудно поддающегося приручению слона африканского. Весьма положительные результаты дала охрана белого медведя, морских котиков и каланов, теперь обычных в морях, омывающих побережье Дальнего Востока. А вот и сравнительно недавние и широко известные факты бережного отношения к животным: в нашей стране в годы Советской власти были спасены от уничтожения амурский тигр, соболь, лось, сайгак, бобр и другие звери, которые при иных условиях могли бы уже оказаться в числе исчезнувших.

Так много внимания охране животного мира вообще и редких видов в частности человечество стало уделять не только потому, что каждый вид уникален, неповторим и прекрасен. Исчезновение любого из них почти всегда неблагоприятно сказывается на биологических сообществах и экологических системах. Свойства того или иного животного, даже в настоящее время не представляющие практической ценности, в

будущем могут оказаться бесценными для селекционных работ.

Каждый исчезнувший вид — тяжелая, невозполнимая потеря. Человек научился поразительно многому, вырвался в космос, побывал на Луне. Но он никогда не сможет вновь создать саблезубого тигра или пещерного медведя, тура или стеллерову корову, кваггу или тарпана и даже менее сложно организованных животных: беспозвоночных или одноклеточных. Все, исчезнувшее из животного мира, исчезло навсегда. Вполне возможно, что в будущем люди научатся путем межклеточной гибридизации создавать новые виды животных, но «реставрировать» старые — пещерного льва, даже яванского тигра уже невозможно.

Необходимость строгой охраны всех животных люди осознали, к сожалению, очень поздно. Но знания, накопленные человечеством, быть может, помогут в деле охраны природы самым серьезным образом. Хочется еще раз подчеркнуть, что особенно бережное отношение необходимо тем животным, которые вымирают или стали редкими, тем, которые занесены в Красную книгу и о которых рассказывается в этой главе.

АМУРСКИЙ ТИГР

Трудно найти на Земле зверя, который был бы так же могуч и ловок, красив и бесстрашен и так широко известен людям всех континентов и обоих полушарий, как тигр.

Тигр привлекает к себе пристальное внимание и жгучий интерес, и по праву. Посмотрите, сколько в нем чудовищной силы и как гармонично она сочетается с грацией, умом, бесстрашием. А такой яркой и вместе с тем практичной «одеждой» его одарила природа. Это и царская мантия, и рабочий комбинезон, и маскировочный халат, и надежная защита от жары и холода.

Мне посчастливилось много лет изучать жизнь уссурийского, а точнее амурского тигра, и я неплохо с ним познакомился. Больше всего меня интересовали его образ жизни, повадки, взаимоотношения с «соседями». Об этом я и расскажу.

Тигр — один из самых больших наземных хищников нашей планеты, более крупными являются лишь медведи Камчатки и Приморья. Судите сами: масса крупного амурского тигра достигает 300—350 килограммов при длине тела от кончика носа до корня хвоста 2,5—3 метра. Его сила такова, что лося и изюбра давит без труда, а тушу массой 1 центнер легко переносит в зубах, а препятствие высотой в рост человека с такой ношей перепрыгивает без труда.

Туловище этого зверя представляет собой многопудовую грудку до совершенства натренированных мускулов, жгуты и пучки которых рельефно вырисовываются под кожей, как у атлета.

Удивительно, что при всем могуществе движения тигра плавны, мягки и грациозны. По лесу он передвигается неслышно и незаметно, а фигура застывшего, прислушивающегося к шорохам леса, тигра непередаваемо красива. Он легко лазают по крутым склонам гор и скалам, прекрасно плавают.

Еще в начале нашего века тигр был широко распространен на значительной части Азии —

от Каспийского моря до Японского и от Приамурья до Индонезии. Неограниченная охота на тигров привела к резкому сокращению их ареала и численности. За 60 лет нашего века численность бенгальских тигров сократилась в 20 раз, и к концу 60-х годов оставалось не более 2000 особей. В Советском Союзе этот хищник сохранился лишь в Амуро-Уссурийском крае.

Судьба амурского тигра, как и его южных собратьев, драматична. В середине XIX века вид был многочислен. По описаниям М. И. Янковского, В. К. Арсеньева и Н. А. Байкова, этого зверя в уссурийских лесах было много и в начале нашего столетия. Высокая стоимость шкуры, а особенно живых тигров, способствовала неограниченной охоте на них. В начале 1900-х годов убивали и ловили до 50—60 тигров в год, а в 20-х — по 20—25. Это привело к катастрофическому уменьшению поголовья царя зверей. В 30-х годах он изредка встречался лишь в самых глухих, труднодоступных для человека уголках уссурийской тайги и находился на грани исчезновения.

Но ученые и любители природы вовремя и решительно встали на защиту амурского тигра. В 1935 году был организован большой и единственный в своем роде Сихотэ-Алинский государственный заповедник, а в 1939 году к подробному изучению биологии тигра приступил талантливый ученый Лев Григорьевич Капланов. Он много времени и энергии потратил на то, чтобы познакомиться с тигром «в лицо», стать с ним на «ты», узнать все его особенности. Он бродил по огромным кошачьим следам в одиночку и с егерями, зимой и летом, светлыми солнечными днями и в затяжную непогоду. Льву Григорьевичу

удалось узнать о тигре много нового, перечеркнуть старые легенды и отвести необоснованные обвинения. Погиб он трагически совсем молодым — от руки браконьера. В свет вышла правдивая книга Л. Г. Капланова о тигре, в которой был поднят вопрос об охране прекрасного зверя. С 1947 года охота на него была строго запрещена, и даже отлов живых тигрят для зоопарков допускался по специальным разрешениям.

Эти меры оказались своевременными. Уже в 1957 году численность амурского тигра в сравнении с 30-ми годами почти удвоилась, а к началу 60-х перевалила за сотню. И снова стали обычными следы громадной кошки в обширных таежных дебрях древнего Сихотэ-Алиня, они появились в местах, где их не было несколько десятиков лет. В 1971 году поголовье тигра здесь достигло 150, а к настоящему времени возросло до 300—350 особей. И хотя теперь можно не опасаться за судьбу красоты и гордости уссурийской тайги, охота на него запрещена.

Однако нельзя забывать, что все-таки современный ареал амурского тигра (площадь 1,4 млн. квадратных километров) в 2 раза меньше прежнего, а численность — в 2—3 раза — сто лет назад в Амуро-Уссурийском крае водилось 700—900 тигров. На наших глазах его не стало в горах Малого Хингана и в других районах левобережного Приамурья. Таким образом, нет оснований считать, что нам удалось в полной мере восстановить поголовье тигра. Кроме того, неуклонно сокращаются лесные площади и поголовье копытных, стремительно осваивает человек таежную зону, не прекращаются, а учащаются самовольные отстрелы тигров — все это побуждает к беспокойству.

Только за 1986 год не менее двадцати тигров застрелили и шестерых поймали живьем. Очевидно, что будущее тигра пока не гарантировано — необходимы еще более действенные способы охраны этого зверя.

Типичные местообитания амурского тигра — его дом — горные широколиственные и кедрово-широколиственные леса. Особенно любит он дебри со скалами, крутыми и высокими утесами, с каменными нишами и пещерами. Здесь хищник надежно обеспечен кормом, имеет в достатке удобные для логова места, уединенно выращивает свое «полосатое» потомство.

Больше всего нашего тигра «интересуют» кабан и изюбр, хотя он изредка охотится на лося, медведя, косулю, кабаргу, а случается — и на зайца. Убив крупного зверя, кормится, не отходя от туши, 5—10 дней, запасается жиром, а потом ищет новую добычу.

На охоте тигр полагается в основном на замечательное острое зрение и тонкий слух. Обоняние у него, как у всех кошек, слабоватое. Намеченную жертву очень осторожно караулит, мастерски скрадывает, затем настигает на стремительных прыжках. В броске на короткой дистанции он быстр, как молния: расстояние 15 метров преодолевает за 1 секунду. Но долго бежать не может — устает. Вот почему тигр всегда стремится подкрасться как можно ближе, чтобы закончить охоту несколькими прыжками. Жертва, настигнутая им, редко вырывается, а мучается недолго. Иногда она и понять не успевает, что с нею случилось.

Тигр — охотник профессиональный. Иногда, прыгнув на спящих кабанов, он в мгновение ока умерщвляет двух-трех. Однажды я прочитал по

следам, как крупный самец убил сразу двух пасшихся рядом изюбров: первого — на полете в прыжке ударом могучей лапы, второго — при приземлении.

Ест тигр довольно много, до 30—40 килограммов за один прием. Голодный крупный зверь может съесть за сутки полцентнера мяса. Среднесуточная его потребность, разумеется, меньше. Изюбра или кабана массой 1,5 центнера ему хватает на неделю, а большого лося или медведя — на 10 дней.

После успешной охоты и обильной пищи тигру не всегда удается сразу добыть другое животное, и тогда он не ест несколько дней, используя жировые запасы, которые у него почти всегда в достатке. Слой сала на боках и животе достигает толщины 5 сантиметров, поэтому даже длительную голодовку он переносит нормально.

В отношении еды тигра нельзя назвать неприхотливым. Очень любит он жирную медвежатину, свежее мясо изюбра и косули. Нередко свою добычу бросает съеденной лишь наполовину. Летом несвежее, зимой промерзшее мясо ест с неохотой и стремится добыть «парное». Вот почему в год он уничтожает 60—70 крупных животных, а если бы съедал их целиком, то и половины этого количества ему хватило бы.

Кровожадным зверем тигра назвать нельзя, но справедливости ради отметим, что иногда некоторые хищники проявляют излишнюю активность. По глубокоснежью или в наст, когда копытные, пережидая тяжелое время и бедствия, собираются на небольших участках, набредший на них тигр может убить 10—15 голов. Старый или больной хищник, забравшийся в коровник, случается, приходит в ярость, уничтожая все

живое. В одном из коровников в Приморье тигр задавил 22 животных за 10—15 минут. Но подобные случаи надо считать исключением из правил.

Ходить тигр не любит, но при необходимости делает быстрые и дальние переходы, иногда до 40—60 километров в сутки. Но любит тигр и вздремнуть — этим он похож на нашу домашнюю кошку.

Перед очередной охотой тигр тщательно «моется», валяется в снегу или купается в реке. Таким способом он стремится избавиться от специфического резкого запаха, который выдает его на охоте.

Ходит тигр обычно по звериным тропам вдоль рек или по льду, по гребням хребтов. Часто останавливается на отдых в местах, где местность хорошо обзревается.

Обычно тигры живут оседло, каждый на своем индивидуальном охотничьем участке. Самец и самка селятся рядом, а в определенное время здесь же появляются тигрята. Свою территорию звери охраняют от пришельцев, решительно прогоняют и своих собратьев, и других крупных хищников, особенно волка, которого люто ненавидят и при удобном случае стремятся уничтожить.

Тигры — звери-одиночки, они не в пример львам не признают стайной жизни, любят уединение. Они даже по отношению к сородичам агрессивны. Но ученые установили, что внутривидовая агрессивность — залог того, чтобы территория между особями распределялась наиболее рационально.

В драках решается и извечный вопрос: кто получит право оставить потомство. Разумеется,

его оставляет самый сильный. А как же иначе, чем в турнирных поединках, выяснить силу!

Принято считать, что в таких поединках гибнут многие животные, но это вовсе не так. До смерти побежденного, как правило, не бьют. Если зверь себя чувствует слабым, он стремится быстрее ретироваться.

...Случилось это в Приморье в снежном и морозном декабре. Встретились два тигра. Оба взрослые, оба самцы, оба могучие. Но один из них был на своем охотничьем участке, а другой — бродяга — вторгся в чужие владения. Дрались долго и остервенело. Ревели — за три километра слышно было. Все живое в страхе притихло, как перед грозой. В конце концов бродяга сдался и ушел. А через несколько дней охотоведы нашли

его мертвым. Вывезли в город, вскрыли, обследовали. И — странное дело! Шкура тигра была целой! Только большие кровоподтеки свидетельствовали о том, что зверь яростно дрался с другим тигром. Но оказывается, дрался своеобразным способом — тумакami, не пуская в ход зубы и когти. Погиб побежденный, правда, по другой причине: он был серьезно болен, и вскоре умер бы и так.

Аналогичный случай мы наблюдали в Чугуевском районе. Два взрослых тигра в присутствии тигрицы сидели друг против друга, оглушительно и жутко ревели, устрашающе раскрывали свои пасти, демонстрируя клыки, поднимали передние лапы с растопыренными пальцами и выпущенными когтями. А до схватки дело все-таки не дошло. Так и ушли: впереди тигрица, за нею чуть поодаль справа один пылающий страстью «поклонник», слева — другой. Вскоре между соперниками произошла еще одна стычка, после которой третий лишний удалился.

Разумеется, в таких поединках дело доходит и до крови, но смертельные исходы в них очень редки.

«Свадьбы» у тигра к определенному времени года четко не приурочены — их можно наблюдать в любом месяце, но все-таки чаще в конце зимы. А через 3,5 месяца в самом глухом непролазном месте уединившаяся тигрица приносит детенышей. Обычно их 2—3, иногда 1 или 4 и очень редко 5.

Они очень беспомощны, весят не более 1 килограмма, но развиваются и растут быстро. В двухнедельном возрасте прозревают и слышат, в месяц тигрята вдвое тяжелее, они становятся шустрými и любознательными, выкарабкиваются из

логова и даже пытаются лазать по деревьям. К мясу начинают приобщаться уже в двухмесячном возрасте, но материнское молоко сосут до полугода.

В этом возрасте тигрята достигают размеров большой собаки и целиком переходят на мясную пищу — отныне и до конца своих дней. Мать сначала носит им свежий корм, потом водит от одной добычи к другой. Двухлетние тигрята весят до ста килограммов и начинают охотиться под руководством матери. Она терпеливо и обстоятельно передает потомству весь свой опыт. Все трудные задачи тигрица решает одна, самец не принимает какого-либо участия в воспитании своих детей, хотя живет нередко рядом с ними.

Распадается тигриная семья, когда молодым исполнится 2,5—3 года. В естественных условиях продолжительность жизни тигров в среднем 10—15 лет, в зоопарках несколько дольше. Растут всю жизнь, поэтому к старости достигают наибольших размеров.

Врагов у амурского тигра нет. Осилить его может лишь очень крупный бурый медведь. В уссурийской тайге нередко побоища этих двух гигантов. Победителями оказываются в некоторых случаях медведи, но чаще — тигры; оба редко уходят живыми с места кровавой встречи, дерутся насмерть. Победленного съедают.

Сражение тигра с медведем представляет страшную картину. Их рев слышно за 2—3 километра. В огромном клубке сверху мелькает то бурое, то черно-желто-полосатое. Шерсть летит клочьями. Кустарники сминаются как трава, а деревья в руку толщиной ломаются словно спички. Тигр силится разорвать своему против-

нику горло, вспороть когтями брюхо, медведь же больше надеется на неимоверную силу своих передних лап, которыми бьет и душит. Гигантская кошка стремится закончить поединок быстро, но если ей не удастся победить в первые 5—6 минут, шансов у нее остается все меньше и меньше: она выдыхается быстрее более выносливого медведя.

Не всегда тигр решается напасть на очень крупного уссурийского кабана-секача — сильного, неустрашимого зверя с грозным оружием — клыками. Тигр не боится секачей — просто не хочет рисковать своим красивым мехом. Правда, молодые тигры, у которых силы много, а опыта еще мало, иногда нападают на секачей, и некоторые из них за эту неосторожность платят жизнью.

В завершение краткого описания повадок тигра отметим, что это психически высокоразвитое существо. Он необыкновенно хитер, способен оценивать сложную обстановку, у него тонкая интуиция.

В связи с большим увеличением численности амурского тигра участились его встречи с человеком. Все чаще хищник стал нападать на домашних животных. Но, несмотря на то что от него гибнет сейчас скота примерно в 5—6 раз больше, чем 15—20 лет назад, это в какой-то мере естественно. Да и нельзя не учитывать красоты зверя, а также высокую стоимость живых тигров на международном рынке.

Нападают на домашних животных главным образом старые, больные и покалеченные тигры, не способные регулярно добывать диких животных. Таких зверей отстреливают по разрешению охотоуправлений.

При изучении обстоятельств и причин нападений тигров на домашних животных нередко выясняется, что четвероногих «браконьеров» раньше покалечил человек. Вот и получается: за грехи людей гибнут домашние животные.

Наоборот, случается, в лесах, где постоянно живут тигры, много дней подряд пасется отбившийся или заблудившийся скот, но в конце концов его находят невредимым. Это значит, что здоровые тигры — охотники, а не «браконьеры».

Правда, в иные зимы тигры дружно приходят к сельским околицам и усердно охотятся за собаками, потом за скотиной. Темными ночами проходят по улицам, не очень-то боятся людей — частенько даже паника вспыхивает: тигров тьма, одолели, зверствуют. Так было зимой 1984/85 годов, и произошло это оттого, что почти не стало в тайге кабана, изюбр или косуля недоступны из-за наста, еще с осени образовавшегося.

Некоторые охотники относятся к тигру враждебно и при удобном случае уничтожают его, несмотря на то что этот зверь находится под строгой охраной. Потом эти браконьеры всегда оправдываются тем, что, мол, тигр приготовился к прыжку, еще секунда — и последовало бы нападение. При изучении обстоятельств всегда устанавливается, что никакой угрозы нападения не было.

Тигр донельзя любопытен и при удобном случае любит понаблюдать за людьми, зверь ходит по следам человека по снегу, иногда незаметно сопровождает лесного путника, не проявляя агрессивности. При случайных встречах с человеком, даже вплотную, спокойно, без каких-

либо признаков испуга, сворачивает в сторону, как бы уступая ему дорогу.

Бывает, от любопытства тигр не сразу уходит от заметившего его человека. Как-то на лесной дороге заглох и остановился автомобиль. Шофер вылез из кабины и стал искать причину неисправности. И вдруг увидел: рядом стоит большой тигр и спокойно смотрит на него. Вроде бы наблюдает, правильно ли ведется ремонт техники. Шофер вскочил в кабину, захлопнул дверцу. Через несколько минут (не сразу же придешь в себя от такой встречи!) он, чтобы отпугнуть зверя, начал кричать, стучать по железу, поджигать куски ватной телогрейки и бросать их в тигра; но тот уселся у радиатора и с любопытством смотрел на представление. Удалился не спеша, когда подъехала другая автомашина.

Несколько лет назад в Тернейском районе Приморья почему-то большому тигру понравилось отдыхать на шоссе. Днем он с любопытством рассматривал автомобили, подпускал их вплотную, а потом спокойно... давал дорогу. И снова ложился, как бы ожидая другую машину. Как-то шел автобус с рабочими. Увидев лежащего в позе египетского сфинкса тигра, люди закричали, начали бросать в него чем попало. Тигр встал и ... пошел к автобусу. У шофера сдали нервы — он включил четвертую скорость, а пассажиры с облегчением вздохнули: хороший шофер попался, с мгновенной реакцией.

Случаются и курьезные случаи, когда тигр приглашает человека поиграть. Было такое происшествие: около села Крещатик в Приморском крае вечером молодой тигр незаметно подошел к женщине в упор и тихо фыркнул: «у-у-ф-ф». На языке тигров это, видимо, озна-

чает «привет», но от такого приветствия женщина обмерла и ринулась к дому. До него было около ста метров, и всю эту стометровку тигр легкими прыжками, играя, бежал рядом с женщиной, периодически издавая свое «у-у-ф-ф». Перед захлопнувшейся калиткой зверь встал и вроде бы обиделся: я ведь без злого умысла...

Правда, иногда тигр, особенно тигрица с котятами, при встрече с людьми ведет себя дерзко. Но до нападения дело не доходит.

В 30—40-х годах, когда уссурийских тигров оставалось совсем мало, эти звери, казалось бы, должны были всячески избегать встреч с человеком. И избегали. Но... не всегда. Вот что записал в своем дневнике Л. Г. Капланов: «Притоптав снег вокруг избушки, чтобы не поддувал ветер, и заготовив дрова, мы с Серко пошли на ключ за водой. Тут... мы опять увидели свежие следы тигра. Собака метнулась назад, и я, зачерпнув воды, поспешил за нею. Ночь провели беспокойно.

К утру я наконец задремал. Проснулся от страшного рыка. Серко нырнул под нары. Через некоторое время донеслись шорохи, и слышно было, как кто-то тяжело привалился к двери. Я пожалел, что не взял в поход карабин, а единственное оружие — топор остался снаружи. Осторожно попытался открыть дверь, но она действительно оказалась подпертой. В щель я увидел клоч рыжей шерсти — тигр! Наше пребывание в зимовье затягивалось. Тигр, казалось, умер под дверью. Я пытался стучать в нее, греметь пустым котелком, но все напрасно».

Сняли осаду с зимовья случайно подошедшие егеря.

Правда, в этот раз тигр обратил внимание не столько на человека, сколько на собаку — ведь он всегда испытывает непреодолимое «влечение» к псам и использует любую возможность, чтобы расправиться с ними.

Почтительное отношение нашего современного тигра к человеку довольно загадочно. Сто лет назад, как сообщал известный русский путешественник Н. М. Пржевальский, нападения хищника на жителей Уссурийского края были весьма обычны. Люди панически боялись не только зверя, но даже его следов. В книге «Путешествие в Уссурийском крае» красочно описаны многочисленные случаи кровавых проделок тигра. Амурский тигр теперь совсем другой. Это нельзя сказать в отношении тигра бенгальского, среди которых и теперь много людоедов. Например, в Индии в штате Западная Бенгалия численность тигра примерно такая же, как в нашем Уссурийском крае. А за год они убивают до 20—30 человек. Люди там настолько напуганы тиграми, что даже днем боятся выходить на окраину селений, а ночью накрепко запираются в домах. В Сундарбане бенгальские тигры губят в среднем 75 человек в год. Индийские зоологи установили, что среди сундарбанских тигров каждый четвертый — явный людоед. И тем не менее этих хищников в Индии строго охраняют.

Причинами распространенного людоедства в Индии послужило интенсивное уничтожение лесов, катастрофическое сокращение численности животных, служащих добычей тигру, неумелая охота на него, порождающая калек, которые затем в озлоблении мстят.

Но, хотя амурский тигр от встреч с людьми, как правило, уклоняется, уступает дорогу или с

любопытством наблюдает, человека он не боится и очень не любит, когда тот его преследует. Рискованно ходить за тигром по следу, а поднять на него оружие — смертельно опасно. Известно много примеров, когда тигр бросался на обидчиков, причем эти нападения были настолько стремительными и страшными, что люди оказывались поверженными и придавленными к земле раньше, чем успевали сообразить и понять, что случилось.

Как-то опытному егерю Приморского охотуправления было поручено застрелить тигра, повадившегося в оленесовхоз и за полгода истребившего несколько десятков пятнистых оленей. На зверя пошли втроем, хорошо вооружились. Наконец, выследили, начали стрелять. Тигр скрылся и... затаился. Его бросок был молниеносным, а рев — страшным. В несколько секунд егерь был изуродован, но ему посчастливилось остаться в живых, потому что друзья не растерялись.

Другой случай, тоже недавний, произошел на юге Приморья. Шли трое охотников по тайге и наткнулись на только что задавленного тигром кабана. Им бы скорее и подальше уйти, чтобы не мешать тигру, но они решили присвоить себе тигриную добычу. С кабана сняли шкуру, лучшие куски мяса в рюкзаки попрятали. Мало того — они стали уточнять, далеко ли ушел тигр...

Это была тигрица с котенком. Она видела, как присвоили люди ее добычу, и даже была готова снести это, но преследование переполнило чашу ее терпения. Бросок был подобен вспышке желтой молнии. Никто не успел даже ружье к плечу поднять, как один из троих истошно закричал и, покалеченный, упал ничком совершенно

беззвучно. Зверь исчез так же мгновенно, как и появился.

Один мой давний друг, опытный охотовед Юрий Зубков, недавно рассказал поучительную историю, происшедшую с ним в горах Сихотэ-Алиня.

«Пошел я попантовать на природные солонцы в истоках Соболиного ключа — изюбр часто сюда ходил. Остановился в охотничьей избушке в километре от них. В первый день припозднился, к засидке, построенной и надежно замаскированной на бугре чуть выше солонца, вышел уже при заре и следить вокруг не стал. Засидка старая, из четырех толстых венцов, плотно подогнанных и срубленных в замок. Крыша из расколотых пополам бревен, положенных на толь со слоем моха и надежно прибитых. Бойница окантована войлоком. Лаз в засидку размером $0,5 \times 0,5$ сзади прикрывается широкой толстой плахой, передвигающейся горизонтально в специальных пазах. На сухом земляном полу ворох травы и лапника, вдоль стен сверху полки. Со знанием дела устроено все, с расчетом на защиту от медвежьего грабежа, однако внутри можно пребывать лишь лежа или сидя «по-мусульмански».

Устроился, осмотрелся из бойницы, прикинул, как действовать при подходе на солонец пантача. Но было еще светло, я прилег на спину, обдумывая вечную промысловую проблему: «придет или и на этот раз не будет» ... И вдруг услышал шумные вздохи, явно принадлежащие крупному зверю, у самых щелей закрытого лаза. Стукнула и скрипнула плаха... что-то тяжелое взметнулось на крышу и, потоптавшись на ней, спрыгнуло... И я увидел в бойницу сначала бок тигра, потом грозный гость легко развернулся,

и мы встретились взглядами, между нами было меньше полуметра. Ужас меня почти парализовал. Я видел, как тигр положил на бойницу лапу и уже было хотел протянуть ее ко мне, но щель оказалась узкой и пропустила лишь желтую «ладонь», и я растерянно смотрел на широко растопыренные пальцы с выпущенными серпами белых когтей. Зацепившись ими за край нижнего бревна, зверь сильно потянул его к себе, оно закрипело, что-то треснуло, сруб покачнулся, но выдержал. Лапа из бойницы выскользнула, разорвав войлок, одновременно послышалось раздраженное рычание, я отскочил в дальний угол. Упершись руками в пол, я вдруг ощутил холод стали и только тут вспомнил, что со мною драгунский карабин. Я схватил его, клацнул затвором... Тигр сопел совсем уже рядом, поторкался в дверь, поскреб по ней когтями, зло рыкнул несколько раз. Положил передние лапы на угол сруба как раз над моей головой и так тряханул мое убежище, что с потолка посыпался мусор. И неожиданно все стихло... Звенел комар, метрах в тридцати лепетал ручей, высоко в небе прогудел самолет. Гулко стучало мое сердце. К горлу подкатила тошнота...

Успокоился я только через час. Посветил в бойницу лучом мощного фонаря — солонец был пуст. Приоткрыл лаз и туда посветил — никого. Вылез, обошел вокруг засидки, увидел черный бугорок свежего тигриного помета и понял, что на солонце мне делать нечего, по крайней мере в эту ночь. Ее я коротал в засидке. Дремал, прислушиваясь сквозь сон к шорохам леса.

Чуть свет поднялся осмотреть солонец. Увидел густое переплетение следов изюбра, косули и тигра. «Кот» был крупный, судя по всему, ха-

живал сюда частенько. Нашел обглоданный череп изюбра с неповрежденными великолепными рогами и прихватил его. И так осторожно прохаживаясь вокруг солонца, я все-таки едва не наступил на тигра. Он спал под елью, положив голову щекой на вытянутые вперед лапы. Между нами было не более трех метров. Я увидел его белесые усы и ресницы, розоватую мочку носа, ухоженные бакенбарды, словно у солидного джентльмена.

На этот раз я взял себя в руки, тем более что помнил о карабине за плечом. И только я сделал шаг назад, как что-то хрустнуло под ногой, тигр медленно поднял голову, но, увидев, что я собираюсь отпрыгнуть, резко вскочил, рывкнул, мгновенно напружинился в решительном и несомненном намерении броситься на меня... Я закричал, что было сил, швырнул в тигра рогатым черепом, как мог, высоко подпрыгнул, широко расставив руки и ноги. Тигр уже не мог удержаться от прыжка, но, очевидно, я его все же если и не напугал, то во всяком случае «предупредил», что за последствия не ручаюсь, и он, молниеносно решив судьбу не испытывать, взметнулся, перемахнул через меня, а в ту единственную секунду, которая понадобилась мне для того, чтобы сдернуть с плеча карабин, оттянуть пуговку затвора и обернуться, он уже исчез в плотной зелени кустарника, и звуки его шагов раздавались где-то метрах в двадцати...

А на пути к засидке, в сотне метров от нее, я наткнулся на полусъеденную, уже с запахом, тушу здорового быка. Панты его были обглоданы по самые венчики. И мне стало ясно, почему так ревностно отнесся ко мне этот тигр — ведь я появился подозрительно близко от его добы-

чи. И я понял, как близко был от смерти — холодок ее до сих пор не исчез».

Чувствую необходимость еще раз подчеркнуть: тигр человека не боится, но и не трогает; человек для тигра неприкосновенен. Но нужно все же к этому добавить: всякая встреча с тигром в тайге в той или иной мере опасна. И потому не ищите контактов с тигром, благоразумно уклоняйтесь от встреч, остерегайтесь его выслеживать, не испытывайте свою судьбу — тигр есть тигр.

Интересная деталь в поведении амурского тигра: в вынужденных нападениях он не убивает человека насмерть, хотя и калечит его основательно. Таких несчастий за последние сорок лет мне известно немало, но лишь в четырех случаях люди погибли. Одному разъярившийся тигр раздробил голову, отпрыгнув от наседавшей на него своры собак, другой умер от заражения крови: боясь разоблачения, он после нападения тигра, которого хотел поймать в петлю, не обратился в больницу, и двое погибли от неспровоцированного нападения хищников.

Совсем недавно, когда я писал эту книгу, рассказали мне вот что. Поводился тигр холодными зимними днями приходить на мусорную свалку близ таежного села и съедать свезенных туда павших «чушек». Однажды явился днем — его заметили два мужика. Тигр, ухватив в зубы поросенка, пошел в лес, мужики же, похваляясь друг перед другом смелостью, двинулись по его следам. Зверь положил поросенка, а через несколько секунд уложил на снег одного из преследователей. Тот, инстинктивно прикрывая горло, подставил тигру локоть, который сразу же оказался в широкой зубастой пасти. Но странно: тигр лишь очень осторожно прикусил локоть, будто со-

бака хозяйскую руку... Тем бы и кончился этот инцидент, но, увидев, что от села мчатся люди на помощь, поверженный ниц решил показать себя настоящим мужчиной: стал кричать, брыкаться, бить рукой по морде тигра, а потом (неясно, от испуга или смелости) вознамерился выдавить тигру глаз. И тут же его рука хрустнула, как веточка.

Драматичны отношения тигра и человека, но не снимается проблема охраны редкостного и красивого зверя. Выход из положения — организация обширных заповедников, заказников и резервных лесов со строгим запретом охоты на их территории, увеличение поголовья диких копытных животных, ужесточение наказаний за самовольные отстрелы тигра.

Из-за резкого сокращения ареала и численности все восемь подвидов тигра были занесены в Красную книгу. Вернее, уже не восемь: на наших глазах исчезли три подвида — туранский, балийский и яванский, тревожит состояние популяций суматранского и китайского тигров. Более или менее благополучно положение лишь с бенгальским и амурским подвидами — и потому, что их поголовье возрастает, и потому, что в неволе — в зоопарках и цирках — их теперь достаточно много. Амурских тигров в неволе теперь в 4—5 раз больше, чем в уссурийских лесах, так что, надеемся, им не грозит полное исчезновение.

Тигр — великолепное творение природы, он заслуживает бережного отношения к себе. Наш амурский подвид нуждается в особо строгой охране, потому что на юге Дальнего Востока теперь находится последний резерват тигров Советского Союза. А представить уссурийскую

тайгу без тигра так же трудно, как Антарктиду без пингвинов, Африку — без львов, а Арктику — без белых медведей.

ЛЕОПАРД

Было это на юге Приморского края в годы моей молодости. С группой друзей я охотился на косуль по первым ноябрьским снегам в горных дубняках Пограничного хребта. Слепило закатное солнце, сверкал искристой белизной снег, под легкими струями ветра о чем-то шептались сухие дубовые листья, безмолвно возвышались бурые скалы, а я устало поднимался по пологому склону и думал вовсе не об охоте.

Неожиданно для себя я остановился, еще не успев понять, что именно меня остановило. И вдруг увидел в 6—8 метрах от меня в кустах леспедецы большую желто-пятнистую кошачью голову с прижатыми ушами и устремленными на меня строгими, холодными, зеленовато-желтыми глазами. Когда наши взгляды встретились, зверь оскалил светло-желтые клыки и издал такой утробный басовитый рык, что меня обуял страх. В следующее мгновение я понял, что передо мною леопард, и, не поднимая карабина, снял предохранитель, нажал на спусковой крючок и припустился вниз по склону с такой резвостью, с какой никогда в лесу не бегал. Как часто бывает при поспешном бегстве, я за что-то зацепился, упал в снег и покатился кубарем. Поднявшись и смахнув снег, отерев лицо, оглянулся назад

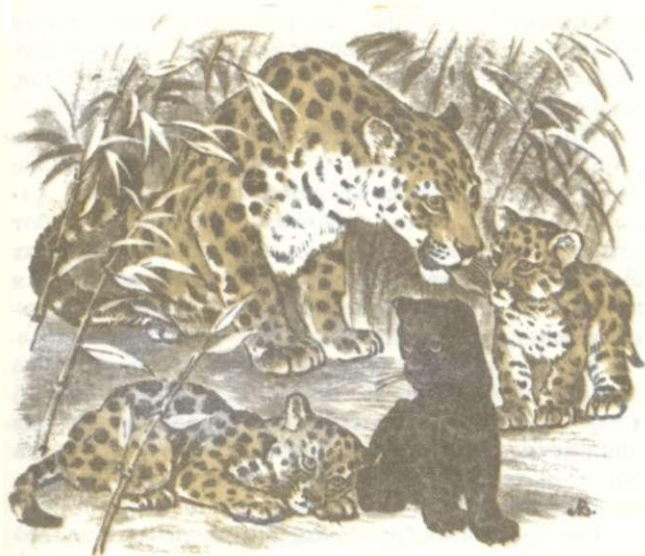
и метрах в пятидесяти увидел леопарда, что называется, в полный рост. Он стоял наискосок от меня, как бы в полупрофиль, привстав передними лапами на камень, и смотрел мне вслед, низко опустив голову, и медленно помахивал хвостом. Этот профиль гордого, сильного бесстрашного зверя так хорошо врезался в память, что и теперь, 30 лет спустя, я помню его очень хорошо.

Леопард — зверь очень смелый и вместе с тем осторожный. Удивило меня то, что он не уклонился от встречи с человеком, что характерно для этого зверя. Видимо, он был рядом со своим логовом и чувствовал себя хозяином в тех местах. Но познакомимся с леопардом ближе.

Это типичный представитель обширного семейства кошачьих, достаточно крупный, но уступающий по величине льву, тигру и ягуару. У него три названия: леопард, барс и пантера, из которых наиболее распространено первое. Черная пантера — тоже леопард, но меланист. Барсом этого зверя именуют не совсем правильно: снежный барс — совсем другой вид, хотя и из семейства кошачьих.

Леопард замечательно красив, но красоту его можно назвать демонической — она какая-то холодная, тревожащая. Это зверь грозный, сильный и ловкий, сообразительный и находчивый.

У леопарда характерная окраска: по сверкающему желтовато-рыжему золотистому фону разбросаны крупные глянцево-черные пятна и кольца. На боках и наружной стороне ног окраска светлее, чем на спине, на животе и внутренней стороне ног — белая. Зимний мех лео-

парда, обитающего в Амуро-Уссурийском крае, мягок и довольно пушист, его длина достигает 5—7 сантиметров. Летом шерсть короче, реже и грубее, но рисунок тот же — красивый и яркий. В теплых краях зимний мех этому зверю, разумеется, не нужен.

Ученые установили: в выводках обыкновенных пятнистых леопардов наблюдается две трети таких же, как родители, желтовато-рыжих пятнистых котят, а одна треть из них — черные. При скрещивании пятнистых леопардов с черными черные и пятнистые котята рождаются примерно в равном численном соотношении, черные родители дают в основном черное потомство.

Черные пантеры встречаются по всему обширному ареалу леопарда, но в Амуро-Уссурийском крае они редки, дальше к югу их больше, наибольшее их число в Юго-Восточной Азии.

Длина тела леопардов колеблется от 91 до 180 сантиметров, хвост 75—110, высота в холке 50—80 сантиметров. Обычная масса 35—60 килограммов, однако крупные особи достигают ста и более килограммов. Среди отловленных Дальневосточным зоокомбинатом леопардов для зоопарков один весил 100, другой — 107 килограммов.

Мало сказать, что леопард красив. У него легкая, гибкая фигура, округлая голова, длинный хвост, стройные ноги. Он грациозен в каждом движении — когда стоит или лежит, и когда идет, и когда атакует. Походка у него тихая, легкая и вместе с тем величественная.

Он необыкновенно силен и великолепно вооружен. Его клыки и втягивающиеся в специальные «ножны» когти остры, как иглы, и смертоносны, как кинжалы. Жертву массой в 3—4 раза более тяжелую, чем он сам, может не только волочить по земле, но и затащить ее на высокое дерево.

С трофеем в зубах он мчится по лесу быстро и легко. Трудно представить, что зверь несет в зубах убитую косулю, пятнистого оленя или подсвинка; с козлом в зубах крупный леопард запрыгивает на 2—3-метровую высоту. Скорость его бега до 18 метров в секунду, длина прыжка до 8, высота до 4 метров. Он артистически лазает по деревьям, даже прямым и гладким.

Теперь познакомимся с ближней родней леопарда — в этом есть прямой смысл, и вот почему.

Лев и тигр — «родичи» леопарда, но самый близкий из них по происхождению, внешнему виду и образу жизни и повадкам — ягуар, обитающий в Южной и Центральной Америке. Он почти так же окрашен, только немного крупнее да чуть коренастее.

Лев, тигр, леопард и ягуар — все они из рода пантер. Они настолько близки в видовом отношении, что дают между собою гибридные помеси.

Дымчатый леопард, обитающий в основном в тропических лесах Южной Азии, не состоит в близком родстве с настоящим леопардом, хотя внешне очень похож на леопарда.

Леопард — типичный обитатель тропиков и субтропиков. Распространен он широко: почти во всей Африке, в Азии, к югу от Кавказа, верховьев Сырдарьи и Амударьи и Амура. В нашей стране этот зверь каких-нибудь сто лет назад был обычным на Кавказе и Средней Азии, но там давно истреблен. В последние два десятилетия он изредка заходил в эти места с юга, но теперь и эти эпизодические появления почти прекратились. Но высказывается надежда, что в самых глухих урочищах Кавказа еще сохраняются «последние могики».

В лесах Амуро-Уссурийского края леопард жил испокон веку, их теперь здесь 3—4 десятка особей, но лишь на юге Приморского края, в то время как прежде он достигал Амура. Изредка заходит в южную часть Забайкалья из сопредельных провинций Китая.

Населяет леопард главным образом тропические, субтропические и смешанные горные и равнинные леса, редколесья, заросли кустарников, скальные нагромождения в горах. Интересно, что в Африке значительная часть этих

кошек живет в зарослях акации и колючих кустарников, как бы уступая саванну львам, а луга — гепардам. Крупные хищники любят, чтобы им никто не мешал.

Обиталище амурского леопарда — лиственные и смешанные горные леса с многочисленными скалами, глубокими распадками, крутыми расщелинами, нагромождениями камней, пещерами и нишами. Характерно, что каменные обнажения обязательны в местах обитания амурского леопарда.

Непременным условием для обитания этого хищника является и малоснежность. На юге Приморья снега почти всегда немного, и лежит он около четырех месяцев в году. Севернее районы этого края более снежные, и потому зверь туда лишь наведывается.

Живут леопарды в одиночку, парами и семьями. В январе, во время гона, они держатся обычно парами, но иногда собираются в стаи, тогда слышится отчаянный громкий рев и то и дело возникают ожесточенные драки между самцами, хотя до смерти из-за самок не дерутся: они для этого слишком рассудительны и горды, но не тщеславны.

В отличие от тигра самцы леопардов — примерные супруги. Тигры тоже иногда живут парами — обычно во время гона, но даже в эту брачную пору самец первым ест добычу, разрешая приступить самке к трапезе после того, как сам наестся. Гораздо нахальнее «хозяева» львиных прайдов: охотятся в основном львицы, но их добычей бесцеремонно распоряжаются самцы. У леопардов иначе: он начинает есть лишь после того, как утолит голод его подруга, кроме этого оба хранят супружескую верность, хотя в воспитании потомства отец прямого участия и не при-

нимает, но живет неподалеку от выводка и изредка навещает детей.

Детенышей после 3—3,5-месячной беременности самка рождает в глухом укромном месте. Логово устраивается в пещере, каменистой расщелине, под вывороченными корнями деревьев, в дуплах стоящих или упавших деревьев, а то и в чьей-то пустующей норе. Котят у леопарда в нашей стране чаще всего 2, изредка 1 или 3. В теплых краях встречаются выводки из 4, очень редко из 5 новорожденных.

После родов новоиспеченная мамаша до того поглощена уходом за слепым, глухим, совершенно беспомощным потомством, что почти не покидает его 8—10 дней: не ест, не пьет, а только кормит, облизывает, греет. В это время она не пожалеет жизни за своих малышей, и незавидна участь неосторожно приблизившихся к логову животных или человека. Даже своего друга гонит прочь, пока котята не прозреют. В это время отец семейства живет неподалеку и изредка приносит самке поесть, а когда она, изнемогая от жажды, начинает бегать к источнику, он бдительно охраняет логово.

Растут котята быстро: в недельном возрасте они зрячие, в месяц — уверенно держатся на ногах, в 2 месяца уже вертятся вокруг логова, начинают охотиться на жуков, лягушек, улиток, пробуют настоящее мясо, которое дает им мать. Полугодовалый молодняк уже похож на взрослых, сопровождает родителей на охоту, во всем подражает старшим, перенимая быстро опыт.

Год мать заботливо и ревностно растит и воспитывает детенышей, а потом приходит пора им самим добывать себе хлеб насущный, и семьи распадаются.

В 2—3 года молодые леопарды становятся во всех отношениях самостоятельными и обзаводятся своими семьями.

В 6—8 лет леопард в расцвете сил, в 12—15 наступает старость. Рекорд продолжительности его жизни в зоопарках — 24 года. На воле, конечно, они до такого возраста не доживают, да и грустно было бы видеть столь сильное, красивое и гордое животное дряхлым.

Основные жертвы леопарда — косуля, некрупные антилопы и олени, кабаны, обезьяны, зайцы. Средняя масса его добычи обычно 0,25—0,5 центнера, однако он вполне способен задавить лошадь, зебру, корову и даже гориллу. И при этом не прочь поймать и съесть саранчу, полевку или лягушку, любит и рыбкой полакомиться.

В Приморье до начала XX века его излюбленной добычей были пятнистые олени и горал. Теперь эти животные стали очень редки, но оленей в зверосовхозах много. И хищник использует все возможности, чтобы проникнуть за изгородь, где они содержатся. Леопард — зверь умный, он хорошо понимает, чем может кончиться посещение оленесовхозов, и все-таки не может себе отказать. Видимо, не зря говорят, что привычка — вторая натура.

У леопарда тонкий слух и острое зрение, причем он хорошо видит и в непроглядной тьме. У него несколько излюбленных охотничьих приемов. Чаще всего ночами он бесшумно ходит по местам с хорошим обзором местности и высматривает добычу. Обнаружив ее, осторожно подкрадывается. Пользуясь своей маскировочной расцветкой шкуры, без особых затруднений подбирается к добыче на 15—20 метров, затем бро-

сается на нее. Броски эти молниеносны: 15-метровое расстояние атакующий леопард преодолевает меньше чем за секунду.

Обычна для леопарда и охота в засаде. Заняв удобное место где-нибудь на звериной тропе, хищник затаивается, прячется на дереве или у обрыва, а то и просто за валежиной или камнем. Терпение его при выслеживании добычи беспримерно.

Интересно, что леопард при своей яркой окраске великолепно маскируется на местности. В лесу можно пройти мимо неподвижно лежащего зверя в десятке метров и не заметить его. Он незримо крадется даже в траве высотой в 30—40 сантиметров, как бы вжимаясь в землю. Особенно хорошо маскируется он осенью или в засуху, когда повсюду желтые и бурые листья и пожухлые травы.

На дереве неподвижно лежащего в развилке или на толстом суку леопарда почти невозможно заметить даже опытному и зоркому охотнику — до того зверь сливается с корой дерева. Лишь свисающий хвост выдает хищника.

Как и тигр, леопард испытывает непреодолимую ненависть к шакалам, волкам, собакам и плотоядно поедает их. В тяжелое для него время иногда давит домашних животных.

Добычу средних размеров — 25 килограммов — крупный голодный леопард может съесть за 2 дня, а сытому ее хватит на 4—5 суток. Недоеденное прячет про запас и в большинстве случаев возвращается к нему через некоторое время. В Африке и Южной Азии этот зверь прячет добычу на скалах, даже на деревьях затаскивает, чтобы не досталась гиенам, шакалам и прочим любителям поживиться за чужой счет, но иногда

и сам здесь же устраивается. Ест, спит, осматривает окрестности.

Но вот еще загадка: доедает леопард крупную добычу на 4—5-й день, когда она уже зловонна, не гнушается и падалью. Но, если добычу во время его отсутствия отведают другой хищник, леопард к ней уже не притрагивается. Гордость ли это? Или брезгливость? Этого мы пока не знаем.

Леопард — гроза обезьян. Мартышки, шимпанзе да и вся прочая обезьянья родня панически боятся не только живого хищника, но даже его ободранной шкуры. И понятно: от его стремительных бросков им не всегда удастся спастись даже на деревьях. Когда леопард шествует по лесу, обезьяны, забравшись на вершины деревьев, поднимают невообразимый гвалт. Павлианы — крупные, смелые и сильные обезьяны — всегда остерегаются леопардов: стадо на переходе держит «круговую оборону», а на кормежке и отдыхе его бдительно охраняют «сторожа».

Наши далекие предки тоже часто гибли в когтях леопарда. Может быть, потому зверь и теперь людей не боится. Нередко встречаются в научной литературе сообщения о трусости леопарда — не верьте. Трусость и благоразумная осторожность — это не одно и то же и нельзя их путать. Леопард чрезвычайно смел и вместе с тем благоразумен и осторожен. Преследуя добычу, он иногда подходит вплотную к населенным пунктам, однако от встречи с человеком предпочитает уклоняться, не проявляя при этом поспешности и нервозности. Случались нападения леопардов на людей и в Приморье, но почти все они были спровоцированы человеком: как и тигр, леопард не терпит преследования.

Но встречаются леопарды-людоеды. Они живут в Африке и в Индии, там о них ходит ужасная молва. Характерно, что если леопард отведывал мяса покойника или случайно или намеренно убивал и съедал человека, он, поняв, что добыча легка, становился как бы профессиональным убийцей: дерзким до наглости и вместе с тем неуловимым. И тогда он был способен терроризировать население многих районов.

Во второй половине XIX века один леопард в Индии за 3 года умертвил около двухсот человек. Об этом пишет Джим Корбет в книгах «Леопард из Рудрапраяга» и «Кумаонские людоеды». Так, на севере Индии 2 леопарда убили 525 человек. В 1926 году Корбет после нескольких месяцев смертельно опасной охоты застрелил, наконец, пантеру, погубившую 130 человек. А в Эфиопии леопард пристрастился таскать из деревень младенцев. Но эти случаи очень редки, хотя в южных странах леопарды-людоеды нет-нет да появляются и сейчас. Совсем недавно такой хищник терроризировал жителей обширного индийского штата Бихар, а число его жертв перевалило за сотню.

Размножившиеся в последние годы в Африке леопарды участили нападения на людей до такой степени, что на специальной конференции горячо обсуждался вопрос, не уничтожить ли этого зверя совсем. Вопрос серьезен, если учесть, что леопард для африканцев опаснее любого другого крупного животного, даже льва и слона.

Но мы должны помнить, что в большинстве случаев человек сам становился виновником появления людоедов. Допустим, ранили и изувечили зверя, и он уже не мог справляться с дикими животными, принимался за охоту на человека.

Так поступают и тигры в аналогичной ситуации. Нельзя не считаться и с тем, что люди на леопарда охотятся постоянно, оставляют много подранков, ставших калекami, которые навсегда запоминают обидчика!

В начале нашего века в Африке и Азии ежегодно убивали 10 и более тысяч леопардов, а с его середины охота приняла чудовищные размеры: в год лишали жизни свыше ста тысяч прекрасных зверей. И известную роль в этом истреблении сыграла мода: манто из экзотических шкур крупных кошачьих стали стоить огромные деньги.

Сколько бед приносит мода животному миру! В одно время стали модными плюмажи из страусиных перьев, и мир чуть не лишился страусов. Потом по этой же причине почти истребили белых цапель. Хорошо еще, что мода на птичьи перья была недолгой. И над жирафами нависла беда, когда у американцев считалось шиком иметь кисточку с жирафьего хвоста на антенне автомобиля. Из-за моды на сумочки из крокодиловой кожи нависает угроза над всем племенем животных.

А вот погоня за шкурами семейства кошачьих, к несчастью, оказалась очень устойчива, и уже мировая общественность стала на их защиту: леопард в числе других представителей славного и многострадального семейства взят под охрану закона, торговля их шкурами строго запрещена; и все-таки в Африке и Азии на них продолжается охота. Почему люди не могут понять, что шкура леопарда всего эффектнее выглядит на самом леопарде и что это замечательное животное тоже имеет право на жизнь!

Вы, наверное, заметили, что в цирках дрессировщики гораздо чаще работают с медведями,

львами, тиграми, чем с леопардами. И это не случайно: они очень трудно поддаются дрессировке и практически никогда не становятся такими ручными, как, например, лев, гепард, пума, рысь. Леопард насколько свободолюбив, настолько же зол, жесток и не терпит насилия, а обиды не забывает и при всяком удобном случае стремится за них рассчитаться.

...После встречи с леопардом на Пограничном хребте, когда я увидел в нескольких метрах от себя оскаленную морду рычащего леопарда с прижатыми ушами и злыми глазами, я очень хорошо понял, что такое страх и как выглядит смерть. И тем не менее я отношусь к леопарду с большим уважением, даже с восхищением. Право же, он этого заслуживает. И вовсе не зря его внесли в Красную книгу редких и исчезающих животных. Пусть живет!

БЕЛОГРУДЫЙ МЕДВЕДЬ-ДРЕВОЛАЗ

...Было тихо и знойно. Поднявшись на крутую сопку, я уселся на большом камне и смотрел сверху на уссурийскую тайгу. Огромные зеленые волны Сихотэ-Алиня кое-где увенчивались светлыми плешинами каменистых россыпей и скал, а где-то далеко-далеко словно таяли в жарком мареве и сливались со светлой дымкой горизонта. И над всем этим царством гор, дремучих лесов бездонное ослепительное голубое небо с белыми парусами облаков.

Меня обступили могучие кедры, задумчивые ели, стройные и красивые каменные березы. Рядом

с ними толпились белокорые пихты, развесистые клены, тихие и скромные липы, а также бархат амурский, орех маньчжурский, дуб монгольский, пальмовидная аралия и даже древний тис остро-конечный.

А в какое-то мгновение я от неожиданности вздрогнул: где-то недалеко, ниже по склону, под чьей-то тяжелой поступью громко хрустнула ветка, потом мелькнуло что-то черное, застыло в тени и снова зашевелилось. Все ближе и ближе ко мне...

Зверь шел крупный, но лес был так густ, что я узнал его только тогда, когда он приблизился ко мне и очутился в нескольких десятках метров. Это был уссурийский медведь, которого называют то черным, то белогрудым, то гималайским медведем, а некоторые охотники даже муравьятником. Он брел спокойно и неторопливо, повесив нос и посапывая, временами останавливался и аппетитно причмокивал.

Потом он остановился около липы, привстал на задних ногах и обнял передними ее толстый ствол. Приложил ухо к нему, внимательно прислушался, шумно задвигал черным носом, часто вдыхая и выдыхая воздух: очевидно, в нем носились какие-то ароматы. Не трудно было догадаться, что медведь учуял диких пчел, до меда которых большой любитель. И разве же мог он упустить возможность полакомиться!

Но не так-то и просто было добраться до соблазнительных сотов. Сильно шлепнув своей увесистой лапой несколько раз по стволу липы и прислушавшись к тону звуков, зверь понял, что дерево крепкое, не сломать, и начал его грызть.

Сначала облетела темно-серая шершавая кора, оголив желтый луб, потом ярко забелела живая влажная древесина. В нетерпении и азарте мед-

ведь сначала ворчал, потом коротко взревел раз, другой, третий и, наконец, закричал громко и зло, в нетерпении резко дергая ствол липы.

Пчелы набросились на грабителя дружно и ожесточенно. Медведь сначала от них отмахивался то одной лапой, то другой, потом замажал обеими, а рев его перешел в высокий и обиженный вой. Не выдержав бурной атаки многочисленного пчелиного войска, самоотверженно защищавшего свой дом и плоды неустанных трудов, медведь, окруженный гудящим клубком, с отчаянным криком помчался... прямо на меня.

Я знал, что белогрудый медведь на людей не нападает, но, опасаясь, что мне от пчел тоже может nepoздopoвoйтcя, вскочил со своего камня, громко крикнул: «Куда бежишь, косолапый!» — и для устрашения зверя как следует ударил палкой по стволу ближнего дерева и замахал руками.

Увидев нового недруга, косолапый взревел еще громче и... взобрался на большой кедр. На десятиметровую высоту он влез по толстому стволу удивительно ловко и быстро.

Усевшись на надежный сук, медведь одной лапой обнял дерево, а другой отбивался от одиноких пчел — остальные потеряли его из виду при столь неожиданном маневре, — чесал ужаленную морду и недовольно поглядывал на меня. Казалось, что и там, в кроне кедра, он был тоже как дома.

Я отступил, спрятался в густом кустарнике и наблюдал за неудачником еще несколько минут. Немного успокоившись, он осторожно, вроде бы пятясь, сполз с кедра и опрометью кинулся куда-то вниз по склону горы. Вероятно, к речке, чтобы умыться, оправиться от испуга, от обиды и залечить водой многочисленные укусы.

Что известно об этом животном? Прежде всего, это типичный медведь. Как и хорошо нам известный бурый, он плотного сложения, у него толстые и сильные ноги, при ходьбе немного косолапит. Издали посмотришь, как бродит он в таежном сумраке, старательно обнюхивая все на своем пути, легко переворачивая многопудовые валежины и камни, разрывая муравейники и просто кучи хлама, — медведь-медведем.

Но совсем он не так неуклюж, как бурый медведь, и, пожалуй, красивее, стройнее. У него отлично, как у борца, развиты плечевой пояс и грудь, ноги длиннее, передняя пара сильнее задней. Голова — с оригинальной остроносой мордой, сравнительно большими округлыми ушами и широким плоским лбом. А основной признак, по которому можно надежно отличить гималайского медведя от бурого, это его блестящая черная шерсть, а на груди — большое ослепительно белое пятно, напоминающее летящую чайку. Пятка, или хвост, этого пятна — на груди у лап, а крылья тянутся к шее, как бы стремясь обхватить ее.

Белогрудый медведь — лишь родственник бурому, к тому же не очень и близкий. Это совсем другой зоологический вид. Степень родства этих двух видов медведей примерно такая же, как у тигра с леопардом: те входят в одно семейство медвежьих, а эти — в семейство кошачьих.

Обитает этот интересный зверь в Юго-Восточной Азии вплоть до Гималайских гор и чуть ли не до экватора. На юге Советского Дальнего Востока — в Амуро-Уссурийском крае — находится самая крайняя северо-восточная часть его ареала. В нашей стране этого зверя больше нигде нет.

По численности он значительно превосходит своих экзотических соплеменников: на 1000 квад-

ратных километров типичной уссурийской тайги их около 100, а то и больше, а тигров на том же участке всего 2—4, да и харз не более 20. Только в Приморском крае сейчас обитает не менее 3000 белогрудых медведей, а ведь они живут и на юге Хабаровского края, и даже в крайней юго-восточной части Амурской области.

Белогрудый медведь размерами гораздо меньше бурого. В Амуро-Уссурийском крае последний иногда достигает массы 400—500 килограммов и более, а их черные «родственники» редко бывают тяжелее 200—220 килограммов. И тем не менее это крупный зверь: все-таки два с лишним центнера — это не шутка. И обычные, средние его размеры внушительны: самцы 135 килограммов, самки 73 килограмма.

Белогрудый медведь силен, но вместе с тем очень ловок и проворен. Если вам посчастливится увидеть его на арене цирка, вы сами убедитесь, что это настоящий акробат. Он красиво прыгает, ходит по канату на задних ногах и вниз головой, проворно бегаёт на коньках. При своей ловкости и незаурядной сообразительности ездку на велосипеде и даже мотоцикле осваивает удивительно быстро.

Пожалуй, самой характерной чертой этого хищника является его полудревесный образ жизни. На деревьях он добывает свой корм, там же спасается от врагов и докучливого гнуса. На зиму, как и его бурый родственник, надолго ложится в берлогу, но устраивает ее в дуплах больших деревьев. Вот и выходит, что не менее половины своей жизни белогрудый медведь проводит на деревьях.

Известно, что бурый медведь лишь в своей ранней молодости лазает по деревьям. А вот чер-

ные это делают всю жизнь одинаково ловко. Когти у них большие, крепкие, круто загнутые и острые, а лапы, особенно передние, очень сильные. На вершину самого большого дерева ему забраться — а в уссурийской тайге есть и 30-метровые гиганты — ровно ничего не стоит. Ну, а вниз с такой высоты спуститься с высокого прямоствольного дерева он может за несколько секунд, с высоты 4—6 метров спрыгивает без труда и боязни.

Теперь поговорим о характере гималайского медведя. К уже отмеченной нами сообразительности добавим, что у него отличная память, причем он хорошо помнит и добро и зло. А диапазон настроений очень широк: от миролюбиво-добродушного и философски спокойного до крайне возбужденного и очень злого. На людей этот зверь беспричинно никогда не нападает, после выстрелов и ранений тоже часто убегает, но не так уж и редко решительно бросается на своего обидчика. Знаю охотников, у которых остались тяжелые воспоминания об этом звере: раны он наносит жестокие. Во всяком случае, при встрече с медведем в тайге надо помнить, что у него, хоть он и зверь, есть чувство собственного достоинства, которое он защищает, и обид не потерпит.

Оригинален этот медведь и по своим гастрономическим наклонностям. Его пища на 85% растительного происхождения. С наслаждением и несомненной пользой для своего организма он ест кедровые семена, маньчжурские орехи, желуды, различные ягоды, нежные и вкусные побеги многих трав и кустарников, сочные луковицы и корневища.

Хищничество для белогрудого медведя почти не характерно, он редко обижает даже птичку

или малого зверька. Правда, при всяком удобном случае не преминет полакомиться муравьями или куколками других насекомых, моллюсками или зазевавшейся лягушкой, а там и птичье гнездо разорит. Но ведь и ему жизненно необходима белковая пища животного происхождения. А нападения на домашних животных или жестокие преследования диких кабанов, весьма обычные для бурых медведей, нашему белогрудому совсем не свойственны.

Теперь проследим образ жизни черного медведя на протяжении одного года.

Лето. Почти тропическая жара и духота. Переживает ее медведь где-нибудь в прохладе: в пещере, у реки под крутым берегом или на обдуваемой ветром горной высоте. А как только повеет вечерней прохладой, зверь обходит свои владения. Ищет и ест, ест и ищет. Обычно к полуночи он крепко набивает свой желудок и, отяжелев от пищи и устав от многочасового активного движения, засыпает. А на заре снова бодрствует, опять в путь за едой.

Осень — самый ответственный сезон для белогрудого медведя, потому что за 2—3 месяца ему нужно для долгого зимнего сна основательно зажиреть. К тому же это и очень приятное время: сытно, не жарко и не холодно. Вкусной и питательной пищи — орехов и желудей — в достатке, лес еще по-летнему красив, но уже нет изнуряющей духоты, а по ночам приходит такая приятная и бодрящая прохлада, что медведю хочется бегать по лесу, не теряя и минуты на сон или ничегонеделанье.

Мне несколько раз приходилось видеть белогрудых медведей в конце лета — начале сентября, и увиденное осталось в памяти надолго.

Ранним августовским утром — еще и солнце не взошло — плыл я с проводником на лодке вниз по шумной горной речке самосплавом — мотор заглох. Спасаясь от очень шумных перекатов, проводник направил лодку в узкую, но глубокую извилистую протоку, и сразу все стихло, а поплыли мы почти под сплошным шатром — справа и слева над нами наклонялись деревья и ветви. Плескалась рыба, словно маленькие радуги низко над водой пролетали зимородки, выплывали уже подросшие выводки крохалей и мандаринок. Еще издали мы слышали громкое ворчание и треск веток: оказалось, белогрудый медведь лакомится черемухой. Незаметно для увлекшегося мишки мы выплыли из-за поворота и увидели его совсем близко. Стоя на самой кромке крутого берега, он пригибал передними лапами толстую черемуховую ветку и, вытянув в трубочку свои подвижные губы, с таким удовольствием, причмокивая, объедал ягоды, что мы не выдержали и рассмеялись.

От неожиданности медведь растерялся и рухнул в воду. Окунувшись с головой, он зафыркал, ошалело оглядываясь на нас, и почему-то поплыл вниз по протоке. Поплыл легко, ловко и быстро и вскоре исчез за излучиной. А вот другой случай.

...Как-то чуть свет я вышел из маленькой таежной избушки и услышал громкий, как выстрелы, треск ветвей. Была середина сентября, дуб в том году уродил отлично, и имелись основания подумать, что это медведь лакомится желудями, которые еще висели на деревьях. Понаблюдать за медведем было так заманчиво, что я, несмотря на утреннюю прохладу и обильную росу, густо посеребрившую траву и кустарник, быстро, но осторожно пошел туда, где слышался шум.

Крупный белогрудый медведь сидел в развилке старого дуба и так увлекся своим делом, что я незаметно подошел к нему метров на двадцать и застал. Зверь уже обобрал все желуди, до которых можно было дотянуться от удобной и надежной развилки, и теперь обламывал толстые ветки, объедал их, а потом потешно подсовывал под себя. Этих веток под ним было уже много, и они представляли подобие огромного гнезда, на котором медведь восседал, как индийский магараджа.

Я хотел было уйти незаметно, но неосторожное движение выдало меня. Уставившись в мою сторону, медведь несколько секунд принюхивался, затем торопливо спустился на землю — и был таков.

К наступлению устойчивых морозов и выпадению снега белогрудые медведи сильно жиреют. Когда в лесах много кедровых орехов и желудей, в ноябре в этом звере жиру очень много. Конечно же, с такими надежными запасами никакая зима — а в Амуро-Уссурийском крае она очень суровая — не страшна.

К выбору дупла для зимней берлоги белогрудый медведь относится со всей серьезностью, потому что спать в нем ни много ни мало 5 месяцев.

Чаще всего берлога представляет собою большое дупло в старой липе или тополе с одним входом в него — сверху в 2—10 метрах от земли. Щелей в стенках дупла не должно быть, подстилка — из мягких гнилушек. Тепло в нем и безопасно. В зимнюю стужу многие животные мерзнут и голодают, а наш медведь спит себе и в ус не дует.

Медвежата появляются обычно в январе или феврале, когда зима в разгаре своей свирепости. Они чрезвычайно маленькие и беспомощные. Представьте себе: у 150-килограммовой мамы

родилось два детеныша по... 300—400 граммов. У оленухи дети весят около 8 килограммов (хотя сама тоже 150 килограммов), и уже через несколько часов после появления на свет он прытко бегает. А медвежата даже в месячном возрасте совершенно беспомощны и малы. Только в 2 месяца, когда медведица решается вылезти из своей надежной берлоги, малыши покрываются шерсткой, начинают видеть и слышать, но весят всего по 2 килограмма.

Медведицы — заботливые и самоотверженные мамы. Детенышей кормят молоком более полугода, оберегают их от опасности. Лишь через два года, когда дети вырастут и освоят все премудрости жизни, родители «благословят» их на самостоятельную жизнь.

Обеспеченность пищей и зимними «квартирками» еще не говорит о том, что жизнь белогрудого медведя легка и беззаботна. Бывают годы, когда не уродились ни орехи, ни желуди, ни ягоды — это истинное бедствие для медведей. Они голодают всю осень — и долгую зиму. Весною из своих дупел вылезают чуть живыми, а есть все равно пока нечего. Только в конце апреля, когда на южных склонах гор из земли появится густая щеточка нежной зеленой травы, приходит конец голоду. Но пройдет еще много времени, пока изнуренные длительной голодовкой медведи восстановят силы.

Есть у черного медведя и смертельно опасные враги: амурский тигр и бурые медведи. Особенно страшен тигр, из когтей которого белогрудому медведю трудно вырваться живым.

Бурые медведи становятся агрессивными и очень опасными в голодные годы, тем не менее белогрудые их остерегаются постоянно. Вероятно, оттого-то уссурийский медведь очень не любит

покидать высокоствольные леса, потому что на лугах и в мелколесье в случае опасности не заберешься на дерево.

Однажды в ноябре я вышел к кедру, вокруг которого неглубокий снег был утрамбован следами и лежками тигра. А высоко в густой хвое дерева темнело гнездо из недавно наломанных веток. Было нетрудно догадаться, что уссурийский медведь вовремя учуял своего врага, а на дереве переждал осаду день или два, наконец терпение у тигра кончилось — и он ушел.

Правда, в другой раз я видел большие куски свежей содранной с дерева коры, а рядом — останки растерзанного медведя. По следам можно было предположить, что ему не хватило доли секунды: тигр успел схватить его за заднюю лапу и стянул вниз вместе с корою. В тайге подобные трагедии случаются часто.

Охота на белогрудого медведя в Амуро-Уссурийском крае еще недавно была популярной по ряду причин. Во-первых, она сравнительно проста и не очень опасна. По следам, оставленным на первом снеге, когда звери уже очень жирны, находили дупла-берлоги и убивали залегших в них белогрудых медведей без особых затруднений и риска. Во-вторых, мясо этого животного вкусно, а жир приятен и целебен. Кроме того, в руки охотников попадали красивая шкура и знаменитая медвежья желчь, пользующаяся в народной медицине большим спросом. И хотя гималайский медведь по размерам примерно в два раза меньше своего бурого собрата, как охотничий трофей он ценился высоко.

Популярная и чрезмерная охота в послевоенные годы привела к медленному, но неуклонному снижению численности черного медведя. В Амуро-

Уссурийском крае в 60—70-х годах она уменьшалась в среднем на 2% в год. Строгие ограничения охоты на белогрудого медведя были введены еще в 1975 году, а в Хабаровском крае ее вовсе запретили. С 1984 года этот зверь внесен в Красную книгу нашей страны и Российской Федерации.

Волнуются охотоведы и зоологи за сохранение уникального животного мира неповторимого Амуро-Уссурийского края, и труд их не пропадает даром. Думается, и через много-много лет наши потомки увидят в прекрасной уссурийской тайге тигра и леопарда, кабана и изюбра, горала и пятнистого оленя, и белогрудого медведя — тоже.

ЗАГАДОЧНЫЙ КРАСНЫЙ ВОЛК

Помните, Р. Киплинг в своей замечательной книге «Маугли» рассказал о грозной волчьей стае? Так вот, речь шла о красных волках — таинственных, до сих пор плохо изученных хищных зверях из семейства собачьих. Обратите внимание на досадную странность: животное исчезает почти не узнанным. Оно в числе первых занесено в Красные книги, как Международную, так и Советского Союза.

Красный волк по внешнему виду и величине занимает как бы промежуточное положение между обыкновенным серым волком и лисицей. Он крупнее последней и меньше своего серого собрата, хвост у него длинный и пышный, туловище несколько удлинненное, и хотя ноги умеренно высокие, он приземистее серого. Голова остромордая,

широкоскулая, в «бакенбардах», уши округлые, торчащие большие, высоко посаженные и сильно сближенные основаниями, черепная коробка сравнительно крупная.

Морда красного волка весьма своеобразна, не похожа ни на лисью, ни на морду серого волка, на нее достаточно посмотреть один раз, чтобы запомнить на всю жизнь.

Окрас зимнего меха на самом деле красный, а точнее рыжий, ржаво-красный, охристо-рыжеватый или палево-ржавый. Окрас варьируется от светло-желтого до интенсивно красно-рыжего; горло, грудь, бока, брюхо и верхние части ног всегда светлее. Зимний мех густой, пышный, длинный, летний — редкий и грубый, бурого цвета.

Длина туловища около 1 метра, масса от 14 до 21 килограмма, самца от самки издали отличить невозможно.

Это психически высоко развитый зверь со сложными социальными связями. В стае красного волка царят крепкая дисциплина, иерархические отношения и взаимовыручка. Информацию передают кашлящим лаем, визгливым воем или завывая высоким голосом, с переливами. «Язык» телодвижений и мимика сравнительно с другими видами зверей развиты прекрасно.

Ареал красного волка охватывает горно-лесные области Центральной и Южной Азии — Индостан, Индокитай с Малаккским полуостровом, острова Суматра и Ява. В Советском Союзе он, вероятно, распространялся лишь на крайний юг — таежные горы восточной части Средней Азии, Алтая, Саян, Забайкалья, Амуро-Уссурийского края. Но территорию этого в общем-то обширного ареала зверь и прежде заселял крайне неравномерно, внутри него много мест, где его никогда не встречали. Более

или менее обычен красный волк в Индии и Индокитае, но и там его уже осталось немного.

В нашей стране этот хищник чаще всего встречался в Приморье и Приамурье, но в последние 10—15 лет его и здесь стало настолько мало, что и следы находят не каждый год. Вероятно, и прежде в нашей стране он отмечался временными заходами, так как логова с волчатами никто не обнаруживал. Знаменитый исследователь Дальнего Востока В. К. Арсеньев за все свои длительные путешествия встретил его всего один раз. Даже в зоопарках он редок. Очень мало черепов и шкур этого зверя и в зоологических музеях.

Обитает красный волк в основном в горных лесах до альпийской зоны, но в силу своей большой подвижности и кочевого образа жизни встречается,— быть может, на переходах — в лесостепях, в степях и даже на окраинах пустынь. Выходит

в субальпийский пояс и на высокогорные плато — разумеется, в поисках добычи: сибирских козлов, архаров и других горных животных.

Как и большинство представителей семейства собачьих, этот типичный хищник хорошо приспособлен к активному добыванию животных в основном преследованием или скрадыванием. Охотится стаями, иногда большими — до 20—30 голов, но чаще 5—10 — и преимущественно от рассвета до заката. Основные жертвы — копытные, причем стаями красные волки добывают не только косуль, кабарог, козлов, горных баранов, антилоп, пятнистых оленей и кабанов, но и таких крупных и сильных животных, как марал, бык бантенг, гаур, домашний буйвол или лошадь.

Излюбленные приемы охоты — преследование на измор и загон: большая часть стаи, обнаружив жертву, затаивается, а 2—3 хищника забегают с противоположной стороны и гонят ее на засаду.

Красный волк осторожен, скрытен и смел до дерзости. Он не очень быстр, но чрезвычайно вынослив в беге, легок в прыжках, хорошо плавает, ловко лазает по скалам и горным кручам. При несомненной силе и крепких зубах эти звери в большой стае бывают настолько агрессивны, что нападают даже на леопардов и тигров, обращая их в бегство или даже разрывая на части, хотя сами несут большие потери. Не страшатся они и медведей.

Бывали времена, когда красные волки наносили значительный урон оленеводству, уничтожая в Приморье пятнистых оленей десятками, бороться же с разбойниками было трудно. Будучи очень дерзкими, они при этом чрезвычайно хитры и осторожны, нападают неожиданно и решительно, от погони уходят легко. С леопардами, тиграми и дру-

гими хищниками оленеводам бороться было значительно проще, чем с красным волком. Случалось и так: появляются неожиданно эти загадочные звери, натворят разбойных дел и как сквозь землю провалятся — невидимки и только.

Красные волки — моногамы, прочно сохраняющие супружескую верность партнеру всю жизнь. Брачный период у них в конце зимы, проходит он обычно без драк и шума. Беременность 62—64 дня, в помете от 5—6 до 8—10 щенков. Логова устраивают в расщелинах скал, в пещерах, каменных нишах, в неглубоких земляных норах.

Самец живет со своей подругой всегда дружно, когда она «на сносях» — часто кормит ее отгрыгаемым мясом, принимает активное участие в выкармливании, воспитании и охране своего потомства.

Щенята рождаются такими, как и собаки, волки обыкновенные и лисицы, и развиваются примерно так же. Во время выращивания молодняка стая ведет оседлый образ жизни; все, в том числе и матери, между собой дружны. Случается, логова со щенятами находятся совсем рядом, и даже в одном гнезде живут вместе 2—3 выводка.

Кочевать начинают, когда волчата станут резвыми. В шестимесячном возрасте они размером почти со взрослыми.

Красный волк, как и серый, покидает места, заселенные тигром. В то же время из-за своей очень большой осторожности он избегает и окультуренных ландшафтов. С другой стороны, ему нужны такие уголья, где мало снега и достаточно копытных. И наконец — между двумя видами волков вполне вероятны напряженные межвидовые отношения, в инцидентах серый волк, несомненно, побеждает. Как видим, жизненные возможности

красного волка очень ограничены и со временем непрерывно ухудшаются.

Красный волк как вид в настоящее время, очевидно, переживает старость. В давно прошедшие времена он был распространен гораздо шире. Его останки палеонтологи находят на Южном Урале, на Украине, во многих европейских государствах, где сейчас о нем и не слышали. Такое резкое сокращение ареала говорит о том, что биологический вид угасает. Это происходит на наших глазах, и мы ничем не можем предотвратить его гибель.

Деятельность человека также ухудшает условия жизни красного волка. Он к тому же сильно проигрывает серому, обладающему высокой приспособляемостью к изменениям природной среды.

Посмотрите на красного волка, сидящего в зоопарке: он словно просит помощи, ищет у нас более милостивого отношения, просит защиты. И помочь ему мы можем, вероятно, лишь в его неволе.

К этому следует добавить, что даже временные заходы красного волка на территорию нашей страны с 60-х годов становились все реже и реже, а в 80-х они, можно сказать, прекратились.

ДИКИЕ КОШКИ

Случилось это на юге Приморья. Как-то осенью набрел я на участок дубового леса, где первая мягкая поросль была густо испещрена кошачьими следами, которые были меньше рысых, но значи-

тельно крупнее, чем у домашней кошки; понять, кому принадлежали отпечатки лап, было невозможно. Наконец, взяв лайку у охотников, я нашел «незнакомца»: высоко на дереве сидел дальневосточный, или амурский дикий лесной кот, иногда неверно называемый еще и бенгальской кошкой — крупный красивый зверь размерами с молодую рысь, но больше похожий на матерого холеного домашнего Ваську, у которого ноги подлиннее и толстый хвост в полтела.

Понаблюдав несколько дней, я убедился, что там жила семья котов, но каждый — на своей небольшой территории, с дуплами-убежищами, охотничьими участками, водопоями, наблюдательными пунктами и прочими атрибутами звериной жизни.

Если со мною была лайка, мы легко находили котов, а вот без нее, как ни старался, заметить не мог. Когда снег выпал почти до колен, эти звери будто совсем исчезли. Даже собака не находила ни их, ни следов. Создавалось впечатление, что они куда-то откочевали или залегли в зимний сон, но ни то, ни другое, знал я, не было им свойственно.

Лишь в разгар зимы собака нашла одного из них. Он сидел высоко на кедре, а рядом с ним темнел вход в дупло. Я подходил вокруг дерева, но следов на снегу не обнаружил. До сих пор ломаю голову: как он жил, охотился?

А весной, когда снег растаял, а в некоторых местах осел и стал плотным, на свежей пороше опять появились строчки кошачьих следов — от дерева к дереву, от валежины к валежине. Одного я увидел и едва узнал, так был он худ и изможден. Видно, очень несладко живет в наших краях этому зверю.

В Амуро-Уссурийском крае он теперь встречается очень редко. Немного его было здесь и сто, и двести, а может быть, и тысячу лет назад. Причина в том, что его родиной является далекая жаркая Юго-Восточная Азия, где нет долгих снегов и морозов, которых этот южанин боится. В Примурье находится окраинная часть ареала лесного кота, где он живет на пределе своих экологических возможностей, упорно сопротивляясь слишком суровым для него зимам.

В Амуро-Уссурийском регионе лесной кот чаще всего встречается на юге Приморья, но и там крайне редко. В самых комфортных для него условиях обитания — на невысоких лесистых увалах с нагромождениями камней, с густыми зарослями кустарников и перелесками в зоне малоснежья — на площади в 10 квадратных километров можно встретить семью из 4—6 особей.

Теперь познакомимся с загадочным лесным котом «в лицо». Это очень стройное и красивое животное, напоминающее небольшую рысь. Весит зверь 4—6 килограммов, а особо крупные особи — осенью разжиревшие самцы — до 8—10 килограммов. Длина их сильного гибкого тела от 60 до 85 сантиметров, у «рекордсменов» — до метра. Густая рыжевато-палевая зимняя шерсть покрыта множеством темно-ржавых пятен, местами сливающихся в полосы. На лбу выделяются две белые стрелки, на хвосте заметны расплывчатые кольца, брюшко грязно-белое с желтоватым оттенком. Не в пример домашним кошкам, дикие лесные испокон веку носят «шубы» одинакового окраса, одинакового рисунка, одинаковой густоты.

Как и у всех представителей семейства кошачьих, у дикого кота острые зубы и когти, тонкий слух и отличное зрение. Он великолепный древо-

Амурский кот

лаз. Довольно длинные ноги позволяют ему делать большие прыжки и стремительные броски, от которых редко увертывается не только мышь или заяц, но и птица. Силы достаточно для того, чтобы задрать молодую косулю. Но на длительную погоню он не способен: нет волчьей или харзиной выносливости.

Однако, как и все кошачьи, дикий кот ленив и всему предпочитает отдых. Ходит лишь при необходимости, не спеша, осторожно, обычно не по земле, а по валежинам и деревьям.

Лесной кот ведет сумеречно-ночной образ жизни, хотя иногда бодрствует и днем — в случае

крайней нужды. Гнездо он обычно устраивает в дуплах стоящих и поваленных деревьев, в небольших пещерках или среди камней, прикрытых от осадков и ветров, изредка в сухих норах меж корней деревьев да под валежником. Днем с наслаждением спит, выходит на охоту с заходом солнца.

Гастрономические пристрастия кота — мыши, полевки, бурундук, маньчжурский заяц, белка, птицы величиной не более фазана и утки. Иногда нападает на колонка и норку, с которыми легко справляется, а то и на косулят, даже на поросят. Не в пример домашним кошкам, воды не боится, хорошо плавает, азартно ловит рыбу, лягушек и прочую водяную живность, при случае не преминет сцапать зазевавшихся кулика или ондатру.

Летом и в начале осени, когда корм обилен, кот сильно жиреет, зимой же, особенно при выпадении глубокого снега, ему приходится трудно: мышей и полевок по-лисий ловить под снегом он не умеет, бурундуки и лягушки спят, а зайца или птицу ему, глубоко проваливающемуся в снег, поймать очень не просто. Судите сами: опорная нагрузка на 1 квадратный сантиметр лапы у него в 2—3 раза больше, чем у рыси. В это тяжелое время коты жестоко голодают и доходят до крайней степени истощения. Не все и не всегда дотягивают до весны.

Лесной кот — близкий родственник обыкновенной домашней кошки, они даже дают общее потомство. Красивые и стройные, дети более похожи на диких родителей и по облику, и по нраву. Но что странно: будучи родственниками нашим милым и послушным муркам и васькам, лесные коты с большим трудом поддаются приручению и дрес-

сировке. Лишь пойманные совсем маленькими слепыми котятами и выращенные в неустанной заботе и ласке, они становятся вполне ручными, дружелюбными и не стремятся при всяком случае продемонстрировать силу своих когтей и зубов. При первой возможности эти свободолюбивые звери убегают в лес, но вскоре возвращаются к человеку, вырастившему их.

Каких-нибудь полсотни лет назад северная граница ареала амурского лесного кота проходила по левобережному Приамурью — через средние части Зеи, Буреи, Урми и Кура, вниз по Амуру, заходя за Комсомольск. Теперь она сместилась далеко к югу, охватывая лишь южную часть Приморского края. В 30-х годах, когда заготовки шкурок этого зверя достигали 2 тысяч штук, его поголовье исчислялось, очевидно, 8—10 тысячами особей, из которых около 80% обитали в Приморье. К началу 70-х годов то бывшее поголовье кота сократилось до 2 тысяч, и все они сконцентрировались в Приморском крае, а теперь их стало в 2 раза меньше — не более 1 тысячи на весь регион.

Потому-то амурского лесного кота включили в Красную книгу редких и исчезающих животных. К сожалению, включили только в начале 80-х годов, хотя следовало это сделать как минимум десятилетием раньше.

У западной границы нашей страны живет похожее существо — европейская среднелесная дикая кошка. Она обликом и внешностью тоже сильно смахивает на наших домашних и гибридные помеси с ними дает. Размерами лишь немного уступает амурскому коту, но их легко отличить по окрасу: европейская кошка носит густой волосяной покров от охристо-серого до темного цвета. У большинства он тускло-ржаво-серый с желто-

ватым оттенком; брюхо серовато-охристое; поперек спины и боков — от восьми до двенадцати темных расплывчатых полос, иногда распадающихся на пятна, на спине — тоже 2 полосы, сливающиеся в «ремень»; на хвосте 4 широких темных, с расплывчатыми контурами кольца, а на лбу и на верхней части 4 такого же цвета полосы.

Зачем, спросите, столь подробное описание цвета меха? А для того, чтобы отличить часто встречающихся в лесах гибридные помеси диких и домашних кошек от чистокровных «дикарей».

В образе жизни европейской дикой кошки своеобразия мало. Заселяет она в основном широколиственные и хвойно-широколиственные леса, хотя на открытые пространства выходить не боится, а с человеком живет часто рядом. Даже на чердаках случалось обнаруживать ее. Питается всеми животными величиной от мыша до зайца и косуленка, однако основная ее пища — мышевидные грызуны и мелкие птицы. Крупный кот в сутки съедает около 1 килограмма разных кормов. Он отличный древолаз, но охотится чаще на земле. Логова устраивает в укрытых от осадков и ветра дуплах, расселинах скал, нишах, сухих старых норах.

Родственна и судьба этих мелких кошачьих. Еще в прошлом веке европейская лесная кошка довольно плотно заселяла обширную лесную зону от средней части Дона до Рижского залива к северо-западу и устья Днестра — к юго-западу. Но все меньше становилось лесов, все чаще в них появлялись люди с ружьями... И вот печальная, но, к сожалению, обычная история: еще один зверь «прописался» в Красной книге.

Европейский лесной кот

Теперь последние очаги обитания лесной кошки теплятся в Карпатах и Закарпатье, в Молдавских Кодрах да на Волыно-Подольской возвышенности. Общая численность — менее полутысячи.

Эта кошка прежде была распространена в лесах всей Западной Европы вплоть до Испании и Англии. Не встречалась она лишь в Скандинавских странах с их мрачными лесами и многоснежьем. А теперь во многих странах ее не стало, причем здесь виновник — человек: ведь лес вырубают, на значительных территориях леса сведены. В иных

случаях положение принимает по-настоящему угрожающие формы.

Правда, в горных лесах Кавказа она пока не столь редка. Вполне возможно, что со временем ее будут отлавливать в Кавказском заповеднике и разводить в местах прежнего обитания.

Наверняка внукам и правнукам придется бороться с последствиями нашей неразумной и эгоистической деятельности. А может быть, и бороться не придется — станет слишком поздно.

И ОНИ ИМЕЮТ ПРАВО НА ЗАЩИТУ...

...Удивительное и единственное в своем роде явление — полное взаимопонимание между человеком и дикими животными — вполне возможно.

К. Лоренц

Хотя человек до сих пор слишком ожесточенно преследует диких животных, редко у кого из них появляется непреодолимый страх к нему. Известно много случаев, когда звери и птицы в критическую или просто трудную минуту искали у людей защиты.

В детстве мы подкармливали замерзших и голодающих в зимнюю пору птиц, и они становились такими доверчивыми, что даже садились на плечо или на ладонь. В школе нас удивляли рассказы о том, как перепуганные дикие животные прибегали к людям за помощью. Я знаю много примеров, когда лоси, изюбры, косули, кабаны и другие звери, спасаясь от преследователей, мчались в села, к людям, хотя, вероятно, помнили, что и среди них есть несимпатичные типы с ружьями.

Когда люди прекращают преследовать животных, те сразу перестают бояться и поселяются рядом с населенными пунктами. Даже в крупных

городах обосновываются, причем это характерно и для таких осторожных зверей, как куница, выдра, лисица, бобр, барсук. А белки, резвящиеся в городских парках, можно сказать, прямо под ногами, уже никого не удивляют.

Нет числа примерам трогательной дружбы между людьми и дикими животными, и что особенно характерно — из этой дружбы большую пользу извлекают обе стороны. Но, может быть, самой плодотворной оказалась бы дружба людей и зверей, так сказать, не индивидуальная, а всеобщая. И уж, конечно, стоило бы повсеместно запретить охоту, например, на барсука, потому что этот мирный трудолюбивый зверь безвреден, симпатичен, а лесу приносит помощь неоценимую. Или какой смысл ловить ласку, которая уничтожением вредных мышевидных грызунов не только сберегает нам многие тонны зерна, но и оздоравливает леса. Внимания и охраны заслуживает речная выдра — зверь поразительно умный и симпатичный, приносящий рыбному хозяйству громадную пользу очищением водоемов от больных рыб.

В предыдущей главе мы рассказали о редких и исчезающих видах животных, занесенных в Красную книгу и подлежащих строгой охране. Но и кроме них есть немало зверей, которые нуждаются во внимании со стороны человека хотя бы потому, что их на земле немного: например, харза, обитающая в Советском Союзе лишь в Амуро-Уссурийском крае; ее численность сокращается с каждым годом. Или удивительный зверь росомаха, способствующая оздоровлению популяции диких копытных.

Скажем еще раз: каждый зверь уникален, каждый имеет право на жизнь. А наша задача охранять их.

ЛЕСНОЙ МЕЛИОРАТОР

Мы с проводником удэгейцем шли трудным маршрутом по горам вдоль шумного Бикина, прорезающего девственную, совершенно нетронутую Уссурийскую тайгу, в сердце Сихотэ-Алиня. Были августовские грибные дожди, жара и мириады мокрецов, мошек, комаров, слепней. Вставали рано, быстро завтракали и шли дальше.

...Как-то, присев передохнуть на склоне небольшой, густо заросшей богатырскими многокультурными кедрами горы, мы услышали доносившийся сверху тревожный шум, который все усиливался, — кто-то приближался к нам.

Сначала по тропинке мимо нас суетливо цепочкой пробежали тревожно похрюкивающие и взвизгивающие четыре серебристых барсучка-«подростка», а через несколько секунд показалась крупная барсучиха со вздыбленной шерстью. Она обернулась назад и увидела уже догоняющую их рысь. Мы поняли: хищник хотел полакомиться барсучатами, но с тыла их отважно прикрывала мать. Защищала активно: угрожающе шипя, она смело бросилась навстречу агрессору, а когда тот вспрыгнул на валежину, потрусила по тропе за своими детенышами, останавливаясь, оглядываясь, поводя головой с оскаленной пастью, вроде бы кланяясь. Не мешкая, но с достоинством.

Мы криками вспугнули рысь, и та исчезла как тень, а барсучиха помчалась по тропинке за своим семейством. И я подумал: надо быть

не только сильным, но и смелым зверем, чтобы удержать рысь от нападения.

Конечно же, барсучья нора должна была быть где-то близко, и мы ее нашли легко и быстро. И поразились: была она вырыта в расщелинах между глыбами камней, ее уже неоднократно пытались разрыть медведи, но крепость была неодолимой.

Барсук — оригинальный и очень интересный зверь. Тело у него плотное, мускулистое, приземистое, клиновидное, шеи почти нет, остроносая голова непосредственно переходит в туловище. Вообще он хорошо приспособлен к рытью нор и жизни под землей. Ноги короткие, лапы плоско-стопные, сильные. Особенно тяжелым и неуклюжим выглядит барсук накануне зимы, со слоем жира под кожей до 4 сантиметров.

Размеры взрослого барсука внушительны. Осенью, разжиревший, он весит до 14—18, а иногда и до 20—25 килограммов при длине тела от 70 до 90 сантиметров. Его волосяной покров после летне-осенней линьки — а этот зверь меняет мех лишь раз в году — состоит из грубоватой ости и плотного теплого довольно нежного подшерстка; окраски от серовато-бурого до серебристого. По бокам головы темные и светлые полосы, ноги черные, брюхо бурое.

Барсучий мех ценится дешево, хотя он довольно красивый, теплый, прочный, и из него на Руси издавна шили шапки.

Основное орудие барсука для рытья земли — когти. Они большие, крепкие, слабо изогнутые, прочно сидящие на толстых пальцах. Своеобразно и умело этот зверь роет норы: когтями быстро и легко рыхлит землю, отбрасывая ее назад попеременно четырьмя лапами, а по мере накопления

выталкивает «задним ходом» наверх. И все его движения настолько проворны и четки, что горки вырытой и выброшенной наверх земли растут на глазах.

Этот великолепный землекоп не только сам себе устраивает обширные подземные квартиры, но невольно обеспечивает ими лисиц, енотовидных собак и других животных.

Семейные норы у барсуков, зверей чистоплотных и трудолюбивых, благоустроены и ухожены, как ни у кого. В них уютные гнездовые камеры-спальни, расположенные иногда в 2—3 этажа, на глубине от одного до трех метров, утепленные толстым слоем сухой подстилки, несколько длинных входов-выходов в виде извилистых основных и запасных галерей, отнорки-тупики для кладовых и отходов. Кроме семейной норы, у каждого барсука на охотничьем участке есть несколько временных «квартир» более простого устройства. Неподалеку от нор в специальных ямах устраиваются уборные. Все «дачи» или «охотничьи домики» содержатся всегда в безупречном порядке и чистоте. В своих подземельях он проводит большую часть года и никого постороннего видеть в них не желает. Его сердцу милы тишина и покой.

У входа в нору часто можно заметить свежую землю: барсук постоянно расширяет, благоустраивает, ремонтирует свое жилье, просушивает «постель». Особенно старательно он трудится осенью, перед тем как начнется долгий зимний сон, и весной, когда земля оттаивает и осыпается и в норе становится сыро.

Барсуки очень тщательно выбирают место для своих нор: почва нужна рыхлая, пропускающая влагу, но в то же время и не сыпучая; крышей

служит защитный водоносный слой — глина, плотная дернина или корневая система старого дерева, а лаз в нору должен освещаться солнцем. Чаще всего свой выбор барсуки останавливают на южном склоне горы или оврага, густо поросшем деревьями и кустарниками; любят крутые берега лесных рек и ключей с узкой тенистой долиной, опушки, незатопляемые лесистые острова. В очень удобных для нор местах — а их не так уж и много — барсуки поселяются из года в год, живут там десятилетиями, даже столетиями, и норы постепенно превращаются в колонии, в которых живет несколько семей. Площадь некоторых колоний достигает 500—600 квадратных метров, в них 30—40 лазов с общей длиной до 80 метров и десятки гнезд. Настоящие барсучьи города! Поэтому-то охотники иногда их и называют городищами.

И индивидуальный, или семейный, участок барсуков благоустроен: к туалетам, водопоям и кормовым местам проложены хорошо протоптанные тропки. Границы участка «помечены» выделениями специфической железы, находящейся у корня хвоста. Пришельцев барсуки изгоняют из своих владений, но с соседями ссоры не затевают.

Случись во время кормежки какая беда, и барсук бежит (а бегаёт он при необходимости быстро, хоть и коротки ноги) к ближайшей норе напрямик: настолько хорошо он ориентируется на местности. Правда, от крупной собаки, рыси и волка не всегда удастся ему спастись. Впрочем, не всегда барсук и убегает от врагов. И хотя он мирный зверь, стоит помнить, что у него крепкие зубы и сильные челюсти. Когда враг опасен и быстроног, барсук, обороняясь и огрызаясь, грозно шипит,

фыркает и шаг за шагом пятится к спасительной норе. Ну а в подземелье он, считай, в безопасности, потому что гнездо находится метрах в пяти, а то и десяти от входа в него. Разве что медведь ее разроет. Иногда, чтобы спастись, барсук незаметно улизнет из запасного отнорка — и был таков, через несколько минут он будет уже в другой норе. Если же возникнет необходимость обзавестись новым жильем, — для барсука это не проблема, было бы подходящее место.

Обитает барсук в большей части Европы, исключая лишь север Скандинавского полуострова и европейской части СССР. В Сибири и на Дальнем Востоке он заселяет огромную территорию южнее условной линии, проведенной между устьями Оби и Амура. Многочислен в Корее, Японии, восточной части Китая. Встречается в Иране, Афганистане, Турции, Европе. А в Северной Америке водится близкий родственник — американский барсук. Они очень похожи друг на друга, разве что родич из Нового Света меньше размерами.

Места обитания барсука самые разнообразные: это хвойные, смешанные и лиственные леса, произрастающие на невысоких горах и холмах, где есть реки, овраги, заросли кустарников, поля. Живет он и в лесостепи, степи и даже в полупустынях, если есть три необходимых условия: разнообразный корм, удобные для устройства нор места и близость воды. Но основное место обитания барсука — лес. Предпочтение отдает спелым широколиственным угольям с дубом, буком, плодовыми деревьями, ягодниками, лещинами, растущим на пологих сухих горных склонах со скальными обнажениями и глыбами твердых пород.

Обычен барсук и на сельскохозяйственных землях, если вокруг есть колочные леса и кустарниковые заросли, избегает лишь обширных переувлажненных лесов и лугов, где невозможно вырыть сухую нору, да глухие хвойные леса Сибири и Дальнего Востока, в которых и корма барсучьего мало, и лето коротко для того, чтобы запастись жиром на долгую зиму да поставить на ноги потомство.

Характерно, что барсук легко уживается с людьми, довольно спокойно относится к их бурной деятельности, если они его не преследуют. Например, в Дании, где почти сплошь поля и луга, барсуков много, они живут даже в городе. Трудно поверить, что в огромном Копенгагене «прописано» более сотни барсуков. Днем они спят в своих норах, которые звери роют в парках, скверах и под строениями, а ночью, когда все вокруг замирает, бодрствуют, поедают специально для них оставляемые пищевые отбросы.

Есть в Японском море небольшой остров Тибури, где интенсивно развивается сельское хозяйство. В тридцатых годах один японец завез туда пару барсуков для разведения их в неволе с тем, чтобы получать мех. А барсуки сбежали в лес, да так быстро там размножились, что стало их больше двух тысяч, и начали опустошать не только крестьянские поля, но забираться в амбары, чтобы пополнить свои кормовые запасы. Пришлось для наведения порядка вызывать на остров бригаду охотников.

Но не об этом речь: когда у барсука нет врагов, он легко осваивается в необычных для него условиях. Однако из сказанного надо сделать и иной вывод: контроль за численностью зверя необходим.

Сколько же барсуков живет в лесах? Меньше всего их в хвойных и мелколиственных, особенно заболоченных, угодьях, у северной границы ареала: одна семья на 60—80 и даже 100—150 квадратных километров. В дубравах, широколиственных уремных, буковых, кедрово-широколиственных лесах, да еще при действенной охране природы в этих местах на 1 квадратном километре можно встретить 1—2, а то и 3 семьи, средняя же плотность населения — 3—4 особи на 1 квадратный километр. И тем не менее фактическая численность барсуков гораздо ниже. Даже в прекрасных для барсука лесах теперь редко насчиташь более 5—6 особей на 10 квадратных километрах. Средняя же плотность барсучьего населения для обширных районов с разнообразными лесами примерно 1 особь на 10 квадратных километров. Это, конечно, совсем не густо. Численность низкая, и, кроме того, цифра свидетельствует о понижении поголовья: барсуков стало в несколько раз меньше, чем 50 лет назад.

Этот зверь не только внешне смахивает на медведя, но следы его имеют сходство с медвежьими, только поменьше, и ходит вразвалку, косолапя, всеяден, как мишка. На зиму оба стараются запастись много жира и засыпают на несколько месяцев: с наступлением морозов до весенней капели.

Обычно он бодрствует в сумерки и ночью, и чем темнее ночь, тем он активнее — это правило, но исключений из него довольно много: часто приходится встречать барсука и солнечным утром, и до заката солнца, и даже ясным днем. Да почему бы ему не побродить днем, если на участке спокойно, особенно после долгого ненастья или осенью, когда нужно усиленно запастись жиром!

Прежде чем выйти из норы, барсук долго прислушивается и принюхивается, наверх вылезает, лишь убедившись в полной безопасности. Постояв немного у норы, он по проторенной тропе идет на свой участок искать пищу. Сначала тихо и осторожно, останавливаясь и прислушиваясь, потом быстрее и спокойнее, опустив нос книзу, будто что потерял и ищет, а там и вовсе осторожность теряет — беспечно шуршит лесной подстилкой, разламывает трухлявые пни, переворачивает валежник, пытит, сопит, похрюкивает, топает ногами. В движении этот зверь вроде бы вял и нетороплив. На кормежке ходит понурым шагом или тяжеловатой трусцой, иногда рысью. Но при необходимости — скажем, опасности! — он бежит быстрым галопом. Опять-таки медвежьи повадки!

За ночь барсук проходит довольно большое расстояние, но при недостатке корма далее чем на 500 метров, редко на 2—3 километра от своего жилья, как правило, не забредает. Разве что в весеннюю бескормицу.

В поисках пищи полагается на тонкое обоняние. Слух у него неважный, а зрение вовсе плохое — видит лишь вблизи. В полночь барсук час-другой отдыхает где-нибудь во временном убежище, потом продолжает кормежку. К утру сытым возвращается в нору, спит или трудится в своем подземелье. Днем любит понежиться на солнце-пеке.

В поисках пищи почти все время роется в лесной подстилке и в земле носом и лапами, вынюхивая и высматривая съедобное. Иной раз сразу и не поймешь, кабаны кормились, медведи или барсуки. А лесу это чрезвычайно полезно: звери взрыхляют землю, распространяют семена растений и одновременно уничтожают огромное коли-

чество всевозможных вредителей, таких, например, как майский жук, личинки которого барсук выискивает мастерски.

Корма барсука очень разнообразны. Кажется, он ест все, что едят другие животные: мышей, полевок, всевозможных земноводных и пресмыкающихся, насекомых и их личинок, моллюсков, а также желуди, орехи, фрукты, ягоды, коренья, клевер, зелень и т. д. и т. п.; не гнушается и падалью, правда редко — при голоде. Но ведь когда нужда — и тигр саранчой не брезгует.

Однако у него, как и у каждого живого существа, есть лакомые блюда: черви, лягушки, ягоды. Не может он отказать себе в удовольствии съесть сочный колосок, арбуз или дыню, кукурузу и сою.

Интересно, что барсук не боится ядовитых змей — их яд на него почти не действует — при случае питается и ими.

К осени барсук увеличивает свою массу примерно в 2 раза. После полного ремонта гнезда со сменой и просушкой подстилки он уже не уходит далеко от убежища, а с наступлением морозов забивает изнутри норы листьями, травой и землей и засыпает. Иногда 1—2 выхода остаются открытыми для вентиляции. В оттепели изредка выйдет из норы, потопчется рядом и снова спрячется. В его гнезде даже в самые лютые морозы тепло, потому суровой зимой он не мерзнет.

Барсук очень предусмотрителен. Казалось бы, зачем ему зимой корм, если он спит да и жиру нагулял достаточно. Но в кладовой у него с осени припрятаны высушенные коренья, вяленые лягушки и ящерицы, немного орехов, желудей; это на всякий случай: мало ли что бывает! А если такого аварийного случая и не будет, барсук все равно

к весне запасы свои съест. Весной ведь и ему трудновато: еще холодно, кормов мало, а потомство уже появилось.

Спят барсуки в разных краях в разные сроки — с наступлением морозов до весенней оттепели. А там, где зима короткая и теплая, — на Кавказе, например, — они по-настоящему-то и не засыпают, бодрствуют все зиму. Ну а если холода нешуточные — спят крепко; температура их тела снижается на 3—4°С, частота дыхания уменьшается почти вдвое. Совсем как у медведя.

Но, как ни хорошо барсуку в норе, она ему надоедает, и он ждет не дожидается возможности выйти на волю. Как только солнце начнет пригревать и увлажнится снег, зверь волнуется. Выглянул, потоптался и назад — еще холодно! Но в другой раз он уже немного понежится на ласковом солнце, осмотрится, походит около нор, а потом начнет бродить по своим владениям.

Пора размножения у барсуков обычно весной, реже в начале лета. Беременность длится около года, а молодняк появляется в феврале, марте или апреле — в зависимости от климата. В помете наблюдается от двух до восьми барсучат, но чаще всего 3—4. Рождаются они беспомощными, покрытыми редкой белой шерсткой. Прозревают лишь через месяц. Мамаша очень заботлива: в хорошую погоду она даже выносит малышей для принятия «солнечных ванн», чтобы у них не было рахита. Кормит вдоволь: сначала молоком, потом приносит пищу в нору, а позже учит искать ее.

К осени молодняк подрастает, набирая 8—10 килограммов массы, и начинает самостоятельные походы в лес, совершает интересные открытия. Большинство молодых барсуков-первогодков

на зиму залегает в материнском гнезде, но некоторые, особенно быстро выросшие, которым надоела родительская опека, обзаводятся своей норой и даже партнером. Самки становятся зрелыми на втором году жизни, самец — на год раньше, однако участие в продлении рода они принимают гораздо позже — обычно в 3 года, когда и полной зрелости достигнут, и собственным участком обзаведутся, и жизненного опыта наберутся.

Надо заметить, что хотя взрослые барсуки-самцы производят впечатление солидных, весьма уравновешенных, строгих хозяев, заботами о своем потомстве они себя не утруждают. Летом предпочитают спокойствие и одиночество, им дороже всего покой и тишина. В друзьях они не нуждаются, а оттого вырастают угрюмыми и недоверчивыми. Сами никого не беспокоят и не любят, чтобы их тревожили. Но когда барсучиха позовет этакого отшельника, он вмиг оживляется, становится заботливым, ласковым. И даже похрюкивает и взвизгивает в избытке чувств. Но недолго...

Лисица и енотовидная собака — постоянные конкуренты барсука, причем последняя по отношению к барсуку ведет себя очень почтительно, лисица же — независимо и даже нагло. Она небрежна и неряшлива, пачкает в норе и возле нее. Барсук, будучи существом чистоплотным, этого не выносит и старается выгнать лисицу вон, закапывает вход в ее нору и даже уничтожает и выбрасывает лисят. Обычно ему удается достигнуть своей цели, но, бывает, сильный и упрямый лисовин выживает его самого, и барсук уходит, не вынеся лисьей грязи и вони. Впрочем, известны случаи мирного сосуществования этих зверей. Иной раз даже одним входом в свои норы пользуются: когда

лиса к хозяину уважительна, то и он покладист. Бывает такое, правда, редко.

У барсука не только хорошая шкура, но и вкусное мясо и целебный жир. Поэтому он стал объектом даже не столько охоты, сколько истребления: раскапывали его норы, «выкуривали» зверей из них выхлопными газами, «выживали» с помощью норных собак—фокстерьеров.

Совершенно необходимо взять барсуков под охрану и повсеместно запретить на него охоту. И не только потому, что они симпатичны, рассудительны и миролюбивы, но и потому, что приносят людям пользу: уничтожают множество слизняков, гусениц и личинок вредных насекомых, мышевидных грызунов и других вредителей леса, а также неустанно взрыхляют почву, распространяют семена, он санитар леса и трудолюбивый мелиоратор, т. е. не менее полезен, чем муравьи, пчелы или дятлы. Сейчас берут на учет все старые колонии и реакклиматизируют зверя в тех районах, где он раньше обитал.

Так мы исправляем свои ошибки; хорошо еще, что эти ошибки пока что можно исправить.

ВЫДРА

Последние километры зимнего пути в свою таежную избушку я шел по скованной льдом реке. Старая лыжня была присыпана искрящейся порошей, которая почти не затрудняла скольжения лыж, но заглушала его шум. Идти было легко и приятно, солнце от волнистого голубовато-зеленого горно-

таежного горизонта было еще высоко, и я не спешил.

Лыжня вывела меня на косу, основание которой густо заросло ивняком. Здесь часто кормились рябчики; я снял с плеча ружье и пошел еще медленнее.

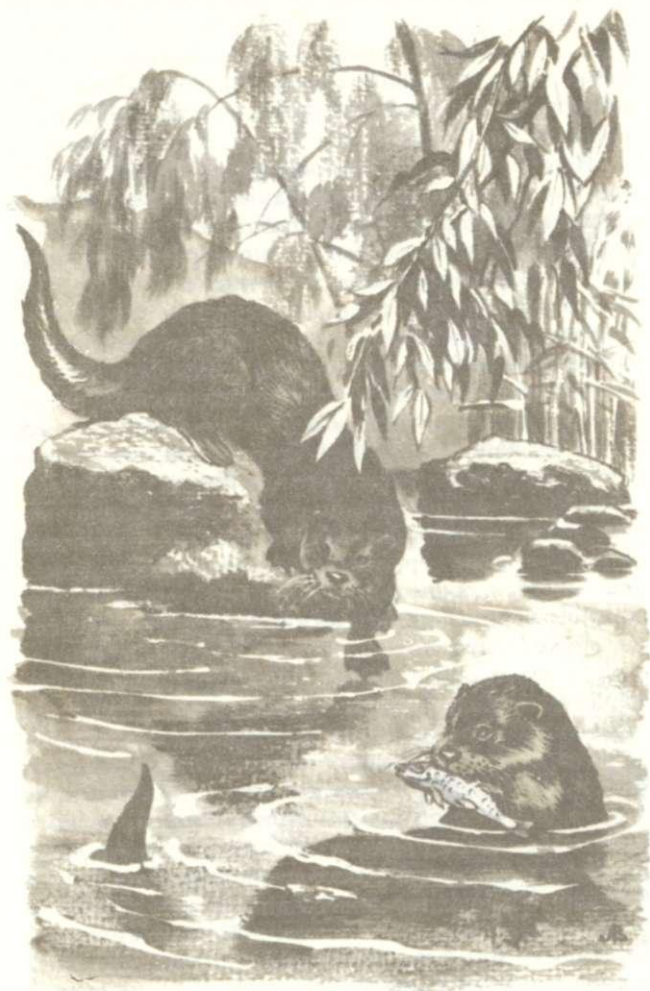
Не спеша я обогнул косу, вместе с рекой круто повернул вправо и неожиданно заметил метрах в ста двух выдр. На снежно-белом фоне в потоке солнечного света в своих темно-коричневых шубках они вырисовывались четко и контрастно, поэтому я сразу же потянулся к фотоаппарату, стараясь держаться как можно незаметнее. Объектив камеры «приблизил» зверей ко мне, и я залюбовался ими.

Выдры играли. Рядом с крутым берегом чернела узкая полоса дымящейся полыньи, в которую они могли в случае опасности быстро нырнуть.

Склонность выдр к играм мне была давно известна, и теперь они буквально приковали мое внимание. Эти звери психически высоко развиты; они очень осторожны и одновременно любят порезвиться, что делает их особенно симпатичными, может быть, потому, что и в людях нам импонирует ум и серьезность, сочетающиеся с непосредственностью и веселостью.

Выдре с ее короткими ногами трудно передвигаться в глубоком снегу, но эти звери довольно легко взбирались на крутой берег, ложились на брюхо и, высоко подняв голову, вытянув ноги вдоль тела, с радостным свистом скользили вниз, словно на салазках. В месте, по которому они скатывались, образовался утрамбованный желоб.

Только я подумал: «Долго ли еще будете кататься?» — как выдры, словно услышав мой вопрос, плюхнулись в полынью и зарезвились

в воде; плавали вперегонки, ныряли, выскакивали на оледеневший край полыньи и мчались по нему, смешно выгибая спину, волоча длинный толстый хвост, поводя головой и посвистывая — то поразбойничьи громко, то тихо и мелодично.

Казалось, что выдры всецело отдались игре и потеряли всякую бдительность. Но стоило мне сделать в их сторону несколько тихих шагов, как они насторожились, вытянули головы в мою сторону, через несколько секунд плюхнулись на воду, немного поплавали, пристально изучая меня, и дружно исчезли.

В слабой надежде, что выдры все-таки вернутся, я подошел к полынье поближе, спрятался за корягой на берегу и стал ждать; сидел долго, замерз, но звери так и не вылезли из своего укрытия.

Вспоминаются две другие встречи с выдрами.

Однажды осенью, пробираясь вдоль Большой Уссурки, я издали заметил круги, разбегающиеся по воде. Я подумал, что это утки, и стал осторожно подкрадываться. И, было, уже приготовил ружье, как вдруг неожиданно услышал громкий характерный свист. Приподнявшись над травой и кустарником, увидел на речной глади резвящихся выдр.

Их было трое — одна взрослая и два выдренка. Они беспрестанно гонялись друг за другом, как бы играя в пятнашки, кувыркались, ныряли.

Мне тогда удалось понаблюдать за выдрами всего несколько минут. Мать семейства неожиданно вынырнула почти рядом и заметила меня. Я застыл, и она уставилась на меня своими красивыми умными глазами, шевеля усами и фыркая. Я не выдержал и улыбнулся, выдра тотчас же дала

тревожный сигнал и исчезла. Лишь волны некоторое время плескались о берег да бычок — недоеденный «завтрак» выдр — качался на воде.

Еще одна встреча с этими животными произошла летним днем. Я сидел на обрывистом берегу морского залива, отдыхая от трудного перехода. Погода была тихой и солнечной, а море блестящим и ласковым. Через прозрачную воду хорошо были видны суетливые стайки рыб, разноцветные зонты ленивых медуз, увлекшаяся «рыбалкой» одинокая нерпа.

Вдруг из-за недалекого мыса живыми торпедами вынурнули две выдры — большая и поменьше. Наверное, мать с подросшим дитенышем. Это были стремительные и ловкие существа, одновременно красивые и грациозные. Плавали они виртуозно: то быстро летели по воде, извиваясь своим гибким телом, то как бы вбуравливались в водную толщу винтообразными движениями хвоста, плотно прижав лапы к телу, то плыли точь-в-точь, как дельфины, иногда они, вытянувшись в струну, начинали бешено вертеться вокруг своей оси, покрываясь серебристыми пузырьками, потом врезались в рыбы стаи и затем застывали в неподвижности, распластавшись, словно повиснув в воде.

Что же это за зверь — выдра?

Самая характерная ее черта — прекрасная приспособленность к полуводному образу жизни, причем в воде она чувствует себя гораздо лучше, чем на суше. Можно сказать, выдра — зверь земноводный. Когда она ныряет в воду, специальные клапаны закрывают уши и ноздри и вода не проникает туда. Плавает как рыба, и даже лучше, потому что щуку, ленка или хариуса может поймать легко.

Без видимых усилий выдра преодолевает быстрые потоки горных рек, бурные перекаты. Набрав в легкие воздуха, она способна проплыть под водой 150—200 метров, не показываясь на поверхности 3—4 минуты. Если зверь чувствует опасность, то набирает новую порцию воздуха, лишь чуть-чуть высунув нос из воды. Потом через подводный лаз заберется в потайное убежище и замрет. Вот почему люди так редко видят выдру и так трудно на нее охотиться. На таежных реках я бывал часто и подолгу, с самого детства, а видеть выдру на свободе, в естественной обстановке, мне довелось не более десятка раз.

Вне воды выдра не чувствует себя так уверенно, поэтому держится всегда вблизи водоема, но в случае необходимости может двигаться по суше 1,5—2 десятка километров в сутки. Нужда в пеших переходах может появиться, например, при промерзании рек и озер, где она жила.

По величине выдра зверь средний. У нее крепкое, вытянутое, немного приплюснутое, обтекаемой формы гибкое тело, покрытое красивым очень густым коротким мехом шоколадного цвета со своеобразным серебристым налетом на шее, груди и брюхе, мех водонепроницаем и чрезвычайно прочен. Ни у одного зверя на земном шаре нет такого прочного мехового покрова. Элегантные шапки и воротники из шкурок выдры не знают износа.

В завершение скажем, что у нее длинный, мускулистый и гибкий хвост, у основания толстый, немного уплощенный; небольшая и тоже приплюснутая голова — с симпатичной мордочкой, а на лапах между пальцев — перепонки. Почти такие же, как у уток или гусей. Длина тела около метра, весит она от 5 до 12 килограммов.

Речная выдра распространена широко. Ее нет, пожалуй, лишь в Австралии, на Мадагаскаре, Океанических островах да в таких безводных местах, как Аравия или Сахара. В нашей стране она отсутствует в тундре и пустынях Средней Азии.

Излюбленные места обитания этого зверя — лесные реки с чистой водой, плесами и перекатами, протоками и заливами, ключами и родниками, завалами и заломами из мертвых деревьев в воде и вдоль берегов, зарослями из деревьев и кустарников. В таких реках выдра чувствует себя отлично, потому что в них много корма, а для человека они труднодоступны. Зимой вдоль берегов обычно образуется много подледных пустот, с незамерзающей водой.

Выдра требовательна к чистоте воды и в мутных водоемах обычно не живет, предпочитая им чистые и звонкие горные реки. Однако ее можно увидеть и в озерах, если в них достаточно рыбы и они редко посещаются людьми, особенно охотниками. Живет этот зверь и на морском побережье, особенно любит укрытые от ветров и волн бухты с нагромождениями камней и скалами, потому что там тихо, спокойно, полно корма, есть где укрыться. Не беда, что вода соленая: для того, чтобы попить или умыться, всегда найдется спешащий к морю говорливый ключик или ручеек с пресной водой.

Выдры строго придерживаются своих индивидуальных владений, которые покидают лишь в случае крайней необходимости. В хороших условиях обитания участок взрослого самца занимает 4—6 километров речной поймы или вдвое меньшей — вдоль изрезанного бухтами, заливчиками и устьями рек и ключей берега моря. На таком

участке кроме самца живет его подруга и молодняк, правда, отец держится особняком, хоть и относится к остальным дружелюбно и посещает их часто. А вот других самцов со своих угодий хозяин решительно прогоняет.

Семейный участок обитания выдра знает до мельчайших подробностей. Речные извилины она при необходимости «спрямляет» по суше в самом узком месте. Знает каждую струйку, родничок, ключик, валежину или камень. На участке у нее есть несколько нор, вырытых в крутых высоких берегах. Вход в них не просто скрыт под водой, но еще и замаскирован в корнях деревьев, подмытых течением, или за топляками, а гнезда около поверхности земли, с потайной отдушиной для вентиляции. В них сухо, зимой тепло, а летом прохладно. Полная безопасность и комфорт.

Поведение выдры осмысленно, вместе с врожденной осторожностью и хорошо развитыми органами чувств это позволяет ей успешно избегать разных опасностей и приспосабливаться к меняющимся условиям среды. Она может неделями жить на реке рядом с избушкой охотников, и те о ее присутствии даже не догадываются. В некоторых европейских странах выдра ухитряется жить в черте городов, опять-таки не выдавая своего присутствия. Особенно бдительна она после рождения детенышей — тогда выводок держится в самом укромном месте.

У выдры тонкая наблюдательность и очень хорошая память. Она замечает и сдвинутую с места валежину, и перевернутый камень, и сломанную ветку. Оттого ухищрения охотников часто безуспешны.

Пора подумать о запрете охоты на выдр: она полезна. Разговоры о том, что выдра уничтожает

рыбу, необоснованны. Но именно из-за этого во многих странах ее усиленно преследовали, а теперь, когда почти начисто уничтожили зверя, рыбы стало совсем мало. И тогда люди взяли животное под охрану.

Мне часто приходилось бывать на богатых этим хищником реках Амуро-Уссурийского края: рыбы там много. Не хочу сказать, что выдра не ест рыбу — ее норма 1—1,5 килограмма в день. Но она охотится в первую очередь за малоценными породами рыб. Правда, попадаются ей хариус, голец и другие, но это не беда! Много ли погибнет рыбьего племени, если одна выдра занимает 5—6 километров речной поймы!

К тому же рыба не единственный корм выдры. Она с большим удовольствием ест лягушек и раков, а нередко ими только и питается. Представится случай — ловит водяных крыс. Поедая пескарей, бычков, гольянов, чебачков и прочих сорных и промысловых рыб, выдра приносит рыбному хозяйству большую пользу, потому что те уничтожают много икры, личинок и мальков ценных рыб. Зоолог В. П. Вшивцев, долго изучавший выдру на Сахалине, утверждает, что в деле восстановления запасов кеты, горбуши и других лососевых рыб жизнедеятельность десятка выдр равносильна работе рыбозаводного завода.

Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что, вылавливая в первую очередь больных и неполноценных рыб, выдра активно оздоравливает их популяции.

Выдру не без основания считают зверем благородным. Во-первых, она благожелательна к «соседям» по водоему. Я часто видел, как рядом с выдрой жили норки, ондатры, и она их не трогала. Во-вторых, при всей своей осторожности выдра

дьявольски смела. Она всегда готова, даже с риском для жизни, помочь не только попавшим в беду детенышам, но и просто собратьям. При необходимости без раздумий бросается на крупную собаку или другого опасного зверя и сражается, как гладиатор. И, в-третьих, выдра совсем не кровожадна, как, скажем, колонок или горностай; она ловит рыб, лягушек и раков столько, сколько ей надо для насыщения.

Пойманные маленькими выдрята легко становятся ручными. Они на редкость смывленные, быстро усваивают требования своего воспитателя. В еде неприхотливы, чистоплотны, чрезвычайно подвижны, добры, забавны. С прирученной выдрой можно ходить на речку, купаться, играть. Она и сама способна бегать «на рыбалку» и приносить в дом свою добычу, если ей не будут мешать собаки. Прирученные выдры в большинстве случаев гибнут от крупных безнадзорных псов.

Был я свидетелем такого случая. Двухмесячный выдренок умудрился попасть в капкан, поставленный на ондатру знакомым мне пасечником-охотником в узкой извилистой проточке между озером и рекой. Судя по многочисленным следам, выдра-мать вела своих чад в озеро на лягушек и раков, и одному малышу не повезло. Мать повсякому пыталась выволить детеныша из неволи, но пружина капкана была тугой и цепочка крепкой...

Бедя случилась сентябрьским вечером, когда солнце только-только зашло и на землю спустилась прохлада. И к утру охотник вынул из капкана несчастного едва живым: тело в насквозь промокшей шубке почти окоченело, на передней лапке — закрытый перелом кости и сильный отек. Отпусти его — и мать нашла бы его, но вряд ли она смогла

бы уберечь от гибели столь тяжело пострадавшего и ослабшего детеныша. Пасечник понес выдренка на пасеку, по дороге отогревал его. Хозяин при moistил на прогретом окне дома сухой кедровый ящик, устелил его чистой тряпкой, уложил туда звереныша. Разжег печь, сбегал на речку, наловил там лягушек и раков, которых, знал он, выдры очень любят, развел и подогрел сгущенного молока. Но ведь на поврежденную лапку надо наложить шину. А выдренок в своем сухом теплом убежище тем временем согрелся и осмелел настолько, что выпрыгнул из ящика. Вскочил на подоконник, затем на стол, на табурет — и уже его не видно... Кое-как изловил его пасечник, водворил на место и прикрыл одеялом, чтобы зверек успокоился.

Но хоть и маленький звереныш, а хищный: в руки не дается, злобно шипит и фыркает, бросается, норовя укусить. В глазах — огоньки ярости, в оскаленной пасти — иглы зубов, а во всем облике — решительность и непримиримость. «Это больной-то, а что будет, коль совсем оклемается?» — подумал пасечник. И смастерил он ему из толстостенного корпуса улья да панцирной сетки от старой кровати хорошую клетку. С теплым гнездом, дверцей, миской для еды.

Раненая лапка выдренка снаружи была в грязи, ее пришлось промыть марганцовкой, потом смазать йодом. Поправил косточки, наложил шинки, перевязал. Звереныш бился, кусался, вырывался, кричал. Операцию целиком удалось сделать лишь после того, как выдренка связали, надели ему на голову мешочек и обездвижили, привязав к столу тесемками.

Ухаживал человек за выдренком, лечил его, как родное дите. Назвал Сашкой. Через неделю

Сашка окреп, поправился, хотя еще хромал. Корм брал из рук, к клетке привык. Еще через 7 дней отзывался на свою кличку, позволял себя гладить, почесывать, купать. И необходимость держать его в клетке отпала, он уже бегал по всему дому.

Я увидел Сашку на той пасеке в ноябре, когда ему было около четырех месяцев от роду, и половину своей жизни, т. е. 2 месяца, он прожил у умного и доброго человека. Сашка рос веселым, жизнерадостным, необычайно любопытным и непоседливым существом. Ко мне он поначалу отнесся недоверчиво и настороженно, несколько часов наблюдал за мною из-под кровати, потом с час обнюхивал. Резкие движения или громкие звуки его пугали, и он шарахался. Мало-помалу он свыкся с моим присутствием. Но стоило хозяину тихо и спокойно окликнуть его по имени, как он уже лез ему на руки, как-то странно мяукая и мелодично посвистывая. По рукам он взбирался на плечи, обвивал своим удивительно гибким телом шею и заглядывал в глаза... Просто не верилось: выдренок, проживший с матерью свои первые 2 месяца, знал я, приручается с большим трудом. А тут привык моментально. Все-таки в отношениях с дикими животными человеческие добро и ласка творят чудеса.

Он носился по избе, нисколько не нарушая порядка. Две страсти, как мне показалось, владели им: еда и игра,— хотя и поспать он тоже любил. Но уж если он не спал, то глаза уставали следить за ним.

Ел он быстро и жадно, хотя и понемногу. Но и во время еды играл: резкими движениями головы подбрасывал кусочки пищи и ловко ловил их.

После еды ему непременно нужно было умыться, потом он просился за дверь. И — странное дело — он всегда возвращался домой.

Плавание было для него верхом блаженства. Он резвился на шумных перекатах, исчезал в тяжелых толщах воды и выныривал с чем-то в зубах: с гольяном, раком, а то и просто ракушкой. И тут же принимался за еду. Встряхнулся пару раз, как собака, — и уже сух.

Осторожность в нем сочеталась с отвагой. Забежал как-то пес к пасеке и, увидев играющего выдренка, ринулся на него. Я крикнул: «Сашка!» Он обернулся и заметил страшного врага совсем рядом. Мгновенно оценив обстановку, сообразив, что бегством не спастись, он... бросился на страшилище. Я не смогу описать его атакующий клич, но помню, что был он резкий и громкий. Пугающий. Все произошло так стремительно, что я не уловил последовательности событий, но пес взвизгнул и пустился наутек. Сашка его не преследовал, он застыл в воинственной позе: спина дугой, хвост вверх, оскаленная мордочка... Он угрожающе отрывисто шипел и хоркал, когда пес оглядывался, делал резкие короткие броски в его сторону и кругообразно поводил головой. И лишь когда незванный гость исчез в лесу, Сашка встал столбиком, опершись на мускулистый хвост, и долго тер лапами грудь и брюхо — то ли чистил их, то ли успокаивался после нервного потрясения.

И все-таки мать нашла его. Пасечник рассказывал: «Как-то вижу, Сашка после купания в полынье возится в снегу, сушится, а к нему подплыла взрослая выдра и тихо свистнула. Он вздрогнул, обернулся, и они этак с минуту изучали друг друга. Потом старая ласково замяукала, захоркала, запищала — вроде бы что-то рассказыва-

ет ему. И он пошел к ней. Стали обнюхиваться, говорить по-своему... Сжалось мое сердце, первым делом захотелось застрелить взрослую, и малопулька-то висела рядом, да потом устыдился: мать ведь с сыном после долгой разлуки неожиданно-негаданно встретились... Увела она его. Через неделю, видел я по следам, прибежал мой Сашка к дому, но меня не было, дверь была заперта. Мать от избы его уволокла, да, видно, потом увела подальше от пасеки. Я потом часто думал: какое счастье, что не выстрелил тогда в выдру. Уж больно эти звери умны, смелы и, можно сказать, интеллигентны. И знаешь — все надеюсь: придет Сашка повидаться со мной, придет. Ведь я же ему как внучику дедушка».

Нет, я решительно верю, что со временем, и, быть может, очень скоро, люди повсеместно перестанут охотиться на выдр! Стоит ли губить такое великолепное и полезное, дружественное животное!

Такая мера давно назрела: не только в других странах, но и во многих, если не во всех регионах Советского Союза, численность выдры сократилась угрожающе. Их трех ее подвидов два — кавказская и среднеазиатская — включены в Красную книгу СССР. Обыкновенной выдры в таежных сибирских и дальневосточных реках еще не настолько мало, чтобы немедленно бить тревогу, но уже и не так много, чтобы не подумать о запрете на охоту.

Я помню, сколько было выдры на Сихотэ-Алине в середине 60-х годов. Теперь ее там в 10 раз меньше, как, впрочем, и на Сахалине, Камчатке, в Приамурье.

ЮЖАНКА В СНЕГАХ СИХОТЭ-АЛИНЯ

Было это зимой в горах Сихотэ-Алиня. Я взобрался на крутой приречный утес и выбирал ракурс для съемки заснеженной долины, как вдруг насторожился, услышав шум приближающегося зверя. И действительно, прямо ко мне мчалась кабарга. Не трудно было догадаться, что она искала спасения от преследователей именно на том утесе, где я стоял, но освобождать его было поздно. Кабарга метнулась вдоль склона горы, а через несколько мгновений за нею промчались три харзы. Одна бежала выше кабарожьего следа, другая — по нему, а третья прыгала ближе к реке. Бег их был стремителен, прыжки 2—3-метровые, животные легко перемахивали через валежины, оставляя за собой снежные вихри.

Та харза, что неслась выше кабарожьего следа, на моих глазах стремительно взбежала на полуповаленный ясень и, задержавшись на его вершине, чтобы решить, что делать дальше, легко спрыгнула с 10-метровой высоты, пролетела стрелой по дуге метров пятнадцать и исчезла в снежной коловерти. А через минуту все стихло.

Зная, что кабарге трудно спастись от зорких и упрямых харз, я решил по следам прочитать все, что произошло потом.

Кабарга стремилась завернуть в гору, потому что со своими сильными и длинными задними ногами вверх по склону она бежит быстрее харз, но одна из хищниц все время оттесняла ее вниз к реке, где кабарга была бы беспомощна. И харзы-

таким «прижали» свою жертву к берегу, выгнали на наледь, а там охота быстро закончилась.

Я увидел их издали: на льду, слегка припорошенном снегом, резко виднелись пестрые харзы, темно-бурая кабарга и алые пятна крови. Звери уже успели отведать свеженины и тянули добычу к берегу...

Харза — типичный представитель горно-лесной фауны Амуро-Уссурийского края. Кроме Приморья и Приамурья, в Советском Союзе она не живет нигде, если не считать ее редких заходов из Китая в Забайкалье. Родина харзы — страны Юго-Восточной Азии, а потому этого зверя иногда называют непальской куницей. Она и относится к семейству куновых.

По сложению тела она напоминает нашу русскую куницу, только размерами значительно крупнее. Самцы весят до 6, самки — до 4 килограммов. Длина тела у самца 50—72, редко до 80, у самки — 45—62 сантиметра. Хвост у харзы длинный и тонкий, составляющий примерно две трети длины тела. Благодаря такому хвосту шустро бегающая по деревьям харза смахивает на мартышку. Тело ее вытянутое, гибкое и сильное, шея длинная, голова небольшая, остромордая, ноги умеренной длины со слабо опушенными лапами и острыми круто загнутыми когтями.

Мех этого хищника короткий, жесткий, блестящий и очень пестрый и в общем красивый: верхняя часть головы черно-бурая, на шее и на спине приобретает буровато-желтый, золотистый оттенок, а ближе к хвосту вновь становится черно-бурым. Подбородок и нижняя губа белые, горло и грудь оранжево-золотистые, бока и живот ярко-желтые, лапы и хвост черные. Почти все цвета радуги, но в каком гармоничном сочетании! Яр-

кая, характерная для тропических животных окраска!

Разницы между летним и зимним цветом меха у харзы нет, да и вообще отличия небольшие: зимняя шерсть у нее сравнительно короткая, жесткая и гладкая, подшерсток далеко не столь густой и теплый, как у северных родственников по семейству. Подушечки лап почти голые. Все это еще раз подтверждает, что харза — выходец из теплых стран, и ей, южанке, в зимних снегах Амуро-Уссурийского края живется нелегко. Глубокоснежных районов она определенно избегает, так как в снегу, особенно рыхлом, проваливается по грудь.

Харза любит селиться в долинах рек, где снегу всегда меньше, чем в горах, постоянные наледи облегчают передвижение, обилие валежин и дуплистых деревьев способствует устройству гнезд. Да и живности в долинных лесах гораздо больше, чем по склонам гор, особенно в пихтово-еловых таежных лесах, которые харза определенно не любит. Однако это вовсе не значит, что она обитает только в долинах рек.

Харза, если она не спит, пребывает в непрестанном движении. Быстро бегают по земле, замечательно ловко лазают по деревьям. Благодаря острым когтям и удивительно подвижным длинным пальцам она одинаково свободно взбирается на дерево и спускается головой вниз.

Как-то в лесах Сихотэ-Алиня харза попала пальцем в капкан и осталась цела и невредима. Мой знакомый вынул ее из капкана, отнес в зимовье, потом привез в село. Харза вела себя довольно миролюбиво, ела мясо, пила воду. Но в руки не давалась. При попытке поймать ее начинала бегать по квартире в сильном возбуждении. Дви-

жения ее были невероятно стремительны и ловки, прыжки огромны. Она, как птица, летала из угла в угол, с пола на шкаф, по стене взбиралась под потолок и бегала там по тонкой трубе паропровода. По стене лазала свободно, как огромный жук. Особенно поражало, как ей удавалось держаться на ровной стенке головой вниз. Это было непонятным, пока мы не рассмотрели ее пальцы с острыми когтями: оказывается, они развертываются почти на 180 градусов относительно их нормального положения.

Потом харза заболела и сникла. На голове у нее образовался большой гнойник, превративший все темя, лоб и нос в сплошной струп из спекшейся крови, гноя и омертвевшей ткани. Казалось, дни харзы были сочтены. Жалко стало ее, притихшую и присмирившую, и мы решили попытаться спасти зверя.

Больная вела себя спокойно, всем своим видом показывая, что все понимает: и то, что мы желаем ей добра, и что вряд ли возможно спастись, и что надо быть терпеливой, снося адскую боль.

Мы вскрыли абсцесс, очистили рану и присыпали порошком стрептоцида. Через 10 часов эту операцию повторили, потом еще и еще раз. Через два дня харза оживилась, начала есть и пить, а через неделю была здорова. Верхняя часть головы вместо кожи покрылась соединительной тканью. К зверю полностью вернулась былая подвижность.

Харза встречается в различных типах леса: в широколиственных, особенно дубовых, кедрово-широколиственных, смешанных, изредка забредает, особенно летом, в пихтово-еловую тайгу верхнего пояса гор. Но повсюду она редка. Больше всего ее на юге Приморья, но и там на десятке

квадратных километров лесов редко когда встречается 3—4 харзы, чаще 1—2. А к северной части ареала ее становится все меньше и меньше. На Среднем Сихотэ-Алине 1 особь встречается на 50—100 квадратных километрах, а в Хабаровском Приамурье и того меньше.

В 1970 году численность харзы в Амуро-Уссурийском крае составляла 2,5—3,5 тысячи особей, из которых большая часть жила на Сихоте-Алине, теперь же этого зверя стало в 2 раза меньше.

В Гималаях и на Тибете харза обитает в основном в поясе смешанных лесов на высоте от 1200 до 3000 метров над уровнем моря, однако она часто заходит и вверх до альпийской зоны и спускается в равнинные субтропические леса и джунгли. Везде ей привольно, везде она легко добывает себе пропитание. Кажется, избегает она лишь безлесья, болот да снежных районов высокогорья. Однако нигде многочисленной тоже не бывает. Это естественно редкий хищник.

Индивидуальные участки для харзы мало характерны, они есть у самок с детенышами в теплый период года. Зимой эти звери широко кочуют, у крупной добычи задерживаются и живут, пока не съедят все. Иногда, обнаружив павшую или разделанную охотниками тушу животного, устраивают гнездо поблизости и долго пируют, не отходя далеко.

Мне приходилось видеть остатки съеденных харзами изюбров и кабанов. Их совершенно смерзшаяся шкура сохраняла первоначальную форму, а внутри были только крупные кости: харзы прогрызали в туше дыры и постепенно выедали внутри буквально все, не трогая костей и шкуры.

Они часто живут семьями по 3—5 особей или парами. Охотятся сообща, по всем правилам коллективной охоты, выгоняя свои жертвы на лед реки или на засаду. Харза — зверь ловкий, сильный, выносливый и довольно жадный. За сутки пробежать 20 километров ей ничего не стоит. Нагрянув в очередной распадок, хищники за 1—2 дня находят все, что их интересует. Они неутомимы и одинаково проворны и на земле и на деревьях. Отлично ловят даже белку и соболя, если те не успевают скрыться в небольшом дупле или норе.

Во время охоты харзы идут «фронтом», обычно в 10—20 метрах друг от друга, но иногда расходятся на сотни метров или собираются в цепочку, тщательно обследуют местность и все деревья от корней до вершин. При этом они перекликаются характерными хоркающими звуками и подтягиванием, и действия их всегда согласованы: каждый зверь, видимо, хорошо знает, что в данный момент делают другие, четко обмениваются информацией.

Кроме кабарги, зайцев, белок, разных птиц, в том числе и рябчиков, харзы иногда охотятся на барсуков, енотовидных собак, молодняк косули, пятнистого оленя, изюбра и кабана. Не щадят мышей, бурундуков, пищух, колонков, норок. Изредка едят ягоды, орехи, умеют и рыбу ловить, особенно лососевых во время их массового нерестового хода.

Но основная жертва харзы в Амуро-Уссурийском крае — кабарга, составляющая около 50% массы ее годового корма, а зимой и того больше.

В распределении местообитаний этих хищников есть интересные особенности. Кабарга — обитатель мшистых пихтово-еловых лесов таеж-

ного типа, произрастающих в верхнем поясе гор, причем чаще выбирает уголья, которые явно не по нутру харзе, зимой определенно предпочитающей долины таежных рек. Но в ряде мест ельники и пихтачи «мысами» спускаются к рекам — их-то харзы регулярно и обследуют. Единственный лесной пояс, где обитают и харзы, и кабарга — кедрово-еловые леса с широколиственными деревьями. В них чаще всего и разыгрываются лесные драмы.

Кабарга зимою почти никогда не уходит от харзы. Из разобранных мною по следам 12 случаев погони в 11 развязка наступила не далее 3—5 километров. Очень быстро харзы догоняют кабаргу по насту и наледям. Гораздо труднее им достается эта добыча в горах, вдали от рек, но они находят ее и там. Объединившись, они ищут свежие следы кабарги, а потом выслеживают ее. Находят быстро, погоня длится гораздо дольше.

На всем своем огромном азиатском ареале кабарга спасается от четвероногих хищников на высоких скалистых «отстоях», а на Сихотэ-Алине она не находит убежища от харз, они и там ее достают. Остается одно спасение — бегство. А так как кабарга чрезвычайно крепко привязывается к индивидуальному участку обитания, то и уходит она от врагов кругами. Харзы это знают и поэтому одни не спеша преследуют, другие маскируются в засаде на замкнувшемся кабаржьем круге... Совсем как и росомахи.

Но далеко не везде, где живут харзы, обитает кабарга. На юге Приморья, например, харз сравнительно много, а кабарги нет. Зато здесь обычна косуля, и на нее «южанки» охотятся довольно успешно. Группами, конечно, потому что одной харзе

поймать быстроногую косулю очень не просто, а тем более задавить — тут приходится организовывать охоты загонном, нагоном, в засадах. По части коллективных охот харзы мастерицы.

Но вот что интересно: эти хищники очень любят мед. В Маньчжурии их даже называют «медовыми собаками». Найдя диких пчел, харзы обязательно разорят их улей. Рассказывают, что звери опускают в улья свои длинные хвосты, вымазывают в меде, а потом облизывают. Приходят они и на пасеки, чтобы полакомиться медом, но там в узкий леток, да еще снизу, хвост не просунуть, остается отгрызать углы или поднимать крышки ульев. Эти попытки не всегда успешны.

Выделения прианальных желез у харзы, как и у росوماхи, с очень резким и стойким запахом. Случалось наблюдать, как этот хищник вытаскивал барсуков из нор. Вероятно, это ему удастся лишь после «газовой атаки», от которой чистоплотные барсуки впадают в обморочное состояние. Иначе харза вряд ли справится с барсуком, скорее он ее задавит, тем более в своей норе, где хозяину и стены помогают.

Гон у харзы бывает летом, в июне—июле. Как и у большинства животных, самцы с боем завоевывают право оставить потомство, и это удастся лишь сильным и ловким. Во время гона харзы утрачивают обычную осторожность, к ним можно подойти почти вплотную.

Однажды я долго шел по напоенному июльским зноем уссурийскому лесу, к вечеру изрядно устал и присел на поляне у подножья крутой, густо заросшей кедрами, дубами, ильмами, бархатом сопки. Томительную тишину нарушали птичьи голоса, загадочные лесные шорохи, вдали чуть слышно звенели переливы горной реки.

В какое-то мгновение эту тишину пронзили резкие звериные голоса, послышался шум быстро приближающихся животных. Через минуту на поляну, буквально под ноги, выскочили 2 крупные харзы и слились в ярко-пестрый мечущийся клубок, из которого летели клочья шерсти; обе остервенело кричали. Драка была настолько свирепой, что я подумал: кто-то из них, конечно, погибнет. Я попытался спугнуть их своим криком — никакого внимания. Только третья харза, которую я, видимо, сразу не заметил, метнулась в лес, и я решил, что это самцы дерутся из-за самки.

Я уже закладывал в ствол ружья холостой патрон, но один из драчунов в мгновение ока вскочил на дерево и улегся на нижний сук, открыв пасть, тяжело дыша и зло сверкая глазами. Сдался, видимо, уступил. До смерти драться не пожелал. Победитель тоже не стал добивать противника. Он был удовлетворен победой. Сначала лег, было, и стал зализывать раны, но, вспомнив о причине драки, умчался вслед обольстительнице. Неудачник спрыгнул с дерева и понуро поплелся в другую сторону — «третий должен уйти».

Детеныши появляются весной. Их обычно 3—4, но бывает и больше. Однажды нашли гнездо харзы, в котором было 8 щенят. Растут они быстро и уже к осени становятся почти такой величины, как взрослые. С этого времени и всю зиму родители обучают молодое поколение, охотясь семьями.

Раньше часто писали о том, как вредны харзы, и призывали к их уничтожению. Вероятно, эти призывы в какой-то мере имели обоснование: 20—30 лет назад эти хищники были более многочисленны. Сейчас же поголовье сильно сократилось, наносимый ими вред очень незначителен,

и этого зверя не только нельзя уничтожать, но пора взять под охрану. Не будем забывать, что харза — очень характерный представитель неповторимой фауны амуро-уссурийских лесов, а в других краях нашей страны этого зверя нет.

Я внимательно слежу за изменением численности харзы, оно вызывает определенное беспокойство. Еще двадцать лет назад хищница была обычной в кедрово-широколиственных лесах левобережного Приамурья, теперь же там она крайне редка. И на Северном Сихотэ-Алине ее все меньше и меньше. Северная граница распространения харзы быстро отступает к югу...

МАЛЕНЬКИЕ ХРАБРЕЦЫ

В полночь выпала пороша, к утру прояснилось, а когда побагровевшее от холода солнце осветило гребенки лиственниц на недалеком горном перевале, красный столбик термометра оцепенело застыл у цифры 38.

Нам с проводником предстояло сделать небольшой переход за перевал — этак километров пятнадцать; дорогу мы знали, а потому, «уходя от мороза», двинулись часов в одиннадцать, когда солнце уже вошло в свою невеликую зимнюю силу и снег заискрился удивительной чистотой и свежестью.

С нами бежала небрежно, но легко и красиво, забросив скрученный в кольцо хвост на спину, крупная лайка — опытный и испытанный охотничий пес. Она старательно прочесывала тайгу, не оставляя без внимания ни вывороченное дерево,

ни еловую крону, ни пустоты в корнях или камнях. И даже в снег то и дело совала свой нос, приносясь, а потом отфыркиваясь.

Деловито заглянув под валежину, собака вдруг заволновалась и, завиляв хвостом, исчезла под ней, но тут же выскочила с другой стороны и кинулась в густую и дружную семью старых елей у ключа. А через полминуты залаяла, да так звонко и азартно, что мы решили: соболя взяла.

Лайка вертелась вокруг кучи снесенного летним паводком мусора, совала нос под него то там, то здесь, взволнованно сопела, фыркала, взлаивала и поскуливала. Зверек находился, конечно же, под мусором, и мы стали помогать собаке, вороша его палками. Мелькнуло раз и два в этой куче что-то белое, и тут пришло разочарование: не соболь там был — горноста́й.

А собака металась от резкого запаха, с помощью которого зверек оборонялся, она фыркала, кашляла, даже пустила слезу, но не отступала.

В какой-то миг устоявшуюся густую тишину морозного воздуха вдруг разорвал истошный, отчаянный и обиженный собачий лай, даже не лай, а визг. Собака трясла головой, пытаясь сбросить горноста́я, вцепившегося ей в нос зубами и когтями. И было так странно видеть здорового пса, атакованного крошечным зверьком, в котором весу было раз в сто меньше. Да и атака была невиданно дерзкая и беспредельно отважная.

Мы кинулись выручать собаку и уже были рядом, как горноста́й пружинисто оттолкнулся от собачьего носа, взвился в воздух, отскочил метров на пять, зло оглянулся на нас, а потом легкими и уверенными прыжками понесся к полуповаленной валежине и вскочил на нее.

Горностай в зимнем наряде

Собаке стало не до горностая — она слизывала кровь, капавшую с носа, повалившись на снег. Я торопливо полез в рюкзак за фотоаппаратом и помчался к валежине, на ходу расстегивая футляр, взводя затвор и устанавливая выдержку. А горностай как бы позировал, его застывшая маленькая грациозная фигурка была воплощением энергии, ловкости, смелости, и, пожалуй, весь его вид говорил о чувстве собственного достоинства. Он неподвижно стоял столбиком, опустил передние лапки вдоль живота, на фоне черной коры валежины выделялось его белым-белое тело, а на мордочке антрацитово чернели бусинки глаз и кончик носа темнел в центре жесткого веера светлых усов. Только хвост с угольно-черным,

будто тушью окрашенным кончиком, ходил туда-сюда, то поднимаясь восклицательным знаком, то изгибаясь вопросительным, то скручиваясь восьмеркой — это выдавало волнение и напряженность зверька. Таким он и врезался в мою память.

Когда я, суетясь с фотоаппаратом, подошел к горностаю непозволительно, с его точки зрения, близко, он опустил на передние лапки, выгнув спину дугой и стал... угрожать мне. Поводил головой, шипел по-змеиному, яростно и громко стрекотал, злобно поблескивая бусинками глаз, и даже показывал тоненькие лезвия клыков. Просто не верилось: во внешне безобидном, очень милом, симпатичном зверьке в нежной меховой шубке бурлила такая смелая, безудержная решимость.

Я уже приготовился щелкнуть затвором, но зверек вдруг оказался в тени. Подождав немного, я отломил длинный прут высохшей лещины и попытался осторожно заставить подвинуться горностаю на солнце. Но тот так напружинился, следя за кончиком прута и моим лицом, что я определенно почувствовал: он готов вцепиться в мой нос так же решительно, как и в собачий. Я не стал рисковать и бросил прут. А горностаю метнулся белой молнией прочь и тут же исчез. Как сквозь землю провалился. А точнее — не сквозь землю, а под снег нырнул.

А вечером я слушал рассказ моего спутника о том, как маленькая ласка, защищая своих крошечных детенышей, атаковала собаку и тоже вцепилась в нос, обратив ее в позорное бегство. Мне крепко запомнились слова собеседника: «Нет на свете животных смелее этих чертенят. Обороняясь от врага, а особенно оберегая щенят, они и на тигра бросятся, не имея никакой надежды на успех».

И что же это за звери — горностай и ласка? Настоящие звери. Еще и хищные. Только из хищников самые что ни на есть мелкие: масса взрослых самцов горностаев всего около 200, редко 230—270 граммов, самочки же обычно почти наполовину легче. А ласки еще меньше: самцы чаще всего тянут... 70—80, а их подруги — 40—50 граммов. Для сравнения напомним, что обыкновенная черная крыса имеет массу 200—250 граммов, достигает и полукилограмма, а иногда даже бывают тяжелее.

И все же горностай и ласка — типичные хищные млекопитающие и по строению тела, и по образу жизни. А повадки и поведение более хищные, чем, скажем, у барсука, енотовидной собаки или белого грудого медведя.

Но давайте познакомимся с нашими маленькими героями поближе. У них много общего: миниатюрность, изящное сложение очень гибкого и относительно длинного тела с маленькой головой, короткие ноги, мягкие бесшумные движения. Они вертки и ловки, смелы и решительны, злы и кровожадны, а сильны далеко не по размерам; очень подвижны, быстро бегают, хорошо плавают и даже ныряют, уверенно шныряют не только в завалах камней, валежника и хвороста, но и под снегом, лазают по деревьям. Кажется, только летать они не умеют. Настоящие спортсмены-многоборцы в самом что ни на есть наилегчайшем весе.

И окрашены горностай и ласка сходно: летом у них спинки коричневые с различными оттенками, а животики белые, причем граница резкая, без переходов. Осенью, к выпадению снега, они, вылиняв, становятся чисто-белыми. Только у горностая кончик хвоста черный.

Горностай в летнем наряде

На юге, где зимы теплые и снег долго не лежит, эти зверьки не белеют, но что интересно: если их поймать зимой уже вылинявшими и перевезти, скажем, в Сибирь с ее снегом и холодами, они... побелеют, причем быстро: дней этак за 5—7. Если же перевезти «южан» в холодный край в конце лета, они, сменив шубку, непременно оденутся в белоснежный наряд.

Бывает и так, что и на южные края обрушится необычно морозная и снежная зима, тогда ласка и горностай побелеют. Просто удивительна эта способность менять цвет зимнего волосяного покрова в зависимости от погоды.

Вы, наверное, уже поняли, что эти зверьки живут и на севере и на юге. Действительно, они распространены очень широко, почти по всему огромному Евразийскому континенту и в Северной Америке. В нашей стране их нет, пожалуй, лишь на ледяных Арктических островах да в зной-

ных пустынях Средней Азии; но небольшое уточнение: на севере, в лесотундре и тундре, горностай себя чувствует увереннее ласки, и его там раз в пять больше; а в степях и полупустынях — наоборот. Обычны и многочисленны эти зверьки в лесостепях, разреженных рубками и пожарами лесах, в зарослях кустарников вдоль водоемов и вокруг сельскохозяйственных полей, на травянистых пустырях. Не избегают окультуренных ландшафтов и даже различных строений, а в стогах сена и скирдах соломы ласок бывает просто много. Но все же больше всего их в лесной зоне.

Горностай и ласка легко приспосабливаются почти к любым природным условиям Северного полушария, была бы пища. А питаются они главным образом мелкими зверьками: мышами, полевками, леммингами, хомяками, крысами, сусликами. При случае ловят лягушек и ящериц, мелких птиц, ондатр — словом все, что осият. Горностай сумеет даже поймать рыбу и задавить змею.

Говорят и пишут, как эти крошки ловили взрослых зайцев, глухарей, даже в орланов вцеплялись и будто бы на досят нападали, но этого я не видел и в это не верю. Я понимаю, что храбрости и решительности горностая и ласки нет предела, но им свойственно и острое чувство осторожности и благоразумия, которые только украшают смельчаков. Истинная отвага не должна быть безумной.

У каждого хищника есть излюбленная жертва: у белого медведя — тюлень, у тигра — кабан или олень, у волка — косуля, джейран; у горностая это водяная крыса, а у ласки — мышь или полевка. Вот потому-то горностай постоянно жметя к закустаренным берегам водоемов, заболоченным старицам и кочковатым болотам с «бордюрами» тростника и тальника вокруг них, где водится

водяная крыса. Ее не трудно поймать, она вкусна и крупна, а ее нора — готовое гнездо для горноста. Тем более что он не любит и не умеет рыть землю.

А ласка живет почти повсюду, потому что мыши и полевки тоже почти везде есть; ловит она их легко и ловко, нет им от своего грозного врага спасения нигде, даже в собственных норах, потому что он залезает в них без труда. Горноста в сутки съедает 1 водяную крысу или 2—3 полевки (мыши). Аппетит ласки не намного меньше, она хоть и уступает горноста по величине, но ведь чем меньше животное, тем интенсивнее процесс обмена веществ в организме, относительно выше пищевые потребности. Тигру и льву, например, в день достаточно мяса около 5—6% собственной массы, а вот крошечные землеройки — самые маленькие млекопитающие — в сутки съедают животной пищи столько, сколько весят сами, и даже больше. Оставьте такую на 8—10 часов без пищи, и она погибнет от голода. Вот и ласке есть надо часто. Допустим, поймала она полевку и насытилась, а ведь через 3—4 часа пища пройдет через весь желудочно-кишечный тракт и снова зверьку нужен корм.

Ласка-самка во время беременности ловит в среднем 1,5 полевки или мыши в сутки, в период выкармливания детенышей — 2, а когда они подрастут — 4 грызуна в сутки. За 3 месяца 220 грызунов, а за год — около 900. И самцу не меньше надо — он крупнее и энергичнее.

Но ведь случается, что ласке не до охоты — скажем, снегопад, ураган, пурга. А есть-то надо, потому что жировых запасов у нее и у горноста тоже кот наплакал. Жир спортсмену, да еще легчайшего веса, ни к чему. Вот потому-то эти

Ласки в летнем наряде

зверьки так заботливо запасают пищу впрок. Случалось в их кладовых находить по несколько десятков задавленных зверюшек. Сплошь да рядом эти запасы зверьки не используют. А если учесть, что всякий хищник предпочитает есть свеженину, то не удивительно, что ласка за год убивает около 2000 мышей и полевок. Это один из немногих примеров, когда ненасытность хищника очень полезна человеку. И вот почему.

Одна мышь, например, уничтожает до 10 килограммов зерна в год. Вот и посчитайте, сколько его сберегает нам одна ласка. А ведь эти грызуны еще и вредят лесу, распространяя опасные болезни.

Много общего и родственного у горностая с лаской, а все же это разные виды, и, следовательно-

но, у них есть нечто, свойственное конкретному виду. Различия сказываются прежде всего в размножении.

Горностаи более плодовиты, чем ласки: у него бывает до 18 и даже 20 щенят, но чаще всего 6—8, а у ласки до 8—10 (обычно 4—6) в выводке. Но детеныши ласки становятся взрослыми в 2,5, а у горностая — в 3—4 месяца. Он приносит потомство раз в год весной, у ласки же щенята могут быть с мая по октябрь, в европейских странах даже зимой, иногда она может приносить в год два помета, а в неволе этот зверек размножается и трижды в год. Уместно будет сказать, что биологию ласки и горностая по-настоящему начали изучать сравнительно недавно и поэтому тайн еще много.

Детеныши появляются на свет невообразимо маленькими и беспомощными. У горностая они весят в среднем около 2 граммов при длине тела 4—5 сантиметров, а у ласки — 1,5 грамма — длиной со спичку. Голые, слепые, глухие, беззубые — червячки червячками!

Но как быстро они растут и развиваются! За первую неделю становятся почти в 2 раза тяжелее; ласки в месячном возрасте, а горностаичики в 5 недель весят всего наполовину меньше взрослых, видят, слышат и почти во всем похожи на родителей. Молодые ласки в двухмесячном возрасте, а горностаи двумя неделями позже уже умеют охотиться и добывать себе корм, а еще через 2 недели начинают самостоятельную жизнь. Более того: трехмесячные самочки горностая способны продолжать род.

Но что еще интересно: у детенышей горностая и ласки через несколько часов после рождения проявляется характерная рефлекторная особен-

ность собираться в общую кучу. Их будто магнитом тянет друг к другу. Да так плотно они сцепляются лапками и тельцами, что не так-то просто разъединить их. Когда все же их удастся расцепить, они снова, попискивая, сползаются и сцепляются. А почему? Да потому что в тесноте теплее и безопаснее. И чем холоднее в гнезде, тем крепче сцепляются детеныши.

Ну а когда становится жарко, живой клубок распадается, щенки хотят прохлады. В этом им активно помогает заботливая мать, она регулирует температуру в гнезде: когда проветилирует его, когда утеплит. Ей важнее не допустить перегрева детенышей — от него они могут погибнуть. А к охлаждению крошки удивительно стойки. Бывает, малыши остынут до оцепенения, но отогреет их мать, и они оживут.

Рефлекс сцепления детенышей (так его назвал ученый Д. В. Терновский) ослабеваает к их прозрению. Теперь у них проявляется могучая энергия и любознательность, они начинают познавать тайны окружающего мира. Они интересуются буквально всем, но на первых порах больше друг другом, отчего почти все время играют между собой и шумно попискивают, щебечут, шипят, визжат, издают трели. И это не просто звуки — это содержательная и эмоциональная «речь».

Немного позже мать выводит из нор своих детенышей для обучения премудростям жизни. На воле они семенят за матерью плотной цепочкой, чуть ли не уцепившись друг за друга. Передний — самый крепенький — уткнулся мордочкой в хвост матери, следующий — в хвостик переднего и так далее. Будто маленький паровозик с крошечными вагончиками петляет меж

деревьев, кустов, кочек. А если кто отстанет или выбьется из силенок, другие тянут его за ухо в цепочку — не смей покидать дружную семейку! Рассказывают, что самый сильный из детенышей вроде поводыря — первый помощник матери.

Недолго длится пора детской беззаботности у щенков, но как она суматошна! Игры, ссоры, примирения, опять игры. Будто предчувствуют скорую трудную и суровую пору и хотят наиграться на всю жизнь.

Самостоятельное существование молодняка начинается с поисков свободного участка. Родители позволяют какое-то время пожить детям в своем доме, но с каждым днем все настойчивее подталкивают их к устройству собственной жизни. И ищут еще недавние детеныши свободные уголья, устраиваются там и специальными пахучими метками заявляют о занятости их территории.

Ласке-самочке для жизни надо всего несколько гектаров, самцу побольше — иному до четверти квадратного километра. Бывает, на участке самца живет его подруга. Вроде бы покушение на личную собственность — ан нет! Он охотится в основном на поверхности земли, а она — в мышиных подземельях. Даже если диаметр норы грызуна всего 2,5 сантиметра, все равно ласка в нее заберется. О как панически боятся мыши и полевки этого микрохищника, своего грозного врага! И как трудно найти им спасение от него!

Ну а горностаю жизненного пространства надо чуть побольше, но и ему хватает квадратного километра. Часто этот зверек всю зиму охотится на десятке — другом гектаров. И у горностаев индивидуальный участок самки в 2—3 раза меньше, чем у самца. Самки и бегают меньше: 1—2 ки-

лометра в сутки, самцы же иной раз до 6—8 километров пробегают, причем не столько охотятся, сколько свой участок охраняют от пришельцев.

Не много места надо ласке для жизни, однако численность ее в общем невелика. Бывает, на 1 квадратном километре их живет 15—20 особей, а на соседних угодьях нет совсем.

Горноста́й распределен по территории более равномерно, и вид многочисленнее. Например, в Барабинской лесостепи, на севере Казахстана, по долине Оби, Лены, на северо-востоке Якутии их десятки, сотни тысяч. Однако в обширных лесах, особенно горных, за Полярным кругом и в степях горноста́я сравнительно мало.

До недавнего времени не было ясно, когда и как долго охотятся зверьки. Одни говорили — только ночью, другие — утром и вечером, а третьи утверждали, что и днем зверюшки промышляют.

А недавно ученые отловили несколько горноста́ев, прикрепили к ним крошечные радиопередатчики и выпустили на свободу. За каждым из них стали тщательно следить с помощью радиопеленгаторов. И выяснилось следующее. Оказывается, у горноста́ев в сутки 5—7 периодов активности общей продолжительностью 4—5 часов. Охота продолжается от 30 до 70, в среднем 45 минут, потом зверек, наевшись, отдыхает. На поимку добычи у него уходит около двух часов. Активны днем и ночью, но одни особи более ночью, другие — днем. Самцы охотятся успешнее самок.

Вот и еще один пробел в биологии маленького хищника ликвидирован, а их еще немало. Чем больше животных изучают, тем больше воз-

никает вопросов. Жизнь братьев наших меньших мы знаем гораздо хуже, чем нам кажется.

Ласка, к счастью, никогда не представляла ценности как пушной зверек — слишком мала ее шкурка. А теперь, оценив огромную пользу, которую приносит этот миниатюрный хищник, охоту на него во многих краях и областях уже запретили.

А вот шкурка горностая ценится еще с давних времен, когда в белоснежные горностаевые мантии облачались царствующие особы и вершители правосудия. Правда, в наше время царей и королей поубавилось, на зверофермах научились разводить белых норок, а потому и спрос на шкурки горностая тоже поубавился. Ну и хорошо! Пусть живут маленькие храбрецы! Пусть помогают людям в их многовековой, но пока не очень успешной борьбе с вредными грызунами!

Будем надеяться, что со временем горностаи и ласка подружатся с людьми и станут жить рядом с ними. И в борьбе с мышами и крысами они, вероятно, будут энергичнее многих избалованных, обленившихся котов, предпочитающих свободной охоте миску с молоком, рыбку или кусок колбасы.

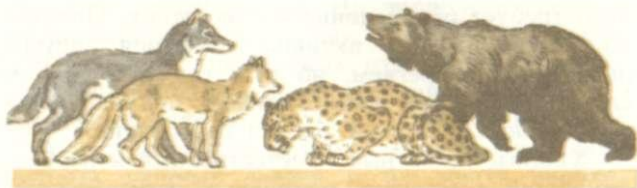
...Как-то поймал я молодого горностая возле таежного зимовья и посадил в клетку. Два дня он буйствовал, выказывая свирепость характера, но потом успокоился, начал принимать пищу. Через неделю привык, и я его выпустил из клетки, заделав предварительно в полу все щели. Мышей и полевок тогда было много, и он с ними быстро расправился. Гнездо устроил в старом сапоге в дальнем углу под нарами. И настолько осмелел, что корм начал брать из рук.

Мы стали друзьями. Малыш любил сидеть на моем плече, даже подремать залезал ко мне

под бок в спальный мешок. Вечером, когда я возвращался после дневных походов, встречал меня радостным стрекотом. Ужинали часто вместе.

Как-то он шмыгнул из избы, и я подумал: все, сбежал! Но он и не собирался покидать меня: вечером, вереща, заскребся в оконце.

А совсем недавно наведаясь я на кордон знакомого лесника и еще раз поразился. Сидели мы на крыльце, любовались восхитительной осенней раскраской тайги, вспоминали свои былые походы по ее дебрям. И совершенно для меня неожиданно на крыльцо как с неба свалилась пара ласок. Крошечные, подвижные как ртуть. Уделили незнакомому им существу несколько мгновений, изучая его, встав столбиками. И словно спрашивая, кто это, вскочили на плечи моего собеседника и тихо заверещали ему в ухо. А тот мне объяснил, улыбаясь: «С весны у меня живут. Подобрал чуть не совсем околевших, еще голеньких крошек. Отходил их, взрастил. И они не уходят. Сдружились мы... За день приносят из лесу по десятку мышей да полевок. Никаких котов теперь мне не надо. Но как интересно с ними жить стало!»

РАЗГОВОР НЕ ОКОНЧЕН...

Книга природы есть неисчерпаемый
источник познаний для человека.

Вольтер

Короткими получились рассказы о хищных зверях, а каждый из них достоин отдельной книги. Но я буду счастлив, если эти рассказы заинтересуют читателя и он захочет свести с героями этой книги более тесное знакомство. И чем дольше изучаешь диких животных, тем больше убеждаешься в том, что знаешь о них недостаточно, что в их поведении остается много неизвестного, неразгаданного, мудреного. В первую очередь, очень сложны, противоречивы и во многом драматичны взаимоотношения человека с хищниками.

Они — прирожденные охотники, соответственно и вооруженные природой-матушкой. Но плотоядность — это не кровожадность, а занятие охотой — вовсе не порок. Охотников много и среди людей, и это вполне благородная страсть, настоящее мужское дело.

Охота — это не убийство животных. Настоящий охотник понимает, что каждый вид живот-

ного требует определенного отношения. Потому-то на одних мы активно охотимся, других рачительно оберегаем, но и в том и в другом случае необходим рациональный подход, предварительные подсчеты, оценка перспектив.

Хищные животные — естественный и необходимый компонент природных экологических систем. Это существа отлично развитые, сильные, ловкие, смелые, красивые, сообразительные. Истребление какого-либо вида причинит непоправимый вред всему биогеоценозу в целом, не говоря о том, какой урон это нанесет нашему хозяйству. Но численность каждого из них должна контролироваться.

Лесная зона нашей страны обладает фаунистическим своеобразием. Ее экологическим системам свойственны многовидовой состав птиц, зверей и других животных, очень сложная структура биоценозов, напряженные межвидовые отношения вообще, а в системе хищник — жертва в особенности.

Сущность взаимоотношений крупных хищников и их жертв представляла большой интерес издавна, когда таежно-лесную териофауну только начали изучать, а природная среда была нетронуто-первозданной. Обилие таких типично хищных млекопитающих, как бурый медведь, волк, рысь, россомаха, лисица, лесные кошки и другие, и их потенциальных жертв (лось, благородный олень, кабан, косуля, кабарга...) придавало их связям и взаимоотношениям особую сложность, не лишенную драматизма.

С течением времени разреживались и сводились коренные леса, соответственно сокращались ареалы и численность многих охотничье-промысловых животных, некоторые из них оказывались

на грани исчезновения. Но териологические и экологические исследования, а особенно выявление сущности межвидовых отношений, еще недостаточно глубоки и всесторонни, работы же, освещающие эти вопросы, немногочисленны.

А обстоятельные труды о взаимоотношениях крупных хищных зверей и их жертв необходимы, так как в последние 15—20 лет проблема обострилась из-за тенденции так называемого «биологического пацифизма», идеализирующего почти всех хищников, отчего возникла резкая несогласованность между задачами охраны животного мира и повышения продуктивности охотничьих угодий. Противоречивость и сложность понимания роли хищников усложнялась неуклонно возрастающим напором любительской и промысловой охоты, поэтому популяции потенциальных жертв тех и других, в первую очередь диких копытных, оказались в трудных условиях.

Необходимо остановиться на межвидовых отношениях среди хищных зверей. Они, как известно, определяются главным образом кормовой специализацией, причем в наиболее острой форме выражены у видов, имеющих общие кормовые объекты, когда интересы хищников сталкиваются. Потому-то непримиримо враждебно отношение тигра и волка — ведь оба активно охотятся на изюбра и кабана; волк ожесточенно преследует рысь — у того и другого хищника излюбленная жертва — косуля; рысь, в свою очередь, использует любую возможность, для того чтобы задавить ненавистных ей лисицу или харзу.

Зато у хищников, заметно отличающихся характером приспособительных признаков, даже при значительной общности основных кормов

вражда сглаживается. Возьмем, например, бурого и черного медведей, черного медведя и барсука, лисицу и енотовидную собаку...

Очевидно, лишь хорошо выраженная специализация в использовании территории, биоценозов и разнообразных кормов обуславливает возможность обитания в лесных угодьях нашей страны разнообразных хищников.

Закономерность распространения крупных хищников представляется возможным проследить на примере Амуро-Уссурийского края. Так, на юге Приморья, в зоне обитания леопарда и тигра, волк и рысь встречаются единично. В горнотаежном Сихотэ-Алине численность волка и тигра носит в основном черты обратной пропорциональности, в иных случаях перерастающей во взаимоисключение. В левобережном Приамурье такая же закономерность характерна для волка и рыси, но бурый медведь и тигр этой закономерности не подчиняются. И, очевидно, не столько по той причине, что оба они равно сильны, сколько потому, что их экологические потребности и кормовая специализация имеют довольно мало общего и совпадают не во все сезоны.

Теперь вернемся к взаимоотношениям хищник — жертва. Каковы же размеры влияния крупных плотоядных на популяции милых нашему сердцу оленей, косуль, ланей, кабанов, зайцев?.. Скажем прямо: при отсутствии должного контроля за распространением и численностью хищников это воздействие весьма значительно, оно по размерам близко к цифрам годового приплода потенциальных жертв. Думается, вывод может быть один: крупные хищники в охотничьих угодьях должны непременно жить, но их число должно

быть достаточным лишь для того, чтобы регулярно оздоравливать популяции своих жертв, изымая из них преимущественно нежизнеспособных особей: больных, недоразвитых, старых, но не превышать этой необходимой численности.

Проблема жесткого, научно обоснованного контроля за поголовьем крупных хищников приобретает особую остроту и значимость в свете Продовольственной программы. Резко повысить заготовки мяса диких животных вполне возможно, но лишь при регулировании численности хищных зверей, являющихся основным потребителем дичи. Таким образом, контроль численности хищников в первую очередь — один из методов рационального управления животными ресурсами.

Не совсем справедливы утверждения ряда ученых о том, что жертвами хищников является биологический «излишек» популяций жертв, якобы обреченный на гибель вследствие своей нежизнеспособности. Есть серьезные основания думать, что хищники способны не только сдерживать рост численности популяций жертв на невысоком уровне, но в неблагоприятных условиях и подавить ее, — ведь вместе с неполноценными гибнет много здоровых особей, причем последние количественно резко преобладают. Волк, как известно, берущий жертву измором в стремительном преследовании, имеет основания считаться «санитаром» в гораздо большей мере, чем такие, как тигр, леопард или рысь, при молниеносном нападении которых гибнут отнюдь не только слабые и больные.

Наиболее уязвим молодняк. Судите сами: у кабана, например, до годовалого возраста доживает в среднем 52 % поросят, гибнет же их

больше всего от нападений хищников. Около половины телят сохатого уничтожают бурый медведь и волк. У изюбра и лося из возможного прироста поголовья 30—35 % фактически зубов хищников избегает 8—10 %. В зарубежных странах, а также в ряде наших республик, где мало крупных хищников, прирост поголовья копытных гораздо выше, иногда поразительно высок.

Известны иные примеры: уничтожение хищников и строгая охрана растительоядных животных приводили к плачевным результатам. В этом плане классическим примером стал крах популяций копытных на обширном лесном плато Кейбаб в американском штате Аризона и в нашем Крымском заповеднике. Но здесь ошибка человека заключалась в том, что он не учел генетически закрепленную большую биологическую инертность плодовитости копытных при исторически длительном воздействии хищников в расчете на высокую смертность. Уничтожая хищников, человек должен был взять на себя функции селекционного отлова или отстрела.

Мы очень далеки от мыслей об уничтожении крупных хищников, являющих собою физиологически и психически высокоразвитых животных, не только украшающих природу, но и составляющих важные звенья и связи в сложных тонко сбалансированных экологических системах. И нельзя не согласиться и с тем, что для здоровья популяций жертв их эволюционно закрепившиеся связи с хищниками необходимо сохранить, пусть в степени, необходимой для эволюционного процесса. Однако таких редких хищников, как тигр или леопард, проблема регулирования поголовья касается меньше всего: их нужно любой ценой охранять — слишком мало.

Следует учитывать и то обстоятельство, что всевозможные контакты между крупными хищниками и человеком, в том числе и встречи «нос к носу», учащаются, причем не только в заповедниках или национальных парках, но и в природе, потому что люди, а особенно туристы, армия которых становится все многочисленнее, проникают в самые дальние уголки Земли. А каждая такая встреча может стать трагической — ведь и ручной лев порой выходит из повиновения. Кроме любви мои герои заслуживают уважения, а особенно — глубокого понимания психики и знания повадок.

Пользу, приносимую мелкими хищными зверями, трудно переоценить: они истребляют мышевидных грызунов, являющихся истинным бедствием в сельских местностях. Кроме того, куницы, соболи, хори, колонки, горностаи, енотовидные собаки — это ценная пушнина, доход от которой государству очень велик.

Хищники — существа, как уже отмечалось, физически и психически высокоорганизованные, они не только самоотверженно выращивают, но воспитывают и обучают свое потомство сложной науке жить. Они способны радоваться и переживать, любить и ненавидеть. Звери заслуживают нашей любви и защиты — ведь природа без них немыслима!

Хищные звери стоят наших забот, внимания и интереса не только потому, что занимают «верхние этажи» исключительно сложной пирамиды жизни на Земле. Среди многовидового класса зверей по физическому и психическому развитию они уступают лишь человекообразным обезьянам да морским млекопитающим, зато явно превосходят их по разнообразию форм и размеров.

Вроде бы все ведут сходный образ жизни, но представьте себе рядом тигра и горностаю, а еще лучше ласку на кончике носа бурого медведя, вездесущую лисицу и редкостную росомуху, многочисленного колонка и таинственного лесного кота, всеядного барсука и плотоядную рысь... И чем внимательнее мы станем приглядываться к каждому из них в отдельности, тем больший интерес возникает ко всему этому славному и сложному отряду в целом.

Несмотря на столь большие внешние и внутренние различия, всех этих зверей объединяет ряд общих признаков. У всех них сходно строение зубов: есть крупные клыки, бугорчатые, обычно с большими и острыми режущими краями коренные. У хищников своеобразно и строение черепа. Они систематически добывают или по крайней мере могут умертвить позвоночных животных и съесть их. У всех них ключицы или сильно недоразвиты, или совсем отсутствуют, передние ноги очень подвижны. На лапах четырех пальцев, на каждом из них — коготь. Мозг и нервная система более совершенны, чем у других животных. Есть достаточно много других общих признаков, делающих в известной мере схожими тигра и горностаю, медведя и ласку, лисицу и росомуху и в то же время непохожими на представителей других систематических групп мира животных, например на лося или белку.

Биологическое превосходство и пластичность хищников позволили нашим героям освоить почти весь Земной шар, удивительное множество разнообразнейших мест обитания, в том числе моря и океаны, высокие заснеженные горы, тропические жаркие страны, пустыни и ледяные безмолвные пространства. Их нет лишь во внутренних

частях Антарктиды, сплошь покрытых километровыми толщами льда. Но более всего их в лесах, будь то приполярное редколесье или тропические джунгли.

В соответствующих главах книги мы уже рассматривали характер и проблемы взаимоотношений различных видов хищных зверей, и проблеме хищник — жертва уделили достаточно внимания. Теперь настал черед посмотреть, какие же «порядки» существуют внутри каждого вида. А для начала разговора придется коснуться некоторых теоретических положений.

Жизнь и взаимоотношения зверей одного и того же вида представляют большой интерес. До пятидесятих годов зоологи преимущественное внимание уделяли самому животному, индивидууму: изучали строение его организма, физиологию и т. п. Потом вниманием ученых завладели популяции — совокупности животных какого-либо вида, населяющих определенные пространства. Сейчас принято считать, что популяция — не только основное подразделение вида, но и элементарная форма его существования. Теперь многие считают, что экология — это прежде всего наука о взаимоотношениях не организмов, а популяции и природной среды.

Для всех популяций характерно длительное существование, свободное скрещивание и передвижение составляющих их особей в определенных границах. Но в каждой из них есть и нечто свое: структура по полу и возрасту, движение численности, организация и др.

Популяционная общность — одно из важнейших средств в борьбе за существование. Популяция как единое целое приспосабливается к среде, живет, эволюционирует, как целое реагирует на

изменение условий обитания, в том числе и на охотничий промысел. Она всегда стремится к сохранению своей оптимальной структуры по половому и возрастному составу, своей организации, даже популяция таких хищников-одиночек, как, например, тигр, и таких злых, кровожадных зверьков, как колонок. Вне популяции животное, как правило, существовать не может.

Но обратите внимание: несмотря на единство популяций видов, населяющих какие-то определенные биотопы и районы с более или менее четкими границами, члены этих популяций живут на своих индивидуальных участках поодиночке или небольшими семьями. Мы уже говорили: каждый участок — неприкосновенная собственность. Животные обозначают его границы особыми метками — пахучими выделениями, зрительными знаками и т. п. Пришельцы изгоняются. Драки за участки обычны, особенно между самцами. Молодняк по достижении зрелости родительский участок покидает и ищет незанятое место. Нередко в условиях высокой численности эти поиски носят драматический характер. Когда свободного места не остается, срабатывают тонкие внутрипопуляционные связи саморегуляции численности. Об этом тоже стоит поговорить особо.

Между численностью и составом популяции — мудрые связи. Когда, например, по каким-то причинам в ней очень резко сокращается поголовье, а потом условия обитания улучшаются, — звери усиленно размножаются, становится больше самок, определяющих количество и качество потомства. К неблагоприятным воздействиям среды самки более стойки, и в этом — большой смысл.

В беде, общей для популяции, гибнут в первую очередь самцы, и те из них, кто послабее. В неблагоприятных условиях самцов рождается больше, больше и гибнет, и в этом также заложен большой смысл: ускоренная «оборачиваемость» самцов способствует быстрейшему приспособлению популяций к меняющимся условиям среды. Очень сложны внутривидовые механизмы, во многом они до сих пор остаются для нас таинственными, но тайна усиливает наш интерес к этим животным.

Вот что еще интересно. Если в межвидовых отношениях много драматического, а иногда и трагического, то внутривидовые направлены и подчинены задаче сохранения вида. Конечно, драки между зверями одного вида далеко не редки, и они, как мы видели, порой ожесточенны. Но, повторим важную мысль, до смерти кого-либо из драчунов дело доходит редко. Это характерно лишь для немногих видов, например для бурых медведей. Внутривидовая агрессивность вполне обоснованна: территория между особями распределяется наиболее рационально, и каждый зверь хорошо знает свое место в общей иерархии.

Вероятно, все видели драку собак. Она очень жестока. Но вспомните: тот, кто оказался слабее, убегает, не стесняясь, а порой падает на спину и смиренно подставляет свое наиболее уязвимое место — шею с яремной веной — прямо к пасти более сильного противника. Но до убийства дело не доходит. Жесты покорности побежденного немедленно включают запрещающие механизмы у более сильного. И в этом — тоже мудрость звериного существа. Звери дерутся не столько ради самоутверждения, сколько для сохранения всего рода, вида.

Впрочем, истины ради следует внести некоторые уточнения. Драки между самками во многом не похожи на «турнирные поединки» самцов. Самки между собой дерутся реже, но нередко до смерти. Было замечено: представители женского пола в битве гораздо беспощаднее мужского. Самцы не умирают ради самок, они склонны к компромиссу и не намерены гибнуть в бою из простого тщеславия. Самки же куда реже идут на компромисс, когда вопрос касается супруга или детенышей.

Человек, как известно, тоже млекопитающее, хотя, конечно, занимает исключительное положение. Наши отношения и чувства чрезвычайно сложны и многообразны, но среди них, пожалуй, самыми давними, чистыми и благородными являются чувства любви и отношения влюбленных. С любовью связаны радость и горе, гордость и зависть, самопожертвование и эгоизм.

Мы привыкли считать любовь привилегией человека, однако это не совсем верно. Нельзя отрицать яркого проявления в брачных отношениях животных инстинкта, однако многим животным, в первую очередь хищным зверям, свойственны чувства сильного влечения к избранному или избранной, нередко единственному или единственной, чувства тоски в разлуке, переживания отверженного, ревности, радости обладания.

Многое в брачном поведении наших четвероногих клыкастых героев достойно не только уважения, но и удивления. Обратите внимание: как только самка выбирает себе из нескольких единственного, остальные соперники удаляются. Самец, как правило, никогда не обижает подругу, даже если та набрасывается на него, кусает. Брачные игры у многих зверей очень эмоциональ-

ны, и в них проявляется не только страсть, но и ласка и нежность.

Волки, енотовидные собаки, леопарды и некоторые другие звери сохраняют супружескую верность долгие годы, в воспитании потомства самцы принимают самое деятельное участие. Потеряв подругу, они сходятся с другой трудно.

Разнообразие форм психической деятельности животных всегда вызывало удивление человека.

Все знают, что собакам свойственна преданность хозяину и злоба к недоброжелателю, что они умеют бурно радоваться и глубоко тосковать, любить и ненавидеть, играть и серьезно работать. Собака очень тонко чувствует настроение своего хозяина. А самое удивительное — собака зачастую по характеру похожа на хозяина, она со щенячьего возраста живет вместе с ним, его эмоции, среда, в которой она живет, оказывают влияние на ее характер, формируют у собаки определенную эмоциональную систему. То же свойственно и другим прирученным животным, например рыси, выдре.

Поразительно сложен и многообразен мир запахов у зверей. У них имеется до десяти специальных желез, а у иных и до двадцати, каждая из которых выделяет секрет со специфическим запахом. Ими животные заявляют о себе, маркируют свою территорию, привлекают брачного партнера. Запах говорит о виде зверя, его поле, возрасте, силе, здоровье и даже о желаниях и настроении.

Беспомощным выглядит человек в сравнении со зверем ночью. Представьте: сплошная облачность, ни луны, ни звезд, тьма кромешная. Закрой глаза, открой — никакой разницы, все чернота.

Вы уверены, что в этой темноте невозможно что-либо увидеть, а многие звери, если не большинство, прекрасно видят. Ночью бодрствует большее число зверей, чем днем. Одни собирают орехи или роются в лесной подстилке, другие подкрадываются к своей жертве. Постепенно затихающий треск сучьев свидетельствует о том, что убегает какой-то зверь.

Хищные звери обладают не только высоко развитой нервной деятельностью, тонко и точно действующими органами чувств. Они и физически прекрасно организованы — сильные, выносливые. Одни из самых мощных «тяжеловесов» на земле — они, самые быстроногие — они, самые ловкие — тоже они. Звери переносят и лютую стужу и все испепеляющий зной.

И разве эти прекрасные земные существа не достойны нашего внимания и восхищения? Разве можно остаться равнодушными к их ставшей очень трудной, нередко трагической судьбе? Разве не пожелаешь изучить их образ жизни обстоятельнее?

Ради пробуждения этих чувств и стремлений и писалась эта книга.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Почему на них охотятся...	7
Косолапые	16
Серый разбойник	35
Рысь	50
Рыжая плутовка	61
Вечный бродяга	73
Соболь	81
Американская норка	95
Колонок	108
Зачем их охраняют...	122
Амурский тигр	127
Леопард	149
Белогрудый медведь-древолаз	162
Загадочный красный волк	174
Дикие кошки	179
И они имеют право на защиту...	188
Лесной мелиоратор	190
Выдра	202
Южанка в снегах Сихотэ-Алиня	216
Маленькие храбрецы	226
Разговор не окончен...	241

Кучеренко Сергей Петрович

ХИЩНЫЕ ЗВЕРИ ЛЕСА

Зав. редакцией *В. И. Кичин*

Редактор *А. И. Земскова*

Художник *В. А. Лаповок*

Художественный редактор *С. В. Соколов*

Технический редактор *С. В. Фельдман*

Корректор *К. В. Шин*

ИБ № 4761

Сдано в набор 17.04.87. Подписано в печать 15.12.87. Т-24440.
Формат $70 \times 100^{1/32}$. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Тип
Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,4. Усл. кр.-отт. 21,12.
Уч.-изд. л. 10,07. Тираж 70 000. Изд. № 300. Заказ № 450.
Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени ВО «Агропромиздат»,
107807, ГСП, Москва, Садовая-Спасская, 18

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 143200, Можайск,
ул. Мира, 93

70 коп.

